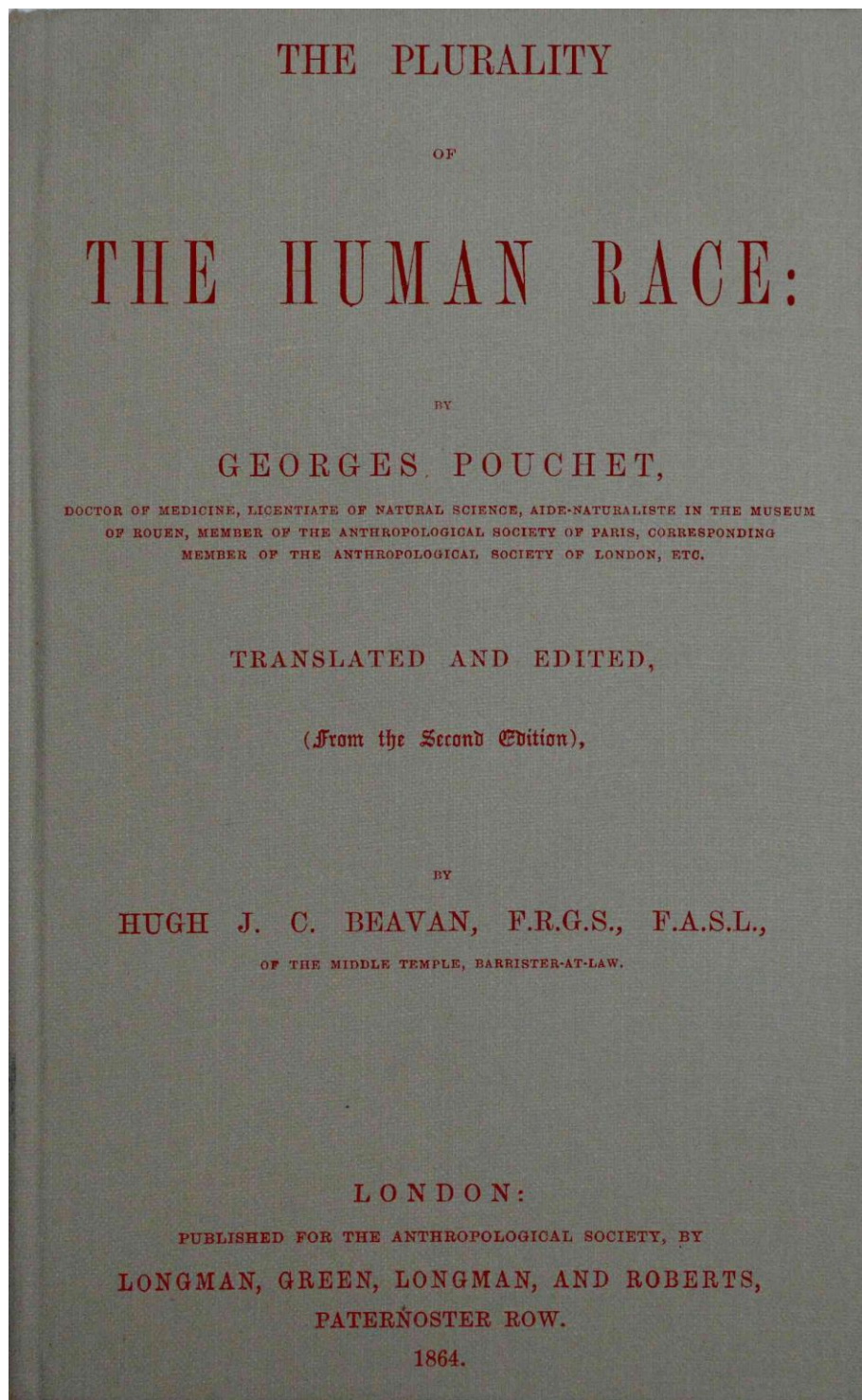

Множественность человеческой расы

Г. Пуше

Электронная книга проекта "Гутенберг" о множественности человеческой расы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Множественность человеческой расы

Автор: Г. Пуше

Переводчик: Хью Дж. К. Биван

Дата выхода: 10 февраля 2023 [Электронная книга №70009]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Лонгман Грин, Лонгман и Робертс, 1864

Авторские права: дэуридер, Криста Залески и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ" ***

Публикации

Лондонское антропологическое общество.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ.

POUCHET.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ:

АВТОР: ЖОРЖ ПУШЕ,

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ, ЛИЦЕНЦИАТ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК, ПОМОЩНИК НАТУРАЛИСТА В МУЗЕЕ РУАНА, ЧЛЕН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПАРИЖА, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЛОНДОНА И ДР.

ПЕРЕВЕДЕНО И ОТРЕДАКТИРОВАНО (из Второго издания) ХЬЮ ДЖ. К. БИВАНОМ, F.R.G.S., F.A.S.L., МИДДЛ ТЕМПЛ, АДВОКАТОМ.

ЛОНДОН:

ОПУБЛИКОВАНО ДЛЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Фирма "ЛОНГМАН, ГРИН, ЛОНГМАН И РОБЕРТС",
ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.
1864 год.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОСТОПОЧТЕННОМУ СЭРУ ЭДВАРДУ Г. Э. Л. БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ, БАРТУ, члену парламента, окружному прокурору И ДР.

При всем уважении К ВЕЛИКОМУ ПИСАТЕЛЮ И УЧЕНОМУ ЧЕЛОВЕКУ, АВТОР Хью Дж. К. БИВАН.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Несколько слов в качестве предисловия к книге о *множественности Человеческой расы* необходимы и желательны. Они особенно актуальны, когда Автор и Редактор значительно расходятся во мнениях, как в данном случае; и хотя ни в коем случае не является *обязательным* условием, чтобы они всегда соглашались, есть определенные моменты, по которым может потребоваться несколько строк.

Издательский комитет Лондонского антропологического общества оказал мне честь, доверив перевод и редактирование этой книги моим заботам, и я приступил к выполнению задачи с некоторой неуверенностью, поскольку это, вероятно, первое произведение подобного рода, которое когда-либо было представлено английскому литературному миру в удобной и популярной форме. В таком случае иногда можно встретить выражения, которые могут показаться иностранными; но в этих случаях я предпочел дать более буквальный перевод вместо того, который, возможно, не сможет передать истинный смысл Автора. В книгах, содержащих такие весьма своеобразные идеи, как идеи месье Пуше, необходимо быть особенно осторожным в этом отношении.

В умном характере и кратком изложении этой работы можно не сомневаться, но мне жаль находить в ней мнения, с которыми я совсем не могу согласиться, и для доказательства которых, или, скорее, попытки сделать это, наука напрягается неестественным образом. Теория самопроизвольного зарождения ни в коем случае не нова; но г-н Пуше может пролить очень мало света на этот предмет и оставляет его таким, как прежде, — совершенно недоказанным. Крайний скептицизм его взглядов вызывает большое сожаление, и в этом особенно Автор и Редактор полностью расходятся во мнениях. Первый склонен изо всех сил выдвигать свои взгляды, когда они не требовались и их лучше было бы не высказывать.

Однако перед нами открылась новая и чрезвычайно интересная область исследований; но чем больше усилий прилагает наш автор, чтобы объяснить и проиллюстрировать чудеса нашей физической и психологической природы, тем больше ему кажется, что он опровергает свою собственную теорию спонтанного зарождения. Блэкмор сказал...

“Опрос

Значит, скептики говорят, что природа вытянула лицо

В этом обширном поле чудес можете ли вы найти

Никакого искусства?”

Но месье Пуше *действительно* находит искусство в природе; он говорит нам, что пути его сложны и многообразны, но все же все это возникает из какого-то зародыша, спонтанно возникшего, он не может сказать как.

За этим исключением, которое, по мнению некоторых, вовсе не является недостатком, я искренне рекомендую эту книгу членам Общества и общественности в целом. Ясность и даже блеск весьма своеобразного стиля месье Пуше вскоре обнаруживаются, и неудивительно, что его книга имела большой успех во Франции. Мое искреннее желание, чтобы так было и в его английской форме. Я должен особенно поблагодарить моего друга мистера Картера Блейка за множество добрых и ценных советов, и вряд ли мне нужно говорить в заключение, что к переводу и редактированию было приложено максимум усилий. Теперь я передаю эту небольшую работу на доброе рассмотрение Общества и всего мира. Им судить о том, как я выполнял свои обязанности.

Х. Дж . К. Б.

Лондон, 30 августа 1864 года.

ПРОФЕССОРУ РИЧАРДУ ОУЭНУ.

Сэр, я просил разрешения посвятить вам первое издание этого очерка в память о добром гостеприимстве, которое я некогда получил от вас в коттедже в Мортлейке, и о наших долгих беседах, в которых вы были так готовы дать хороший совет.

Долг гостеприимства никогда не может быть возвращен. Я счастлив, что могу еще раз выразить вам свою благодарность и свое восхищение вашими великими работами.

GEORGES POUCHET.

Muséum de Rouen, July 1st, 1864.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Сейчас я предлагаю вниманию публики второе издание книги, успех которой намного превзошел мои ожидания. Одни отнеслись к ней с добротой, другие подвергли ее яростной критике. Об этом донесли высшим представителям университетской власти, от которых я зависел, и я был обязан своим избавлением от неприятностей, которые могли навлечь на меня, — потому что я выдвинул научное мнение, расходящееся с книгами, приписываемыми пророку Моисею, — справедливости одного из самых уважаемых членов Института. Я в большом долгу перед моим прославленным защитником. За шесть лет мой разум продвинулся вперед, и с теми же проблемами я больше не столкнусь.

Во Втором издании будет обнаружено немало изменений; так всегда бывает с наукой. Что касается воображения, то, когда художник заканчивает свою работу, он может применить ее к миру и следовать своей фантазии каким-то другим способом. Если бы наука состояла только из истин, условия ее существования были бы почти одинаковыми для ее учеников; но искатель истины - это не творец, подобный художнику, он объясняет и размышляет над миром фактов, изменяющимся ежечасно, в соответствии с тем, как гипотезы превращаются в достоверность, или вчерашние достоверности - в сомнительные случаи сегодняшнего дня. Таким образом, это непрерывная работа по исправлению и переделке, направленная на поддержание даже самой скромной работы в гармонии с ежедневным прогрессом науки; я сделал эту работу настолько совершенной, насколько это было в моих силах. Я очень внимательно отнесся к списку авторитетных источников. Я также указал их названиями все статьи из периодических изданий, обзоров или академических сборников, к которым я отсылаю читателя. Я уверен, что те, кто знает, какая неблагоприятная задача - искать в таких плохо каталогизированных библиотеках, как большинство из наших, воздадут мне должное за эту часть моей работы. Мы можем увидеть выражение науки в данный момент только в *Мемуарах*. В конце концов, книги - это всего лишь краткое изложение: они доступны даже в день их публикации.

Г. П.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Посвящение редактора	v
Предисловие редактора	vii
Посвящение автора	ix
Предисловие автора	xi
Содержание	xiii

Введение	1
ГЛАВА I.	
Царство людей	10
ГЛАВА II.	
Сравнительная психология	24
ГЛАВА III.	
Орден Биманы	38
ГЛАВА IV.	
Анатомические, физиологические и патологические разновидности	43
ГЛАВА V.	
Интеллектуальные и филологические разновидности	62
ГЛАВА VI.	
Влияние климата	80
ГЛАВА VII.	
Влияние гибридности	95
ГЛАВА VIII.	
Виды	108
ГЛАВА IX.	
Система	134
Указатель испытуемых	153
Указатель авторов	156

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ.

Введение.

Долгое время, в средние века, наука была для большинства людей тем же, чем она была для Сервета, простым пересказом или глоссарием богооткровенного текста. В этом была доля истины, и если само наблюдение иногда казалось противоречивым, то, несомненно, имела место какая-то ошибка; было необходимо пересмотреть спорный вопрос, и путем исследования фактов они были изменены так мудро, что в конце концов всегда оказывалось, что они совпадают.

По всему Востоку, среди семитской расы,¹ которой превыше всего прочего присуще уважение к авторитетам, наука все еще жива. Без закона нет науки, и Коран - это то, чем были книги сынов Израиля и писания апостолов в средние века, великий, единственный авторитет, к которому все обращалось.²

Если наука засияла ярким светом на Востоке, то это произошло исключительно благодаря внедрению более гуманной философии, зародившейся среди другой расы и переданной туда трудами Аристотеля и неоплатоников. Восток на мгновение был вдохновлен этими чуждыми доктринами, которые он был бы неспособен создать сам. Оно возрождалось в течение столетия или двух под их влиянием, но вскоре все вернулось к прежнему состоянию порядка; воссияв в варварстве чистого теизма, откуда оно никогда бы не вышло без контакта с миром внешним и стоящим выше определенных соображений, без сиюминутного образования, которое оно таким образом получило от него.

Не все науки находятся в одинаковой тесной связи с текстами, называемыми богооткровенными; математиологический порядок - это тот, в котором науки меньше всего пострадали и могли пострадать от религиозного влияния; во-первых, математика, которая по своей природе никогда бы не знала, как уступить; и, наконец, геология и антропология, тесно связанные с Божественной традицией первой главы книги Бытия. Но посмотрите, как геология, которая, как мы так долго думали, была в согласии с ним, с каждым днем становится все более отдаленной по мере того, как множатся новые открытия. Мнимые эпохи день за днем видят, что их искусственные границы исчезают, теперь, когда на угольных месторождениях можно встретить рептилий, а в Триасе - млекопитающих.

Антропология во Франции, кажется, наконец-то желает освободиться от позорного ига, которое так долго парализовывало ее развитие. В свою очередь, она претендует на независимость. Но мы хотели бы заявить, что принцип авторитета, потерпевший поражение по столь многим пунктам, сосредоточил свои наивысшие усилия за этим последним бастионом, призвав на помощь претензии на мораль и пристойность. Вопрос о единстве или множественности человеческой расы, поскольку он относится к биологическим видам, является только научным; но другие делают из него принципиальный вопрос, как во времена Галилея, когда речь шла об опровержении идей старого света, подкрепленных свидетельством, в котором нельзя было сомневаться. Таким образом, борьба идет острая;³ чувствуется, что это относится почти к догме, а не просто к второстепенному факту. Наука сталкивается здесь с религией, как в случае с геологией и как раньше с астрономией; но потрясение никоим образом не является столь сильным, его последствия никоим образом не могут быть столь велики. Антропология в большей степени, чем любая другая наука, должна дать колоссальные результаты.⁴ Кто не видит, что пропасть под верой прошлого с каждым днем становится глубже и что наука в определенный момент станет основой более совершенной морали?

Этот антагонизм - первая трудность, с которой мы сталкиваемся на пороге антропологии. Мы хотели бы затронуть нашу тему, не будучи обязанными, не совсем обсуждать ее, а просто показать спорный момент в вопросе. К сожалению, нам был дан пример; мы должны ему следовать. В антропологии можно найти две школы; одна называется школой полигенистов, другая - школой моногенистов,⁵ два слова, пришедших из Америки, и которые мы получили потому, что они обладают большим преимуществом ясности и точности, определяя, по противоположной точке зрения их доктрин, две различные школы: одна признает только одну семью в человеческом роде, из которых только некоторые члены сохранили первобытный тип — измененный повсюду; другая школа не признает прямого родства между расами человечества. Полигенистическая школа сравнительно современна; основатели антропологии — Блюменбахи

и Причарды — принадлежали к другой. Так вот, если бы они заняли свою позицию с чисто философской или экспериментальной точки зрения, нас сейчас приняли бы очень плохо, если бы мы пересматривали этот вопрос на горячей почве. Однако на самом деле это было не так. Большинство моногенистов⁶ до настоящего времени совершали универсальную ошибку, ссылаясь в доказательство своих идей на авторитет, который недопустимо обсуждать. Наука не является ни особым атрибутом привилегированных каст, ни отдаваемым в определенные времена предпочтением другим; ей никогда не приходилось ждать откровения; она универсальна, и все люди, наделенные одинаковыми способностями, всегда могли, во всех странах и во все времена, продвинуться в ней настолько далеко, когда у них были одинаковые средства и одинаковые возможности наблюдения; таким образом, психология, основанная на простом размышлении, продвинулась в наши дни не дальше, чем в Афинах или Александрии; от Платона до Декарта существует лишь расстояние между одной системой и другой.

“Историки того, что есть, - сказал прославленный глава философской школы Франции Этьен Жоффруа Сент-Илер, - мы не можем потерпеть неудачу, за исключением того, что перестаем сообщать истину”.⁷ Итак, истиной в науке можно управлять только двумя способами: рассуждениями на манер математики и наблюдением, разновидностью которого является эксперимент. Каждая идея *априори*, каждая гипотеза хороши только в том случае, если мы принимаем их с твердой решимостью отказаться от них, если факты больше не поддаются объяснению с их помощью. Без этого его влияние катастрофично, пусть происхождение этой предыдущей идеи находится в нас самих или в других, независимо от того, является ли она нашей собственной или была нам навязана.⁸

Отталкиваясь от предвзятой идеи, в науке чаще всего приходишь к ложным утверждениям, всегда к неопределенности. Именно на соображениях такого рода некоторые не побоялись основать теорию единства человеческой расы;⁹ с тех пор, как эта гипотеза была принята, они привели, вольно или невольно, свои наблюдаемые факты в соответствие с ней. Были ли им неприятны общепринятые принципы классификации? Они прошли мимо; они закрыли глаза на самые глубокие, самые позитивные, самые очевидные различия. Не должно ли тогда восторжествовать единство? Что это значило, кроме того, произошел ли негр от белого человека или наоборот — ибо эти два мнения отстаивались; некоторым хватало нескольких поколений, чтобы превратить прекрасную греческую кровь, давшую образцы Фидию и Праксителю, в австралийского аборигена. Для других негры были истинным воплощением наших прародителей, тем совершенным творением, которое последним вышло из рук Бога. Лейтенант.-Полковник Х. Смит¹⁰ признал бы, что вначале были созданы отдельные определенные группы людей, если бы откровение не было положительным на этот счет. Особенно мы замечаем у Кемпфера образец того, что мы могли бы назвать *ортодоксальной этнологией*, который любопытен прежде всего; обнаружив, что японцы не имеют ничего общего с китайцами, он с поразительной уверенностью решает, что они являются прямыми потомками людей на строительных лесах Вавилонской башни. И поскольку их язык не похож ни на один другой, он делает вывод, что их предки, должно быть, путешествовали очень быстро, чтобы не познакомиться ни с кем другим!¹¹

И пусть никто не говорит, что это устаревший вопрос для рассмотрения наукой. Ортодоксальная физика и химия на самом деле не мифы. Месье Марсель де Серр, который также занимался антропологией, говоря о дискуссиях, которые велись между сторонниками излучения и сторонниками световой волны, добавляет, что у этой последней теории больше шансов быть

точной, “потому что факты, изложенные законодателем евреев, кажутся ему более близкими к истине”.¹² Конгрегация Индекса, оценивая Галилея, рассуждала таким же образом.¹³ Таким образом, мы сразу приходим к запрету некоторых исследований и спрашиваем себя, как два таких выдающихся человека, как Гумбольдт и Бонплан, могли одобрить такие строки, как следующие? “Общий вопрос о первоначальном происхождении жителей континента выходит за рамки, предписанные историей, *возможно, это даже не философский вопрос.*”¹⁴ Это правда, что работа, в которой содержится это необычное заявление, посвящена его католическому величеству Карлу IV.

Благодаря этим роковым влияниям, благодаря запретам, которыми некоторые хотели бы задушить естественную историю человечества, как будто они боялись увидеть, как искра, которая должна была разрушить прошлое, исчезнет вместе с полным светом; благодаря всем этим препятствиям антропология была на долгое время отброшена на задний план.

Именно в Америке мы видим, как она восстановлена в своем ранге, в этой стране всевозможных свобод. Именно туда должен отправиться наш старый континент, чтобы найти мастеров, которые знали, как приступить к научным занятиям с тем свободным и независимым умом, который в старые времена, согласно Эпикуру, освободил человечество от гнета суеверий и передал интеллекту скипетр мира.

Восемнадцатый век, при всем его скептицизме, немало сделал в этом направлении; его вина, действительно, заключалась в этом скептицизме, в этом *априорном* сомнении. Он был отвергнут без рассмотрения, поэтому его работа не была продолжительной, и несколько строк Вольтера, написанных с присущей ему полигенистической тенденцией, не оказали никакого влияния вообще.¹⁵

В настоящее время Франция и Англия полностью идут по научному пути, открытому американской школой. Прошло несколько лет с тех пор, как в этих двух странах предпринимались тщетные попытки создать ученые общества по изучению этнологии; это время прошло. Сейчас в Париже и Лондоне существуют два процветающих антропологических общества.¹⁶ Мы без колебаний приписываем причину этого успеха глубокой дискредитации, которой справедливо подверглось продолжающееся смешение вопросов веры с вопросами науки.

Помимо религиозного влияния, есть еще одно, которое может дать о себе знать в отношении антропологии. Мы имеем в виду те очень благородные чувства о равенстве и братстве, которые честное сердце будет испытывать по отношению ко всем людям, каким бы ни было их происхождение, какого бы цвета ни была их кожа, но от которых искатель¹⁷ истины должен избавиться, чего бы это ни стоило ему как *мужчине*. Такие чувства делают честь тем, кто ими движим, но когда они вмешиваются в науку, они могут только навредить ей. Сколько лет, сколько столетий анатомии и медицине пришлось ждать, пока они не смогли совершить длительный взлет ввысь! Уважение к мертвым, несомненно, является человеческим чувством, если таковое вообще существует; но раньше оно парализовывало эти две отрасли нашего знания; научиться им можно, только оскверняя бранные останки, которым поклонялись религии древности. Физиология, ставшая столь ясной благодаря вивисекции, не знает жалости; человечество чувствует ее, но физиолог скрывает от себя все знания о ней; она мгновенно уничтожается, поскольку это повредило бы любому исследованию законов жизни.

Следует признать, что наука, привлекающая наше внимание, не смогла полностью освободиться от того, что мы можем назвать *моральной пристойностью*.¹⁸ Это оказывает мощное влияние на определенные умы, иногда невольно, иногда по их доброй воле.¹⁹

Мы сами слышали, как выдающиеся профессора обращались с благородным призывом к братству, которое должно существовать между людьми, отстаивали на своих кафедрах интересы низших рас и провозглашали равенство африканского народа с нами. Такие благородные теории были встречены, как и подобает, самыми горячими аплодисментами. Остается только выяснить, является ли это истинно философским прогрессом и имеют ли доброта, жалость или сострадание какую-либо ценность в великом балансе фактов.

Действительно, настало время, чтобы новый метод — независимый — увидел свет в антропологии, как это уже произошло в астрономии, как это также начало происходить в геологии. Пришло время вернуть человеческому разуму его крылья. Факты, рассуждения, подкрепленные фактами, являются единственной основой любой серьезной работы — любой достоверности в научных вопросах; это единственный метод, который может привести нас — возможно, медленным путем, но верным — к решению самых трудных и самых неясных проблем. Мы не исключаем вопроса о происхождении человека.

Мы не претендуем на то, чтобы быть первыми на пути, который мы здесь указываем, но мы хотим выразить наше сожаление по поводу того, что не видели, как по нему достаточно открыто следуют все те, кто достоин вступить на него. Что касается нас самих, то в этом эссе мы хотели, во-первых, держаться в стороне от всех вненаучных данных — от всей сентиментальной науки; мы хотели подойти к некоторым антропологическим вопросам так, как это сделали бы в Афинах, Риме или Александрии — задача, несомненно, превышающая наши силы, но мы считаем своим долгом попытаться выполнить ее.

Поэтому мы будем тщательно избегать вступать в какие-либо споры, касающиеся догм той или иной религии; мы не будем оспаривать авторитет Священных Писаний, какими бы они ни были, еврейскими, христианскими, арабскими или буддийскими; мы отложили их в сторону, и это все.²⁰ Декарт верно заметил, что следует исследовать каждый научный вопрос, даже самые суеверные и самые ложные, “чтобы признать их справедливую ценность и остерегаться быть обманутыми ими”.²¹ Можно свободно рассматривать это эссе как попытка такого рода.

Нас будут хвалить или порицать: мы уже были такими. Для нашего утешения у нас есть сознательное ощущение, что перед нашими глазами нет другой цели, кроме исследования истины, — истины, общей цели, к достижению которой должны стремиться силы каждого человека, верящего в прогресс. “Там, где царит истина, - говорит месье Шеврель, - невозможны никакие споры или дискуссии”.²² Царство истины - это царство согласия среди человечества. Это золотой век.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЦАРСТВО.

Выше неорганической материи, растений и животных, стоит Человек.

Здесь, без всякого сомнения, человек действительно является первым из организмов, если попытаться расположить в линейный ряд все то, что движется на нашей планете. Кроме того, трудно определить не его *относительное* положение в мире живых, а то, что мы можем назвать его *истинным местом*. Какова, другими словами, ценность различий, которые отделяют человека от других млекопитающих? и на каком расстоянии он находится от животного, которое непосредственно следует за ним в этом линейном ряду, который мы предполагаем? Изучение того, что представляет собой человек по отношению к высшим отрядам млекопитающих и, в более общем смысле, к животным, является основным вопросом, который возникает в антропологии. На первый взгляд кажется, что для того, чтобы разобраться в этом, было бы достаточно бросить взгляд на это целостное тело, сформированное из тех же анатомических элементов, абсолютно подчиненное тем же требованиям развития, питания и размножения, что и животные. Не должно ли все это заставить нас думать, что мы не были полностью созданы из такой нематериальной субстанции, как обычно считали философы? На самом деле это было не так.

Перед нами две системы - две теории. Первый утверждает, что человек - всего лишь первый среди животных, что он *плодообен* им в том ясном и точном смысле, в каком этот термин используется в геометрии, создавая качества, которые могут отличаться *до бесконечности*, но которые все же могут быть сопоставимы.

Другая система, поддерживаемая самыми известными именами, делает из человека своего рода особое существо, отличающееся от других организованных существ отчетливой природой своего интеллекта. Это мнение, принятое и отстаиваемое до последнего ученым человеком, памяти которого мы не можем, *мимоходом*, удержаться от того, чтобы воздать должное ему, Изидору Жоффруа Сент-Илеру. Мы находим во втором томе его *Естественной истории человечества* почти возврат к картезианским идеям. По его словам, животные не мыслят, они обладают только той чувствительностью, которой нет у растений.²³ И знаменитый натуралист согласился с утверждением человеческого царства, являющегося венцом органического и неорганического царств,²⁴ и столь же отличающегося от второго, как это от третьего.

Прежде чем продолжить, нам, возможно, будет позволено сделать одно предварительное замечание. Таким образом, мы можем заявить:—

Предложение.— *Человек по своему физическому организму почти приближается к человекообразным обезьянам.* Независимо от того, является ли человек приверженцем “Человеческого царства” или нет, это сходство является фактом, который ни у кого не возникнет мысли оспаривать. И дело не только во внешних формах; мы обнаруживаем их еще больше, если, обращаясь к фактам, обращаем наше внимание на существенные части, составляющие тело, — на анатомические элементы, — на те тонкие частицы, которые видны только в микроскоп и которые всегда демонстрируют у животных одной и той же группы поразительное единообразие.

Именно здесь перед защитниками “человеческого царства” предстает если не невозможность, то, по крайней мере, своего рода противоречие; ибо существуют два организма, почти не отличающихся друг от друга, находящихся на службе двух направляющих сил, двух абсолютно и радикально непохожих разумов. Несомненно, все силы организованной материи нам

неизвестны, но разве это сходство, хотя бы и поверхностное, не удивляет нас; и не кажется ли, что каждый организм, образованный непосредственно в результате влияний, которые он способен воспринимать или передавать, должен изменяться подобно этим влияниям и в той же пропорции?,,,

Очень легко допустить, что между интеллектом человека и человекообразных обезьян расстояние больше, чем между интеллектом этих последних и интеллектом белки с гладким мозгом, и что в то же время огромное расстояние отмечено только в первом случае очень поверхностными вариациями органа интеллектуальных проявлений, тогда как во втором случае это меньшее расстояние объясняется огромными различиями.

Признать вместе с Боссюэ,²⁵ что этот высший интеллект, свойство человека, не связан с органами, предназначенными для проявлений этого низшего интеллекта, общего для человека и животных, - значит вернуться к Декарту, а это значит снова столкнуться с новыми трудностями. Будет ли этот высший разум, таким образом, оторванный от материального мира, тогда недоступен физическому насилию?

В то время как палец физиолога или хирурга, надавливая на мозг, на мгновение угасает в животном способность мыслить, останется ли человеческий интеллект, освобожденный от этого рабства, в подобном случае нетронутым в высшей сфере? Нет, из-за сжатия мозга человек теряет сознание, как животное. Это материальная субстанция, которая, будучи приведена в соприкосновение с анатомическими элементами нервных центров, может возбуждать,²⁶ беспокоить,²⁷ или угнетать,²⁸ интеллект животных и не оставлять нетронутой ни одну часть человеческого интеллекта.

Давайте еще раз рассмотрим эти две системы, а именно, что человек похож на животных как по своему интеллекту, так и по своему телесному строению; или что он полностью отличается от них. И теперь перед нами на рассмотрение две четко сформулированные теории. Принимать либо то, либо другое *априори*, просто ради приличия или чувства, было бы произвольной процедурой, по существу ошибочной и противоречащей всем правилам; как и в естествознании, для объяснения происхождения чего-либо не требуется никакой другой помощи, кроме *фактов*. Однако, не предвосхищая решения этого вопроса, давайте просто рассмотрим результаты, к которым он по своей природе может нас привести. То, что человек сам по себе является особой сущностью, царством, собственным миром, своего рода *микрокосмом*, целым, находящимся за пределами общечеловеческой жизни, возможно, льстит нашей душе;²⁹ для науки это мало или вообще ничего не значит. У антропологии могут быть свои особые средства исследования; возможно, эти средства еще предстоит найти, но она будет стоять особняком — без пользы для других отраслей человеческого знания, мертвой ветвью, которая не вырастет, сбросив все свои листья. Если нет — если человек вступает на обычный жизненный путь, — если он просто часть одного великого органического целого, неизбежно связанного с другими тысячами точек соприкосновения и интимных отношений, тогда антропология, обогащенная принципом универсальности, становится наукой, от которой мы можем извлечь пользу; она дает своим сестрам, другим естественным наукам, ту помощь, которую она сама получает от них; пути расширяются; наука об организации становится легче, надежнее и шире; *синтез*, проявляя свою мощную энергию, открывает нам путь к неизвестному; разум, преодолевая это препятствие, на которое указывал Монтень, “непонимание” животных, заставит изучить их интеллект и проникнуть в их сокровенные мысли.

Что касается нас самих, мы учимся познавать их, подобно Галену богодухновенному, который получил знания об анатомии человека, препарируя обезьяну.

Давайте попытаемся получить точное представление об этом барьере, который, по-видимому, невозможно преодолеть, отделяющем человека от грубого творения. Сравниваем ли мы его с высшим отрядом приматов, живущих на деревьях, — с этим гением, составляющим славу человечества, поднявшим на такую высоту и науку, и искусство, — или только с последним из нас, членов великой семьи, радующихся белой кожей, *тогда* переход жестокий, и кажется, что пропасть отделяет нас от знаменитого *лесного дикаря*, столь прославленного в путешествиях прошлого века. Именно так было создано человеческое царство, сравнивая две крайности, не принимая во внимание промежуточные термины.

Давайте на мгновение отложим в сторону вопрос о происхождении. Раса или семья, наделенная характерной и объединенной деятельностью, благодаря свойственной ей форме разума, с предрасположенностью к объединению в группу работы каждого индивидуального разума, формирует из этого своего рода мысль, общую для всех, и передает это наследие из поколения в поколение. Можно понять, что со временем эта семья или эта раса достигнет уровня цивилизации, сильно отличающегося от того, который она демонстрировала во время своего возникновения. Совпадение стольких разумных способов действия мягко, но естественно приведет его к чисто метафизическим идеям — к сложной идее божества и т.д. Но при таком расположении каждый, в конце концов, является всего лишь представителем светской интеллектуальной деятельности, привыкшим с колыбели, без какого-либо самоосознания этого факта, к естественным привычкам и языку. Мы спрашиваем, правильно ли сравнивать существо, воспитанное таким образом и превознесенное своими собственными средствами, с животным, у которого нет более отдаленного прошлого, чем его собственное рождение?³⁰ Давайте тогда, ради сравнения их с животными, возьмем тех людей, в которых жизнь в некотором роде индивидуальна, среди которых никто ничего не добавляет к переданному наследству, — среди которых даже это наследство изначально пришло извне, и которые, неизвестно почему, достигнув самого низкого уровня цивилизации, не смогли улучшить или усовершенствовать его.

Кто-то может сказать, что они просто все копируют. Кто-то может сказать, что огромное оружие, используемое жителями Центральной Африки и Австралии, стало известно только благодаря импорту; что дикарь цивилизован в данный момент благодаря контакту с какой—нибудь иностранной нацией - путем подражания, способности, которой в четко обозначенных пределах обладает высший отряд обезьян; и затем, что прогресс был остановлен, когда эти люди вернулись в свои дома. Как иначе мы можем объяснить, например, что северные эскимосы, живущие на льду по берегам ручьев и бухт, умеют шить платья и оружие и никогда не были в состоянии сконструировать машину, способную переносить их по воде?³¹

Если мы разобьем один непрерывный ряд и сравним вместе два первых члена с двумя фрагментами этого ряда, то в действительности они будут казаться совершенно разными; фактически, их почти невозможно связать с одним общим типом. Но если мы сравним последний член одного из этих частных рядов с первым членом следующего, то различия смешаются, потому что преобразования не скрывают части настолько, чтобы нельзя было распознать их фундаментальное единство. Мы обнаруживаем, например, что в серии "Животные" такое ракообразное является почти моллюском, такой рептилией, таким

млекопитающим, почти птицей.³² Различия исчезли; те существа, о которых говорили, что они наиболее отдалены друг от друга, стали почти союзниками друг другу. Мы можем воспринимать только один непрерывный ряд; на самом деле, настолько, что даже там, где есть какие-либо незаполненные пробелы или недостающие звенья, мы считаем себя почти оправданными, заявляя о прошлом существовании (или будущем?) какого-то промежуточного животного.

Что касается нас самих, то ряд существ, приведенный Бонне и Лейбницем, в той мере, в какой он касается любого скрытого явления, возникающего в результате наблюдения существ, которые не были обязательно созданы в этом порядке, верен не только для физического, но и для интеллектуального мира. Если мы захотим узнать, что общего у человека с обезьяной, — какое расстояние между тем и другим, — давайте больше не будем ставить себя на сцену, мы, кому выпала такая привилегия; давайте смело спустимся по ступеням человеческой лестницы и посмотрим, что мы обнаружим, сделав это.

Можно привести немало примеров рас, занимающих столь низкое положение, что они вполне естественно оказались похожими на племя обезьян. Эти люди, гораздо более близкие, чем мы, к естественному состоянию, заслуживают по этой причине всяческого внимания со стороны антрополога и лингвиста, которые оба могут обнаружить с их помощью проблемы, которые иным образом трудно или невозможно решить. Именно потому, что мы не изучили психологические особенности этих рас, мы впали в такие странные ошибки. Что станет со всеми этими превосходными теориями, касающимися этого высшего разума человека, столь полностью независимого и оторванного от мира, которому воздается столько похвал? Что станет с единством человеческого вида, если мы сможем доказать, что определенные расы ни на йоту не более разумны, чем определенные животные, и имеют не больше представления о нравственном мире или религии, чем они сами?

Наиболее часто цитируемый пример - это пример аборигенов Австралии. “Они всегда демонстрировали полное невежество, - говорят и Урок, и Гарно,³³ - своего рода *моральную жестокость*.... Своего рода высокоразвитый инстинкт поиска пищи, которую им всегда трудно добыть, *по-видимому, занял у них место большинства моральных способностей человечества*.” Если бы английская полиция не следила за порядком очень строго, она бы каждый день, по крайней мере в городах своих колоний, нарушала все законы общественного приличия, не задумываясь ни о чем, как обезьяны в зверинце.

В отчете об американской экспедиции 1838 года мистер Хейл пишет, что они почти обладают тупостью животного, что они могут считать только до *четырёх*, а некоторые племена - только *до трёх*. “Способность рассуждать, ” говорит он, “ кажется, у них развита лишь несовершенно. Аргументы, используемые колонистами для убеждения, часто такие, какие они использовали бы по отношению к детям или людям, которые почти идиоты”.³⁴ М. Куой и Гаймар, которых никто не обвинит в полигенистических наклонностях, приводят следующий отчет о своей беседе с этими несчастными людьми. Наше присутствие, казалось, доставляло им своего рода удовольствие; и они пытались объяснить свои ощущения по этому поводу с такой болтливостью, на которую мы не могли ответить, поскольку не понимали их языка. После этой встречи они обычно подходили к нам, жестикулируя и быстро разговаривая; они издавали пронзительные крики, и если мы отвечали тем же, их восторг был безмерен. Вскоре произошла перемена, и они, не колеблясь, попросили чего-нибудь поесть, просто *хлопнув себя по животу*”.³⁵ Зрелище, представшее перед ними, было настолько печальным и трогательным, что

впоследствии они добавили, как бы для успокоения собственной совести: “Однако они не глупы”. Несомненно, это не так; но они, кажется, не заслуживают эпитета, который мир дает этим существам, которые кажутся настолько неполноценными по сравнению с другими. “Злобные, как обезьяны”. *Они не глупы*, и это все.³⁶ Австралийцы в этом не исключение; Бори де Сент-Винсент нарисовал для нас картину жителей Южной Африки, прекрасной и плодородной земли, которая почти столь же печальна. На другом конце света, на том ледяном континенте, который окружает северный полюс, мы находим то же самое уныние.

Сэр Джон Росс, затерянный во льдах, оказался среди людей, которые никогда не видели европейца; этот английский моряк, строго религиозный человек, был особенно приспособлен снисходительно относиться к единственным существам, которые были рядом с ним, но хотя он был внимательным и скрупулезным наблюдателем и, прежде всего, по-настоящему искренним человеком, он, казалось, отчаялся найти в их умах живую искру, которую искал. “Эскимос, - говорит он, - хищное животное, не испытывающее иного удовольствия, кроме еды: и, не руководствуясь никакими принципами и разумом, он пожирает столько, сколько может, и все, что может добыть, подобно стервятнику и тигру”.³⁷ И далее: “Эскимос ест только для того, чтобы поспать, и спит только для того, чтобы снова поесть, как только сможет”.³⁸ Мы спустимся еще ниже, чтобы узнать людей, которые настолько деградировали, что те, у кого есть видевшие их заявили, что если бы они находились в густых кустах или тени леса, то вряд ли бы поняли, обезьяны это или люди. И следует обратить внимание на то, что эти жалкие существа, почти лишенные человеческого облика, населяют не бедную или уединенную страну, а Азиатский континент, к югу от цепи Гималаев, в центре Индостана, в тех регионах, которые были колыбелью нескольких огромных видов обезьян, несомненно, в ту эпоху, когда острова Индийского архипелага были присоединены к Азии и образовали один огромный континент — землю малайской расы.³⁹

В 1824 году английский колонист мистер Пиддингтон, поселившийся в центре Индостана (в районе Палмоу, Субхулпура и верхнего бассейна Нербудды), рассказывает⁴⁰, что он видел среди группы рабочих—дхангуров, которые каждый год приезжали работать на его плантацию, мужчину и женщину, которые были чрезвычайно странными и неотесанными, и которых сами дхангуры называли *обезьянолюдьми*. У них был свой собственный язык. Из того, что можно было понять по знакам, выяснилось, что они жили далеко за пределами страны дангоров, в лесах и горах, и владели несколькими деревнями. Похоже, что мужчина сбежал вместе с женщиной из-за какого-то несчастья, возможно, убийства. Но, как бы то ни было, дхангуры нашли их заблудившимися в лесу, измученными и почти мертвыми от голода. Однажды ночью они внезапно исчезли, как раз в тот момент, когда мистер Пиддингтон договорился отправить их в Калькутту. Из другой информации следует, что некий мистер Трейл, в течение многих лет работавший комиссаром в Кумане, также видел этих необычных существ, и ему даже посчастливилось заполучить одно из них, внешний вид которого полностью оправдывал традиционное название, данное им туземцами. Фактически, к этому могут быть добавлены другие свидетельства, в том числе исторические, чтобы доказать существование такой низшей расы в различных частях Индийского полуострова. М-р Пиддингтон так описывает его: “Он был невысокого роста, с приплюснутым носом, с морщинами, похожими на мешки, полукругами вокруг уголков рта и щек; его руки были непропорционально длинными, а на ржаво-черной коже виднелись рыжеватые волосы. В общем, если бы он притаился в темном углу или на дереве, его можно было бы принять за большого орангутанга”. Следует отметить, что мистер Пиддингтон много путешествовал и приобрел, даже без собственного ведома, некоторый опыт в

антропологии. Он заботится о том, чтобы сообщить нам, что он, в свою очередь, видел боссов, готтентотов, папу, алфуру, аборигенов Австралии, Новой Зеландии и Сандвичевых островов, что, действительно, придает большую достоверность фактам, которые он излагает.⁴¹ Что же, в самом деле, воскликнем мы, это за люди? Пройдя по проторенной дороге, посмотрите, как далеки мы от этой арийской семьи, владычицы искусств и наук; насколько мы приближаемся к грубости, даже если мы еще не достигли этой точки? Мы спустились; давайте теперь возведем других млекопитающих в ранг человека и на высшей ступени, которой мы можем достичь, попытаемся измерить расстояние до точки, которую мы только что покинули. Пусть это будет хорошо понято, мы будем рассматривать в этом месте только высших млекопитающих; ибо вопрос усложняется со всех сторон, как только различие в организмах становится более очевидным. В связи с этим факты часто говорили об этом в течение длительного времени, и *ученый*, чье свидетельство в подобном случае обладает наибольшей ценностью, профессор Р. Оуэн, не побоялся сказать, что различие между человеком и некоторыми приматами является большой трудностью, с которой сталкиваются все анатомы.⁴² Перейдем к интеллекту.

Все животные чувствуют, понимают и мыслят (М. Флуранс и М. де Катрефаж), они видят сны, способны испытывать недоверие, страх, радость,⁴³ печаль, ревность и т.д.; фактически, весь список человеческих страстей.⁴⁴ Все это достаточно доказывается тысячей примеров; кто не помнит рассказов о тюленях, слонах, собаках, которые стали знаменитыми и которые люди, прожившие короткое время с животными, могут видеть повторяющимися каждый день? Прочтите только замечательный отчет Бюффона об интеллекте собаки; опять же, подробную и ценную историю, которую Ф. Кювье оставил нам об орангутанге в Музее, не забывая, что эта история не могла быть ни полной, ни безупречной из-за различных обстоятельств, в которые было помещено животное, вдали от его собственной страны и под неблагоприятным небом.

Доктор Иван, прикомандированный к экспедиции, которую французское правительство отправило в Китай в 1843 году,⁴⁵ рассказал нам об орангутанге на Борнео, что, возможно, является лучшим доказательством связи между приматами и человечеством. Туан, как называли это животное, начал одеваться сам, как только на его пути попало что-нибудь из материи.⁴⁶ Однажды, когда его хозяин отобрал у него мангровое дерево, “он издавал жалобные крики, как ребенок, когда ему плохо. Это поведение оказалось не таким успешным, как он ожидал, и он бросился ничком на землю, ударил по ней кулаком, кричал, рыдал и выл более получаса”. Когда ему вернули мангровое дерево, он швырнул его в голову своего хозяина.⁴⁷ Любопытный факт, но особым другом Туана был негр из Манильи. В Манилье он привык к манерам тагала⁴⁸ и играл с детьми. “Однажды, когда Туан катался на циновке с маленькой девочкой лет четырех-пяти, он внезапно остановился и самым тщательным образом осмотрел ребенка с анатомической точки зрения. Результаты его исследований, казалось, глубоко поразили его; он отошел в сторону и повторил над собой то же самое исследование, которое он произвел над своим маленьким товарищем по играм.” Все мы, возможно, помним красноречивые страницы у Бюффона, где, признавая легенду об Адаме, он рассказывает о впечатлениях наших прародителей. Разве природа не была здесь, спрашиваем мы, лучшим историком, чем наш натуралист, даже при всей его гениальности?

Помимо этих фактов, в качестве их кульминации, мы должны призвать в свидетели человека, который дальше всех продвинул дух философии в естественных науках Франции, Этьена Жоффруа Сент-Илера. Осторожный и проницательный наблюдатель, он смешался с толпой, которую оранг привлек к Музею в 1836 году. Не доверяя собственному суждению, он собрал

мнения всех, кто его окружал, — всех посетителей, которые, по его словам, “пришли понаблюдать как непредвзятые зрители, без каких-либо предвзятых идей и без тех прискорбных ограничений, которые мы называем нашими правилами классификации”.⁴⁹ Результат удивил даже самого Этьена Жоффруа. Эти посетители, столь непохожие друг на друга, все были едины в идее, “что животное с Суматры не было ни человеком, ни обезьяной: *ни то, ни другое*, это было то, что разум каждого человека сразу признал”.

Мы могли бы процитировать целые страницы из этого философа-натуралиста, в которых возвышенность его стиля сочетается с величием его идей. “Я никогда не использовал свою любовь к себе, - говорит он, - выдвигая другие мнения против мнений посетителей ”орангутанга “ ... Я никогда не сдерживал поток информации, который я имел счастье получать от каждого отдельного разума.... Я верю в обоснованность популярных мнений, в то, что массы радуются инстинктивному здравому смыслу, который делает их трезвомыслящими и наделяет их особой способностью улавливать суть любого вопроса ”. Это был превосходный метод, продемонстрировавший силу Этьена Жоффруа Сент-Илера.

Любопытно сравнить с ним другого писателя, который в рамках своего исследования затронул эти вопросы, по крайней мере, с тем, что мы можем назвать *всеобщим молчаливым согласием*, — это Мопертюи. Говоря о характеристиках, отличающих человека от животных, он говорит: “Простой здравый смысл улавливает эти различия; они всегда ощущались, и здесь мы видим одно из тех убеждений, которые *универсальность и единообразие всех людей* характеризуют как истину”.⁵⁰

Мопертюи, конечно, не знал, что орангутанг - слово, означающее *дикаря*, — не является метафорой для жителей Индийского архипелага и что в стране, населенной “длинноносыми” генонами,⁵¹ распространено поверье, что, будучи более сообразительным, чем другие, он хранит молчание только для того, чтобы сохранить свою свободу. Ничто не может быть более ошибочным, чем эти мнимые истины, поддерживаемые просто *всеобщим молчаливым согласием*. Сначала на это ссылались как на доказательство, в то время, когда была известна едва ли десятая часть обитаемого мира:⁵² но давайте продолжим. В наши дни мы немного лучше знаем, что делать с такого рода доказательствами, которые наука предоставила богословам. Опыт день за днем доказывает, что станет с этой мнимой универсальностью человечества, с определенными мыслями, определенными чувствами и определенными стремлениями.⁵³

Далее мы увидим, что *общность* некоторых из тех интеллектуальных проявлений, которые многие хотели считать всеобщими, часто ограничивается только одной расой среди человечества и ограничена в пространстве границами континента, занимаемого этой расой. И теперь мы видим, как антропология, в свою очередь, может во всех этих вопросах помочь даже самой философии. Например, разве мы не чувствуем, что отныне слова *прекрасный* и *правильный* не могут означать ничего абсолютного; поскольку все, что *прекрасно* и *right upon a hemisphere, for any given intelligence, cannot be so in an opposite hemisphere,—cannot possibly be so* в разуме, сформированном иначе и принадлежащем другой расе. Этим двум словам мы должны с помощью антропологии восстановить исключительно относительную ценность.⁵⁴ *Только Истина* абсолютна, неизменна как во времени, так и в пространстве. Только это царит повсюду, и давайте не будем забывать об этом, оно процветает только в науке — его можно найти только там.⁵⁵

ГЛАВА II.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

Однажды к описанному Грантом орангу, о котором мы говорили в предыдущей главе, привели двух обезьян. Их подвели на цепи к животному и пригрозили палкой. “В течение всего интервью, - говорит наш информант, - серьезное командирское отношение и осанка оранга по сравнению с легкомыслием и очевидным чувством неполноценности обезьян были очень поразительны, и было невозможно не почувствовать, что он был существом гораздо более высокого порядка и способностей”.⁵⁶

“Животное с Суматры - не человек и не обезьяна”, - говорили собравшиеся перед орангом в музее. Сообщения, которые затем были сделаны Институту Этьеном Жоффруа Сент-Илером, могут стать, в один прекрасный день, новым триумфом для него, предшественника науки, которой еще не существует, — изучения интеллекта у животных, основанного на наблюдении и опыте; как, например, в отрывке, где он предлагает подвергнуть оранга методическому воспитанию, чтобы изучить модификации, которые были бы вызваны таким изменением метода.⁵⁷ Тот, кто открыл органическое единство, поставит нас на путь не менее важного открытия — психологического единства.⁵⁸ Новая наука, которая возникла только во времена реакции против картезианских идей, — наука, еще не имеющая названия, лишь затронутая даже великими умами, обладающими неоценимой привилегией понимать все; она никогда не была *изучена*, — никогда тщательно не исследовалась, - никогда не предоставлялась всем нашим средствам информации.⁵⁹ Нам следовало бы назвать это *сравнительной психологией*.

Тогда мы должны вновь войти в одно великое *Единство*. Интеллект позвоночных животных был бы идентичен, поскольку идентичен их организм; таким образом, постепенно нисходящий, проходящий через орангутанга, от самого человека ко всем млекопитающим. Можно сказать, что эти положения еще не доказаны, — по крайней мере, можно допустить, учитывая то, что произошло в течение очень немногих лет, что последнее слово еще не сказано относительно интеллекта животных.

Итак, продвинулся ли этот вопрос настолько далеко вперед либо к пользе животных, либо во вред человечеству, что мы должны желать остановить его, когда он уже пошел по такому прямому пути? Святой Златоуст, как говорят, упрекал языческого философа в том, что он всегда был склонен отождествлять то, что они называли душой животных, с душой самого человека.⁶⁰ Мнение этих язычников, тем не менее, стоит того, чтобы на него обратили внимание. Они могли наблюдать за животными так же хорошо, как и мы. С тех пор средства изучения, применяемые к интеллекту, практически не продвинулись вперед; наблюдение и рефлексия все те же; мы не нашли никакого нового процесса, никакого нового метода, с помощью которого мы могли бы более глубоко исследовать этот предмет; таким образом, у нас нет оснований думать, что решения, данные нами по этому вопросу, вообще предпочтительнее решений древних. Может быть, скорее наоборот. В пользу их мнения говорит то, что оно родилось свободно, в умах, которые не сдерживали, даже невольно, любое новое влияние или теорию, которые могли быть

выдвинуты.⁶¹ Идея интеллектуальной градации от человека к животным неизбежно должна была быть оскорбительной для христианства, обещавшего будущее существование; это было не так для этих язычников, которые были гораздо больше заняты мирскими делами.⁶²

Принципы, которые мы пытаемся возродить, однако, не являются полностью принципами Аристотеля. В своем трактате о душе он допускает эту градацию, но как представляющую на каждой ступени новое проявление, выходящее за рамки проявлений, существующих на низших ступенях. Принцип души - единство; но по мере того, как мы переходим от растений к человеку, она наделяет себя значительно возросшим числом способностей. Порфирий, возвращаясь к идеям Стагирита, по-видимому, идет еще дальше и приближается к истине; он признает в человеке и животных не связанные друг с другом способности, а одни и те же у всех, только более или менее развитые.⁶³

В наши дни, если мы и не вернулись к идеям Пифагора и стоиков, то, по крайней мере, мы очень далеки от Перейры и Декарта с их *животными машинами, гидропневматическими машинами*, как называет их один из сторонников философа Бретона (Дж. Х. Кроциус).⁶⁴

Мы действительно поражены увлечением мнениями Декарта, охватившим Германию во второй половине XVII века. Они были доведены до крайней точки — всем животным было отказано в душе, разуме и интеллекте. Человек по имени Шталь,⁶⁵ лет, который, по крайней мере, обладал тем достоинством, что был последователен до последнего, выдвигает принцип, согласно которому животные не чувствуют, *bruta non sentire*. Это объявление является выводом из очень ученого силлогизма, который некто Гаспар Логенхерт добавил к *Физическому сборнику* Арнольда Гейлинкса.

С большим трудом некоторые сильные умы осмелились возвысить свой голос в этом картезианском концерте, позаботившись укрепить себя множеством цитат, собранных из Ветхого и Нового Заветов.⁶⁶ Тогда это были положительные доказательства, и временами было разумно их использовать. Буффон, да и все остальные, последовательно укрепляли позиции "зверей". В наши дни г-н Флуранс отказывает им только в *мышлении*, "этой высшей способности, которой обладает человеческий разум, чтобы он мог полагаться на себя и изучать свой собственный разум."⁶⁷ Здесь есть, - говорит физиолог, о котором мы говорим, - четкая демаркационная линия; эта мысль, которая может рассуждать о самой себе, этот интеллект, который созерцает и изучает себя, это знание, которое знакомится с самим собой, — очевидно, образует порядок определенных явлений четко определенной природы, достичь которого ни одно животное не знало бы, как. *Существует* чисто интеллектуальный мир, если можно так выразиться, и этот мир принадлежит только человеку. Одним словом, животные чувствуют, понимают, мыслят; но человек - единственное из всех сотворенных существ, которому дана способность *чувствовать* то, что он чувствует, *знать* то, что он понимает, и *думать* то, что у него есть *сила мыслить*".⁶⁸

Это единственное отличие. Теперь вопрос сведен к более ограниченной области, чем когда-либо прежде, и бесконечно менее обширной. То, чего не хватало бы животным, - это своего рода внутреннего знания; не знания о себе (они знают это, поскольку *чувствуют*), а *научного знания о себе*, которое может привести к размышлению и рассуждающему изучению всех внутренних явлений, которые могут происходить с каждым из них. Мы всецело желаем, чтобы

это было различие, но исключительно второстепенное и способное в лучшем случае отличать определенные расы людей одна от другой. На самом деле, если мы сформируем абсолютный и фундаментальный характер человечества из этой способности, этой способности исследовать внутренний мир, мы должны будем обнаружить ее в могущественной форме среди всех людей. Оно будет сопротивляться любому другому влиянию, оно будет постоянным, поскольку, если бы оно было уничтожено, человек перестал бы быть человеком и был бы понижен этим фактом до ранга, из которого, как говорят, он произошел.

И считаем ли мы, что это возможно? Существует ли это отраженное знание о себе у низших рас, если его нет у животных? Конечно, мы никогда не будем утверждать, что эти последние обладают такой способностью, источником всего нашего законодательства и тем, что сделало нас такими, какие мы есть. Но мы спрашиваем, хорошо ли доказано, что все человеческие расы обладают ею. Если мы не допускаем врожденных идей к орангу, как это сделал бы Ф. Кювье⁶⁹, пусть будет так, но пусть помнят, что некоторые философы отказывали в них самому человеку. Мы сами согласны с тем, что у животного нет абстрактного понятия о праве или долге или какой-либо идеи о божестве,⁷⁰ но следует также помнить, что у некоторых людей нет даже слова для выражения этих вещей, и это признает сам г-н де Катрефаж.⁷¹

Мы отсылаем этих людей к нижеследующему описанию животноводства и думаем, что они не будут отрицать его применимости к различным племенам Африки и Океана. “Идеи, абстрактные представления возникают в их собственной области; прошлое, то, что предшествовало их рождению; будущее, то, что последует за их смертью, не занимает их внимания; настоящее - их единственное дело в жизни. Они не спрашивают: “Откуда я пришел? Кто я? Куда я иду?” И они не имеют ни малейшего представления о Божестве”.⁷² Байль, Мопертюи,⁷³ и М. Флуранс один за другим заявляли, как трудно установить предел, сказать, где заканчивается интеллект животных и начинается интеллект человека. Эта граница ускользает даже от нас; разделяя два термина, специфически отличающихся друг от друга, мы видим только одну непрерывную линию от других позвоночных животных к человечеству, без какой-либо четко определенной демаркации, - организм только одного млекопитающего, отделенный непрерывной границей от организма другого. Это цепь, звенья которой, если мы пожелаем, могут продолжать увеличиваться от одного конца к другому, следуя заданной прогрессии, но не переставая быть *подобными*, следовательно, сопоставимыми между собой. Определенного количества связей может не хватать, но разум восстанавливает их, и непрерывность, хотя и является абстракцией, от этого не становится менее реальной. Это даже, если можно так выразиться, траектория гиперболической кривой, прерывающейся то тут, то там, от которой остаются только дуги, совершенно разные, и все, однако, умом сводимые к одной и той же системе.

Единство композиции - условие всякой гармонии, необходимое правило природы. Что касается нас самих, то мы повсюду видим только одни и те же способности, распространенные и развитые среди высших позвоночных животных; они даже приобрели среди человечества исключительное свойство преувеличивать себя почти до *бесконечности*, ограниченные среди других позвоночных, замкнутые в узком кругу, где они могут ускользнуть даже от наших собственных средств познания.

Но везде одна и та же природа, везде вещи одинаковы. Жизнь - это единство; мы не разделяем ее друг с другом; и жизнь тела, и жизнь интеллекта, и материя, и разум, и организм, и способности,⁷⁴ принадлежат каждому в отдельности. Термины, соотносящиеся друг с другом,

никогда не бывают независимыми. Существует огромное расстояние между интеллектом животных и интеллектом цивилизованного европейца; мы охотно признаем это, но обременены скуными терминами и многочисленными переходами; мы также допускаем, что эти последние существуют или что они закончили свое время на нашей планете. Вопрос о языке, столь запутанный и столь полный неясностей, все еще остается.

“Какое бы сходство ни было между готтентотом и обезьяной, - говорит Бюффон, - расстояние, разделяющее их, огромно, поскольку внутренне оно заполняется мыслью, а внешне - речью”.⁷⁵ Мы знаем, как рассматривать первую из этих оценок. Что касается второго, давайте посмотрим, не заметим ли мы здесь своего рода градацию, которая незаметно приведет нас от наших собственных сложных языков к другим, гораздо более простым, настолько, что их едва ли можно назвать этим именем. Речь и language - два слова, которые часто путают, но в науке мы должны придавать каждому из них свое значение. *Речь* - это язык, произносимый дыхательными каналами. *Язык* можно определить как “все, о чем говорят хорошо известными и понятными средствами два интеллекта”. Можно видеть, что мы придаем этому слову максимально полное значение. Это *язык*, который аббат де л'Эпе изобрел для глухонемых. Письменность этого языка другая. Фонетическая телеграмма для постороннего человека - это просто последовательность звуков, подобная пению соловья; военно-морская телеграмма - это всего лишь совокупность и сочетание цветов, подобное арабеске, объединенные в тот момент, когда необходимая аранжировка превращает эти звуки или эти цвета в язык.⁷⁶

Речь сама по себе является обычным и естественным языком человечества, в остальном же наделенным особыми органическими характеристиками для ее создания, поэтому, говоря о человечестве, мы обычно смешиваем эти две разные вещи, а именно *речь* и *язык*. Учитывая это, первый вопрос, который мы должны рассмотреть, звучит так: “Всегда ли человек обладал способностью говорить?”. Трудный вопрос, но мы не имеем права объявлять его неразрешимым, что, возможно, и не так, и трудность которого связана главным образом с очень несовершенными знаниями, которыми мы обладаем о далекой эпохе, когда человечество находилось в своей колыбели.⁷⁷ Давайте прежде всего вспомним, что у человека, как и у животных, есть голос, крики, естественные интонации (М. Флуранс), то, что мы иначе называем *естественным языком*. “Подобно простому животному, - говорит Гердер,⁷⁸ “человек обладает способностью говорить. Все самые сильные и болезненные ощущения его тела, а также сильные страсти его ума немедленно проявляются в криках или интонациях голоса, в естественных и нечленораздельных звуках. Страдающее животное — так же как и герой Филоктет, — когда оно испытывает горе, будет стонать и вздыхать, даже будучи брошенным на необитаемом острове, вдали от вида любого дружелюбного существа, без всякой надежды на помощь”. Этот язык понятен всем животным, между животными и нами самими, а также между нами и животными. Мы можем утверждать, что человек обладает им всегда, с первого часа своего рождения. Что касается артикулированного языка, поскольку *искусственный язык* был назван в противовес предыдущему, вопрос гораздо более запутанный и гораздо менее четко определенный.

Мы думаем вместе со Стейнталем, Якобом Гриммом,⁷⁹ и М. Ренаном,⁸⁰ что язык не является врожденным для человека, то есть, как уже заявила буддийская философия, он не является *необходимым* следствием активного интеллекта.⁸¹ Далее, это не было раскрыто — эта теория даже не заслуживает чести быть опровергнутой Якобом Гриммом.⁸² Но мы можем признать, что язык является если не необходимостью, то, по крайней мере, прямым следствием интеллекта,

подобного тому, который существовал среди человечества в то время, долгое или короткое, мы не знаем, которое предшествовало появлению языка. “Момент, - говорит М. Ренан, излагая теории Штейнталя,⁸³ - когда язык возникает из человеческой души и появляется при свете дня и составляет эпоху в развитии жизни разума, - это момент, когда интуиция превращается в идею. Вещи сначала предстают перед разумом во всей сложности реального, абстракция неизвестна первобытному человеку”. Итак, вот два хорошо охарактеризованных вида, два способа бытия, совершенно отличные от человеческого интеллекта. Первый, где этот интеллект обладает только интуицией, другой, где анализ видит свет, где ум абстрагирован и где с помощью более или менее сложного механизма, но в то же время реальной работы, ⁸⁴ это заканчивается тем, что каждая абстракция ума называется именем; тогда он говорит. Но до того времени, когда совершится эта революция, состояние человека будет полностью сравнимо с тем, в котором находятся животные. Они уловили определенные отношения посредством своего интеллекта, обычно не испытывая никакой необходимости в их объяснении, отношения существ гораздо более высокого порядка, ибо было верно подмечено,⁸⁵ и не следует забывать, что основным актом языка является “желание говорить”.

Мы видели, что определенные абстрактные идеи в силу своей природы были настолько совершенно чужды определенным расам людей, что их интеллект никогда не *нуждался* в слове для их выражения. Что ж, если другие идеи, выражающие гораздо более простые отношения, ускользнули от животных, то фактически существует лишь градация, соответствующая тому, что мы только что сказали относительно интеллектуальных явлений среди человеческого рода. Что касается специфического различия, которое некоторые пытались установить в рамках этой статьи между человеком и животными, то, если бы оно было правильным, следовало бы показать, что язык совершенно недостижим для любых млекопитающих, даже в самых ограниченных пределах.

И это так? Будет ли обсуждаться тот факт, что у некоторых животных нет даже зачатка языка, артикулированного или нет, это не имеет большого значения в их естественном состоянии? Будет ли обсуждаться тот факт, что они никогда не подают никаких знаков, чтобы сообщить что-либо друг другу, позвать их, или подать сигнал тревоги, или выразить какое-то особенное ощущение?⁸⁶

Опыт полностью опроверг бы любое подобное утверждение. И это не только в отношении высших животных, поскольку эта способность, по-видимому, распространяется даже на беспозвоночных. Хорошо известные эксперименты П. Губера, по-видимому, самым решительным образом доказали, что муравьи,⁸⁷ подобно пчелам, способны передавать определенные знаки или указания друг от друга; даже если сам факт проживания в республике, объединения в одной общей работе не давал убедительного основания предполагать наличие языка, свойственного этим существам. Если кто-то осмеливается отказывать животным в спонтанном использовании ограниченного языка, ограниченного любым желаемым способом, по крайней мере, нельзя отрицать, что многие позвоночные животные не способны получить от него равное образование, понимать значение определенных звуков, определенных знаков и, в свою очередь, производить такие звуки, которые могут быть поняты нами, передавать нам какие-либо свои мысли или какие-либо свои оценки.

Мы не говорим здесь о животных, которые могут воспроизводить определенные звуки, принадлежащие голосовым органам человека; это факт исключительно материального

характера, который не имеет отношения к вопросу языка. Очевидно, что животное, которое произносит какое бы то ни было слово, понимает его ничуть не лучше, чем человек, который подражает крику животного, и, в общем, не понимает ни его смысла, ни его значения.

Мопертуйи утверждает,⁸⁸ что если бы животные были способны понимать, мы могли бы научить их выражаться другими знаками, а не голосом. Странное отклонение от нормы интеллекта для такого прилежного и образованного человека. Это человек, который делает невозможным повседневное явление; ибо, во-первых, у большинства животных *есть* какой-то голос, а если бы у них его и не было, то мало найдется людей, которые не знают о том, каким образом некоторые немые собаки выражают свое понимание, когда они особенно этого желают. Что было бы действительно абсурдно, так это надежда передать идеи животным, вопросы, действительно относящиеся к более высокому порядку, поскольку мы видим, что даже все *люди* не способны их усвоить. Человек смог дрессировать животных, а дрессировка подразумевает именно идею передачи мысли от человека животному и от животного человеку. “Прыгай”, - говорит овчарка своей собаке, и собака знает, что эта голосовая артикуляция приказывает ей совершить определенное мышечное усилие. Мужчина *разговаривал* с собакой. Ночью кто-то открывает ворота двора фермы, и сторожевая собака лает; таким образом, она *сообщает* своему хозяину, что происходит что-то необычное.⁸⁹

Что еще доказывает, что собачий лай - это просто условный знак, так сказать, *искусственный язык*, так это тот факт, что в некоторых странах собаки не лают; шакалы и волки учатся лаять, находясь в обществе собак, которые умеют разговаривать таким образом, и что те же самые собаки теряют способность или, скорее, привычку лаять, если они возвращаются в дикое состояние.⁹⁰

Мы уже говорили о тех низших расах, которые, по-видимому, позаимствовали у своих более одаренных соседей зачатки цивилизации, которые они долгое время не знали, как их развить каким-либо образом. Не кажется ли вам, что здесь есть некоторое сравнение с тем, что только что было изложено? что под влиянием цивилизации, в контакте с высшим существом собака выучила язык; но что, не понимая его общего применения (более сложной и более возвышенной идеи), она не знала, как передать его использование своей собственной расе, или сама забыла его, потому что не имела возможности использовать эту способность?⁹¹

Язык животных по-прежнему остается вопросом, полным неясностей, но, как мы полагаем, со временем он может пополниться новыми фактами.⁹²

Если Аполлоний Тианский и древние философы не понимали язык животных так хорошо, как иногда считалось, по крайней мере, они не поступили неправильно, направив свои исследования на этот вопрос. Мы не сомневаемся, что, тщательно изучая животных, мы придем к научному объяснению этой хорошо известной истины, признанной всеми, кто живет с ними; которая заключается в том, что они могут понимать нас, что мы заставляем их понимать себя и что они понимали друг друга в определенных пределах.⁹³

Долгое время считалось, что интеллект и мышление принадлежат только человеку и что общим у него с животными является только органический инстинкт.⁹⁴ Это мнение с каждым днем меняется; мы надеемся, что мы многое доказали. Мы думаем, что нечто подобное произойдет и с наиболее изучаемым языком. Здесь, как и в случае с интеллектом, как и в случае с

организмом, мы, несомненно, сможем доказать единство, которое можно рассматривать по аналогии как необходимое, предлагая единственные степени градации по отношению к организму и интеллекту. Каждое живое существо (мы говорим здесь только о позвоночных животных), по-видимому, состоит из одних и тех же составных частей, но неодинаково развитых, и некоторые из них были приняты нами за несходства или новые части только из-за нашего собственного недостатка в достаточно глубоком изучении. Как раньше пытались обнаружить новые кости в головах рыб, пока не были лучше изучены их взаимоотношения и развитие, так и единство состава было признано и доказано там, где о нем меньше всего подозревали.

Для того чтобы подвести итог нашим идеям по этому вопросу, мы не можем придумать ничего лучше, чем процитировать отрывок из работ ученого человека, который в наши дни наиболее глубоко углубился в изучение органической гомологии, профессора Ричарда Оуэна; это последний шаг, который был сделан, и, по сути, самый решающий, в важном вопросе о месте человека в природе.

“Не будучи в состоянии оценить или постичь различие между *психическими* феноменами шимпанзе и босса или ацтека с задержкой роста мозга как нечто настолько существенное, что исключает сравнение между ними, или *как нечто иное, чем разница в степени*, я не могу закрыть глаза на значение того всеобъемлющего сходства структуры - каждый зуб, каждая кость строго гомологичны, - которое определяет разницу между *Ното* и *Питек* трудность анатома. И поэтому, при всем уважении к автору “*Записей о сотворении мира*”,⁹⁵ I follow Linnæus⁹⁶ and Cuvier in regarding mankind as a legitimate subject of zoological comparison and classification.⁹⁷” Не является ли признание градации средством более прочной связи воедино великой цепи человеческих существ, что совершенно невозможно, чего не могло бы существовать, или, скорее, что было бы лишь капризом, искусственным методом или системой, — если бы классифицируемые существа классифицировались только таким образом по существам, соответствующим их собственному описанию?” Разве это не подтверждает еще более убедительно непрерывный ряд, в который верили Аристотель, Лейбниц, Бонне, Линней и де Бленвиль? Итак, мы провозгласим закон, сформулированный г—ном Флурансом, который, однако, не принимает его, как мы, безоговорочно:

Закон.—*От животных до человека все есть лишь цепь непрерывных градаций*; следовательно, человеческого царства нет. Тогда напрашивается другой вывод: один и тот же метод применим как к человеку, так и к животным.

ГЛАВА III.

ОРДЕН БИМАНЫ.

Натуралист, который в наше время больше всего интересуется классификацией позвоночных, принц Шарль Бонапарт, высказывает свое собственное мнение следующим образом: “Человека можно рассматривать, с одной точки зрения, как составляющего одно отдельное семейство; с

другой - как составляющее целое королевство”. Но он также добавляет, что во втором случае “характеристики больше не гармонируют с остальной частью системы”. Фактически, мы вряд ли можем одновременно признавать как общие принципы классификации, которым следуют в настоящее время, так и человеческое царство. Одна из этих двух вещей должна упасть на землю. Система классификации млекопитающих, принятая во всем ее единообразии двумя Жоффруа, Кювье, Де Бленвилем и Оуэном, не может быть сохранена без привлечения человечества. Если бы человек был царством сам по себе, эта классификация была бы ложной; ибо не должны ли мы тогда, по крайней мере, создать царство китообразных, царство птиц и т. Д.? Что касается нас самих, то проблема уже решена, и мы не решались столкнуться с этим новым несоответствием. Гармония - необходимое условие каждой действительно естественной системы. Мы не можем произвольно придавать разное значение одним и тем же характеристикам; и, наоборот, подразделения одного порядка обязательно должны соответствовать характеристикам одинаковой ценности.

Считалось необходимым, по крайней мере, создать для человечества одно из тех больших подразделений, на которые делятся млекопитающие. Был создан Орден *Бимана*. Мы без колебаний заявляем, что это было чисто теоретическое творение; и мы пойдем еще дальше, мы заявляем, что это могло быть произведено только в стране, где покрытия для ног используются ежедневно и повсеместно. Нам не следует углубляться в гущу наших больших городов, если мы хотим изучить *зоологические* особенности человека.

Есть ли какая-либо причина для Порядка *Биманы*, когда мы рассматриваем человека в его естественном состоянии? является ли это “непосредственными и необходимыми результатами естественных аналогий, оцениваемыми соответственно их степени?” “Нет! - таков был ответ Этьена Жоффруа на его красноречивых страницах. - этот Порядок должен быть отменен”.⁹⁸

Э. Жоффруа видел, как рабочие на базарах Каира используют свой большой палец ноги для бесчисленных хватательных действий. Нубиец или негр верхом на лошади обычно придерживается за кожаное стремя большим пальцем ноги; все абиссинские кавалеристы ездят таким образом.⁹⁹ Если факт, сообщенный Бори де Сен-Венсаном о производителях канифоли в Ландах, не подтверждается, то¹⁰⁰ мы по крайней мере видели, как нубийцы из Барабраса поднимались на большую рею Нила в *дахабии*, ухватившись большим пальцем ноги за веревку под ними¹⁰¹, которая поддерживает парус.

Когда действие стопы не парализуется размером обуви, что в других случаях является исключением, она в высшей степени приспособлена для удержания чего угодно. И если определенные типы людей кажутся нам вполне пригодными для существования, которое ведут четвероруководители, — если они кажутся нам созданными для того, чтобы жить на деревьях, - то здесь нет ничего, что могло бы нас удивить, ничего, кроме того, что вполне естественно и вполне последовательно.

Верно было сказано, что человек *плодояден*. Все детали его кишечного тракта и, прежде всего, его зубной ряд доказывают это самым решительным образом. Следовательно, с самого своего происхождения он должен был модифицировать весь свой организм в соответствии с этим питанием. Подобно обезьянам, он должен обладать такими средствами передвижения, которые позволили бы ему добывать пищу, специально приспособленную к его потребностям. И поэтому нет ничего удивительного в том факте, что среди определенных рас, которые едва вышли из

естественного состояния, мы находим остатки образа жизни, который был общим при их происхождении.

Модера, цитируемая мистером Кроуфердом, рассказывает, что однажды трое натуралистов, путешествовавших по северному побережью Новой Гвинеи с научными целями, обнаружили на деревьях множество туземцев обоего пола, которые прыгали с ветки на ветку, как обезьяны, с оружием за спиной, жестикулируя, крича и смеясь.¹⁰² Эта необычная раса, о которой мы говорили ранее и которая была замечена в Индии многими очевидцами, по-видимому, половину своего времени проводит на деревьях. Мы имеем право спросить, не были ли смутные воспоминания о такой расе и таких привычках источником традиции, которая послужила основой для поэмы о Валмики. Рама отправляется на спасение своей жены Ситы, которую похитил злой гений Равана; в этом предприятии ему помогает доблестная армия обезьян, и в рассказе то и дело используются выражения, напоминающие об обезьяноподобной и четверочеловеческой природе сражающихся¹⁰³. Окидывая взглядом первые группы, составляющие серию млекопитающих, мы находим некоторых обезьян, которые ходят на подошвах ног и на ладонях; других, которые ходят на подошвах ног и суставах сложенных рук, — очень своеобразный метод продвижения, странной и неожиданной природы, и который один мог бы служить характеристикой группы; это антропоморфные обезьяны; наконец, еще одно млекопитающее, которое ходит только на подошвах ног, форма тела и ног делает передние члены совершенно непригодными для использования в повседневной жизни. ходьба — это человек.

Первые обезьяны, о которых мы собираемся говорить, передвигающиеся на подошвах и ладонях своих рук, являются, таким образом, безоговорочно *четвероногими*. В этой особенности они напоминают других млекопитающих, у которых грудные, а также брюшные органы являются главными органами передвижения; только эти человекообразные обезьяны также используют свои четыре конечности для другой цели, которая, по—видимому, является полностью вторичной и производной, - для *хватания*. И именно потому, что организация их членов намеренно изменена по причине новой, особой и необычной функции, они смогли снабдить нас достаточно определенной характеристикой, чтобы мы могли определить порядок — порядок *четвероруких*.

У антропоморфных обезьян согнутая рука, по-видимому, является органом, особенно приспособленным для хватания,¹⁰⁴ служащим вторичным образом для передвижения; в то время как ступня, особый орган передвижения, сохраняет способность хватать что-либо с помощью противоположного большого пальца.

У человека верхний член совсем не приспособлен для ходьбы; а нижний, используемый для передвижения, как и в двух предыдущих группах, также сохраняет способность хватания: наблюдение доказывает это так же, как и анатомия.

Мы видим это здесь снова; как и везде с органической точки зрения, антропоморфные четверорукие люди представляют собой настоящий переход от человека к другим семействам обезьян. Было предложено расширить значение слова "рука" и применить его к каждой конечной конечности члена, способного схватить что угодно, включая лапу лемура и когти попугая. Мы склонны ограничить это название, подобно Линнею, Де Бленвиллю и Кювье, конечностью, состоящей из пальцев, и *противоположным большим пальцем*. Но даже ограничивая определение таким узким кругом, мы думаем, что показали, что человек на самом

деле *четвероногий*, это определение в равной степени применимо к стопе, где большой палец служит — по крайней мере, у половины людей на земле — для хватания и остается, как и прежде. Жоффруа заметил, совсем отдельно от других пальцев ног, когда нога не деформирована сапоги или ботинки: [105](#) таким образом, ничего больше не может быть сказано в пользу того, из *Vimana*, или человеческое царство.

Мы должны вернуться к подразделению, предложенному Шарлем Бонапартом, — к семье. Человек составляет простое семейство в отряде *Quadrupana*, отличающееся характеристиками, точно равными по важности тем, которые делают различие между другими подобными группами в классе млекопитающих, которые даже приходят на помощь противникам человеческого царства и приверженцам зоологической системы. За неимением положительных характеристик конечностей, которые никогда не могли бы — в глазах истинных натуралистов, как мы только что сказали, — способствовать серьезному различию между человеком и другими четверорукими, была обнаружена особенность зубочелюстной системы, замечательная своим постоянством даже у самых деградировавших и звероподобных рас, и которая, прежде всего, отличает человека от группы, которая следует за ним непосредственно в зоологическом ряду. Эта характеристика, на которой профессор Оуэн во многих местах настаивал, подобно двум Кювье, но с совершенно новой силой, [106](#) — это смежность зубов и *непрерывность* их коронок, ни одна из которых никогда не выходит за пределы уровня других. [107](#)

Так обстоит дело и с человеком, как и с остальными млекопитающими; именно зубная система дает нам наилучшую характеристику. Новое доказательство того, что изучение человека и животных должно проводиться одним и тем же способом; доказательство того, что эти два исследования являются двумя параллельными, тесно связанными ветвями одной и той же науки.

ГЛАВА IV.

АНАТОМИЧЕСКИЕ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ.

На предыдущих страницах мы пытались доказать специфическое единство биологических явлений каждого Порядка, которые можно обнаружить у высших животных и человека. Это единство неизбежно привело нас к другому, к *методу*; и мы только что видели, что человек образует просто семью, то есть очень второстепенное подразделение в зоологическом ряду.

Но мы сделали только первый шаг на пути, по которому нам предстоит пройти. Род *homo* демонстрирует множество разновидностей и множество различий. Мы должны попытаться оценить их ценность и выяснить, чего могут стоить разделения, которые должны быть установлены между тем, что мы обычно называем *расами* людей. Итак, единственное правило, которому здесь следует следовать, - это, естественно, то, которое применяется всеми зоологами к другим особям, составляющим серию животных. Единственным способом достичь такой цели будет, прежде всего, изучение физических различий, необходимых для

рациональной классификации. Таким образом, мы, по крайней мере, получим важные и, более того, сопоставимые результаты.

Об анатомии рас написано много, и все же мы можем даже сейчас предложить этот предмет серьезному изучению антропологов; возможно, также, перенеся их внимание дальше кожи, энцефалической массы и скелета, которые до настоящего времени были почти единственными объектами изучения, они обнаружат во всех системах различия одного и того же жепорядка и столь же четко определенные.¹⁰⁸ Эти различия и разновидности таковы, что они очевидны и сразу же оценены даже несведущими людьми,¹⁰⁹ — они таковы, что даже невежественные люди не могут не заметить их. наиболее выдающиеся моногенисты сходятся во мнении, что их повсюду достаточно для того, чтобы различать виды или даже сам род.

Они относятся ко всем элементам организации, и мы увидим далее, что они оказываются столь же определенными и осязаемыми как в уме, так и в естественном строении. Мы не претендуем на то, чтобы говорить обо всех них в этом месте, даже перечислять их; мы просто процитируем основные моменты или те, которые, по-видимому, заслуживают какого-то особого замечания. Число тех, которые существуют или в существование которых верят, — ибо это необходимое ограничение, — огромно; фактически, если мы первыми признаем, что существует бесконечное разнообразие различий, значительных самих по себе, между различными типами людей, мы также хотим избежать ошибок, которые так часто совершаются и которые происходят из-за небольшого числа наблюдаемых фактов, поскольку исследователи часто придавали значение общим фактам, а не индивидуальным наблюдениям.

В истории антропологических исследований мы находим не один пример таких поспешных мнений. Ближе к концу прошлого столетия, когда негритянский цвет кожи уже в течение ста лет был доминирующим предметом изучения научного мира Европы,¹¹⁰ некий Клюгель утверждал (в *Берлинской энциклопедии*, 1782 г.), что губы эфиопов были прекрасного красного цвета. Поднялся большой переполох; сам Земмеринг был встревожен; он писал повсюду, искал информацию, и требовал свежих разведданных, которые, вполне естественно, противоречили мнению, выраженному Клюгелем. На самом деле, мы знаем, что у негров красящее вещество распространяется на большинство слизистых оболочек, структура которых напоминает структуру кожи.

Губы обычно черные, и мы обычно обнаруживаем на деснах и даже на небе непостоянную окрашенную перепонку, которая образует пятна темно-фиолетового цвета. Клюгель слишком поспешно сделал вывод из какого-то конкретного факта; весьма вероятно, он имел в виду какого-нибудь негра с губами, деснами и языком нежно-розового цвета, максимально контрастирующего с чернотой его кожи. У нас самих была возможность наблюдать аналогичный случай в отношении уроженца Судана, который также был поражен своего рода частичным альбиноизмом слизистой оболочки щек.

В антропологии, как и во всей науке, требующей наблюдения, в качестве доказательств следует принимать средние значения; только они имеют абсолютную ценность и только они могут привести к положительным результатам. Каждое изолированное явление имеет свою индивидуальную ценность с точки зрения его простой истины, но мы подвержены величайшим ошибкам, когда начинаем делать из него обобщения.

Костная система была наиболее изучена.¹¹¹ В костной системе, голове и особенно черепе. Позже мы будем вынуждены обратиться к ценности краниоскопических процедур и классификациям, основанным на этой основе.

Лицо, так же как и череп, было объектом внимательного изучения; были замечены мельчайшие различия, и почти все они были сформированы тем или иным способом в отчетливые характеристики. Мы можем процитировать здесь классификацию Берара, возобновленную и развитую Исидором Жоффруа Сент-Илером. Он разделил род *homo* на четыре группы:—

1. *Ортогнатхи*, или мужчины с плоским и овальным лицом.
2. *Эвригнатхи*, или мужчины с крупным лицом и выступающими скулами.

3. *Прогнатхи*, или люди с выпуклым выражением лица.

4. Наконец, эти расы, которые одновременно являются *эвригнатами* и *прогнатиями*, подобны готтентотам, развитие лица которых представляет собой пример явного шага к преувеличению того же самого развития у антропоморфной обезьяны в младенчестве.¹¹²

Была предпринята попытка установить с помощью средних значений заметную разницу между размерами таза у представителей различных рас. Вебер считал, что форма высшего подразделения не одинакова у всех из них. По его словам, это было бы —

- 1. *Овальный* у европейцев.
- 2. *Раундсреди* американцев.
- 3. *Квадратный* среди монголов.
- 4. *Клинопись* или *продолговатая* у африканцев.

Те же идеи были продолжены и защищены французскими антропологами;¹¹³ однако будет правильным отметить, что сам Вебер добавляет, что среди одной и той же расы можно встретить различные описания таза. Что кажется несомненным, так это тот факт, что у негритянской расы таз, как правило, заметно меньше. Таково, по крайней мере, мнение Кемпера,¹¹⁴ Вролика, Земмеринга, Уайта,¹¹⁵ и Берара,¹¹⁶ которые измерили большое их количество.

Легкость при родах, столь замечательная у низших рас, имеет, следовательно, в качестве причины относительную малость головки плода, что еще более примечательно. Ибо мы должны признать, что среди этих людей все происходит естественно, как среди животных; именно трудные роды у нас самих являются исключительными и аномальными и требуют объяснения. Эти трудные и болезненные роды, которые мы так часто наблюдаем, несомненно, являются следствием цивилизации; только трудно решить, что может быть их непосредственной причиной, и находится ли эта причина в матери или в плоде. Может быть, это таз, который у европейцев стал уже из-за какого-то обычая в наших манерах — из-за какой-то воспитанной привычки? или мы должны признать — и это серьезный вопрос, — что развитие такого органа, как мозг, у *плода* подчинено осуществлению функций того же органа у прародителей?

С костной системой мы можем связать столь очевидные различия в росте. Кто не признает, что в Европе, например, англосаксы, немцы, норвежцы и албанцы отличаются большим ростом; в то время как жители юга Франции, ирландцы, испанцы, [117](#) и мальтийцы представляют собой более низкую разновидность человеческой расы. Члены демонстрируют наиболее заметные различия между различными расами человечества по причине закона, который заставляет модификации организма становиться все более и более определенными и все более и более ясными от центра к периферии. Натуралисты ищут характеристики семей и особей в пальцах и зубах: именно в крайностях индивидуума, в цвете волос или кожи мы обычно находим характеристики видов. В этом месте мы приведем только факты, которые могут быть предметом какого-то конкретного замечания.

Постоянно говорилось, что у татар кривые ноги, и моногенисты не преминули найти из этого факта новое доказательство влияния их образа жизни, столь необходимое для подтверждения их тезиса. С первого взгляда они обнаружили в этой *общей* немощи следствие привычки ездить верхом, не принимая во внимание, что арабы ездили верхом столь же часто и что, тем не менее, их благородная осанка и прямые конечности нисколько не страдали от этого. Проследивая источник этой ошибки, мы видим, что это странное преувеличение фактов, изложенных Палладом, который так долго жил среди татар. Он просто говорит: “Единственным недостатком в телосложении, который *довольно часто* встречается у них, является искривление рук и ног, возникающее в результате чего они имеют вид ложки или седла, на которое их всегда кладут в колыбели, как если бы они были верхом, и поэтому, как только они учатся ходить, они вынуждены при каждом движении приучать себя к позе верховой езды”. [118](#) Так говорит Паллас; но совершенно ясно, что он здесь говорит просто об исключительных случаях, поскольку он говорит выше: “Я не помню, чтобы когда-либо видел ребенка”, который был калекой. Их воспитание, полностью предоставленное природе, может сформировать только здоровые тела *без единого изъяна*”. [119](#) Если иногда рассказы путешественников были преувеличены, то не менее общепринятым является тот факт, что у определенных рас строение конечностей сильно отличается от того, что есть у нас. Альбрехт Дюрер уже высказывал это замечание. У негра, например, длина предплечья намного больше, чем у европейца. Он пропорционален росту в этих двух гонках :: 107 : 100. [120](#)

Большой палец руки негра также, как правило, гораздо менее противопоставлен другим пальцам. У некоторых рас человечества сама кисть необычайно маленького размера. Так обстоит дело у боснийцев, китайцев, эскимосов, [121](#) и цинтийцев. [122](#) То же самое было у народов, построивших великие американские храмы, где мы находим на камнях красные отпечатки их рук. [123](#) То же самое было сказано о древнем населении северной Европы, которое не знало об использовании железа и пользовалось оружием только из бронзы. [124](#) Но изучение великолепной коллекции скандинавских древностей в Берлинском музее не доказало нам, что рукояти их оружия были сделаны из железа. все эти руки были такими маленькими, как и предполагалось.

Стопа изменяется не меньше. Негритянские расы океанических островов и Африки, по-видимому, демонстрируют чрезмерное развитие пяточной кости. М. Куой и Гаймар особенно отметили это среди жителей Ваникоро. На самом деле, вряд ли найдется кто-нибудь, кто забудет, однажды увидев это, особый вид подъема негритянской ноги, испещренной многочисленными складками, начинающимися из-под лодыжки. Кроме того, это особый признак, который далеко не проявляется, как можно было бы ожидать, у всех людей, которые

ходят без обуви. Ступни нубийцев, и особенно ступни женщин, обладают совершенно иными характеристиками. Пять плюсневых костей, по-видимому, опираются на землю по всей своей длине, не имея формы подъема; их передние конечности слегка отведены в сторону, пальцы имеют одинаковые промежутки между собой, так что стопа плоская, но не из-за неправильного строения, которому мы даем это название между собой. Это строение, кроме того, прекрасно представлено на всех египетских статуях без исключения, и даже более наглядно, если мы сравним с теми, что находятся в галереях Британского музея, фрагмент колоссальной ступни,¹²⁵ найденный также в Египте, в Александрии, но, очевидно, греческого или римского происхождения; пальцы ног плотно прижаты друг к другу, отделен только большой палец, верхняя часть стопы выгнута дугой, как у европейцев.

Это сходство между всеми египетскими статуями и ногами жителей Верхнего Египта, или Нубии, не может быть случайным обстоятельством. Кроме того, настоящей проблемой антропологии является определение его ценности в соответствии с монументальной иконографией древних египтян. М. А. Мори с точностью определил авторитет портретов — почти всех одинаковых, — которые покрывают стены храмов. Мы сами, посетив знаменитую пещеру Абу-Симбел, были далеки от того, чтобы найти все, что обещали нам труды некоторых антропологов и приверженцев египетского искусства, таких как Глиддон, Нотт и др. Несомненно, можно прекрасно различать определенные типы,¹²⁶ это бесспорно;¹²⁷ но желать найти *народ* в каждом портрете — скифов, арабов, филистимлян, лидийцев, курдов, индусов, евреев, китайцев, тирийцев, пеласгов, ионийцев и т.д. — не значит ли это оказывать слишком большое влияние на египетских художников, которые были бездарными переписчиками и лишь неуклюжими изобретателями? Египетское искусство, что бы о нем ни говорили, всегда было гораздо дальше от копирования природы, чем греческое; одно стремилось к идеалу, другое — к его преобразованию. Некоторые деревья, которые мы видим поваленными на барельефе великого храма в Карнаке, несомненно, являются плодом воображения. Возможно, то же самое было и со многими другими предметами, которым придавалась научная ценность.

Давайте вернемся к анатомическим различиям и к тому, что со времен античности наиболее ярко поражало как массы, так и серьезных исследователей. Мы собираемся поговорить о тех цветах кожи человека, которые проходят почти через всю цветовую гамму, от мертвенно-белого до темно-коричневого.¹²⁸ Не существует системы, которая не была бы придумана для объяснения этих различий, вплоть до влияния проклятия Ноя.¹²⁹

К сожалению, нам не хватает тех гистологических и химических исследований, которые необходимы для формирования основ полной истории цвета кожи у человеческой расы.¹³⁰ Мы можем просто сказать, что недавние работы по некоторым болезненным состояниям, таким как болезнь Аддисона и другие, которые могут приближаться к ней, знакомя нас с патологическими обстоятельствами, при которых европеец с белой кожей становится почти таким же черным, как негр, и с идентичными анатомическими изменениями, почти доказали, что атмосферные явления не оказывают того влияния, которое им приписывают моногенисты, и что первопричина цвета эпидермиса у человеческой расы находится скорее в глубинах организма, недоступных небесному излучению.¹³¹

Разновидности, которые представляет волосная система, являются главным моментом и, по крайней мере, равны по важности разновидностям кожной системы. Если мы думаем, что классификация рас, основанная просто на характеристиках волос, как это было

предложено,¹³² оставляла бы желать лучшего и была бы слишком искусственной, мы, однако, не сомневаемся, что система волосяного покрова может предоставить очень ценные указания, когда они мудрым образом сочетаются с другими характеристиками, как это сделал Исидор Жоффруа Сент-Илер.¹³³ Несомненно, цвета волос, от льняного до черного и от каштанового до рыжего, во Франции бесчисленны, и, как правило, это так. в странах, где смешение рас зашло настолько далеко, насколько это возможно; но следует помнить, что среди более чистого населения, менее смешанного с чужеземной кровью, постоянство характеристик, взятых из волос, удивительно велико.¹³⁴ Кроме того, различия, которые проявляются, относятся не только к цвету; волосы человеческой расы могут быть либо гладкими, либо пушистыми, либо курчавыми, поскольку в целом эти два последних термина используются неправильно и безразлично, когда они действительно должны указывать на два особых и отличных состояния. Так, например, жители Нижней Нубии, у которых очень глубокий оттенок кожи, обладают завитыми волосами, по-настоящему *пушистыми*, и совершенно не похожи на негров, у которых волосы действительно *курчавые*.¹³⁵ Другие характеристики могут быть обусловлены длиной волос, их поперечным сечением, форма которого может значительно варьироваться, их гибкостью или количеством; фактически, даже способом их расположения на голове, расположение которых на коже головы никогда должным образом не изучалось и которые, возможно, могут варьироваться у различных рас человечества. На самом деле человеческие волосы, как и у многих млекопитающих, расположены не на равном расстоянии друг от друга; они сближаются небольшими группами. Особенно это заметно на затылке, причем у негритянской расы в гораздо большей степени, чем у европейцев.

Этот факт в сочетании с неправильной призматической формой волос у негров, несомненно, является источником следующей особенности: когда голова негра обрита и волосы начинают расти заново, их странный вид особенно поражает. Волосы собраны в маленькие пучки размером с горошину, так что головка, как было замечено,¹³⁶ больше всего напоминает старую изношенную щетку.,,

Эта особенность присуща исключительно неграм и не встречается на северо-востоке Африки, где у соседнего населения *густые* волосы. Среди перечисления бесчисленных совершенств, которых догматичный индус требует от Будды и которыми обладал Чакхья-Муни, сказано: “Волосы Будды выбиваются маленькими локонами”.¹³⁷ Невозможно лучше описать то, что происходит с негром. Кроме того, вся эта индуистская традиция является настоящей загадкой для антрополога. Почему Будда изображен с ладонями, опускающимися к коленям?¹³⁸ Почему нищенствующий сын царя, родившийся на берегах Ганга, всегда изображается с чертами негра, с черной кожей и всклокоченными волосами? Тем не менее, Чакхья-Муни не принадлежал к тем низшим разновидностям человеческой расы, о существовании которых на Индийском полуострове мы уже говорили; в этом случае он был бы неспособен сформулировать какую-либо доктрину, будь то моральную или философскую.

Остальная часть волосяной системы, не меньше, чем волосяной покров, заслуживает внимания антрополога. Таким образом, весьма особенным фактом, которому, по нашему мнению, никогда не придавалось достаточного значения, является, с одной стороны, относительное распространение бороды среди различных рас человечества, а с другой - время ее появления.

Китаец, например, долгое время был безбородым, и только примерно к сорока годам у него на лице начинает появляться несколько жестких волосков.

У негров, американцев и полярной расы волосы точно так же очень слабо развиты на лице. “Длина наших бород (тридцатидневного роста), которые не брились с тех пор, как мы покинули *”Виктори*, - сказал сэр Джон Росс, [139](#) - была, среди прочего, источником большого веселья, в то время как один из них, незнакомец, чья борода была необычно длинной для этого племени, заявил о кровном родстве с нами на этом основании”. Густая и окладистая борода, при внимательном рассмотрении вопроса, кажется исключительной принадлежностью той расы, которая, исходя от имаев, распространилась по всей Европе и лучшие представители которой до сих пор населяют плоскогорья Ирана. [140](#) Наши соседи, семиты, далеко не так хорошо обеспечены; и вместо этого. Полковник Х. Смит, [141](#), возможно, не ошибся, предложив сделать обильную волосную систему характеристикой одной расы, точно так же, как кудрявое состояние волос стало бы характеристикой другой.

Системы животной жизни, несомненно, демонстрируют такое же разнообразие у различных человеческих рас, как и системы взаимоотношений; только эти разновидности гораздо менее известны. Нам будет достаточно вспомнить в этом месте о более темном цвете крови *испермы* у негритянской расы, как уже было отмечено Аристотелем и подтверждено Жакино, и о столь же темном оттенке нервных центров; так что вся экономика негра, даже в самых скрытых частях (и наиболее удаленных от солнечного или атмосферного воздействия), пропитана красящим веществом.

Обратим также внимание на развитие маленьких *половых губ* у женщин-готтентоток, *крайней плоти* и *клитора* у семитской расы и даже на размер *пениса* у эфиопок — такого размера, что он почти препятствовал бы союзу чернокожего мужчины с белой женщиной, в то время как союз белого мужчины с негритянкой происходил бы без каких-либо препятствий. Это замечание, вполне согласующееся с теориями г-на д'Эйхтала, было сделано моногенистом; [142](#) мы имеем право только удивляться ему. Как мы можем согласовать эту невозможность, будь она хотя бы тенью реальной, с понятием неопределенного и универсального воспроизводства, которое все моногенисты — ошибочно, как мы увидим, — приводят в качестве одного из своих сильнейших аргументов в пользу особого единства человека?

II. То, что мы называем физиологическими различиями, представляет собой определенные функциональные формы одного и того же органа, характерные для определенных рас. Это, как можно видеть, совершенно искусственное различие, поскольку эти различия должны обязательно и принудительно относиться к материалу, то есть к анатомическим различиям.

Только они, либо из-за их малой ценности, либо по какой-либо другой причине, были до сих пор неизвестны; в то время как их последствия, будучи более ощутимыми, не ускользнули от нашего наблюдения. Если эскимос, например, съедает за один день пищу шести английских моряков, то [143](#) очевидно, что кишечник, желудок и прилегающие к ним железы претерпевают особые изменения в связи с этим видом питания, столь отличным от плодоядной диеты, к которой приспособлен организм человека. Когда татарин видит дальше, чем европеец, пользующийся телескопом, [144](#) несомненно, что такое функциональное превосходство зависит только от качества материала органа, от более совершенного устройства зрительного аппарата, от более совершенной природы средней преломляющей способности глаза.

Часто возникало желание отнести такого рода модификации к воспитанию расы или отдельного человека. Образование расы само по себе, независимо от обычного хода событий, кажется нам труднодоступным, поскольку образование в этом случае предполагало бы победоносную борьбу против обычного хода вещей. Каждое животное появляется на свет таким, какими были его родители, или, по крайней мере, так кажется. Если он приносит с собой по наследству определенные специфические характеристики, они обязательно должны со временем исчезнуть либо сами по себе, либо путем уничтожения всех тех, кто ими обладает (случай наследственного вырождения). Фактически, если бы совершенствование расы было возможно с помощью отдельного человека, следствием было бы то, что очень скоро наши потомки больше не поддерживали бы отношений с окружающей средой, что было бы абсурдом.¹⁴⁵

Что касается индивидуального образования, то оно оказывает неоспоримое влияние; но этого недостаточно для объяснения таких важных различий. Мы никогда не обнаруживаем, чтобы европейцы, случайно оказавшиеся среди дикарей, достигли этого необычайно тонкого восприятия, столь присущего многим аборигенам. И, более того, американец, живущий в бескрайних лесах, где обзор всегда ограничен, обладает таким же пронзительным взглядом, как калмык на своей равнине. Вопрос о образовании органа или системы самим индивидуумом, несомненно, будет прояснен в один прекрасный день внимательной анатомией. И раз уж мы затронули эту тему, давайте вспомним, что все еще остается важное исследование, на которое до сих пор обращали лишь поверхностное внимание, — исследование влияния, которое, например, молоко животного или самки другой расы может оказывать на развитие или здоровье белого ребенка.

Различия, которые мы называем физиологическими, очень многочисленны; мы, однако, приведем только два или три из числа наиболее разительных. Главным моментом, пожалуй, является специфический запах Негра. Он настолько силен, что даже пропитывает на некоторое время место, где негр мог оставаться всего несколько часов, и это настолько характерно, что само по себе является серьезной презумпцией в вопросах работорговли; ибо Гумбольдт заявил о перуанцах то, что Ле Кат и Галлер сказали о дикарях Антильских островов, что они могли безошибочно выследить негра по запаху, благодаря этому запаху; и в то же время это новое доказательство совершенства чувствительности американской расы. Этот запах совершенно не зависит от возраста и иногда почти невыносим у маленьких детей; он также не зависит от пота и, фактически, от всех средств гигиены, которыми может пользоваться негр.¹⁴⁶ По всей видимости, это происходит из-за секрета тех же желез, которые у белого человека придают такой специфический запах подмышечным впадинам; но этот последний абсолютно отличается от запаха негра.¹⁴⁷ В связи с этим мы не должны упускать случая отметить одно из тех противоречий, в которые впадают негры. моногенисты так часто падали, и, действительно, иначе и быть не могло. “Собака происходит не от шакала”, - говорит М. Флуранс,¹⁴⁸ - “потому что у шакала такой специфический запах, что кажется невозможным, чтобы в этом случае собака не сохранила хотя бы какие-то его следы”. Должны ли мы рассуждать таким же образом, чтобы выделить негров в особую расу, и примет ли это этот моногенист?

Еще одна весьма примечательная физиологическая особенность, столь же достойная внимания, поскольку она оказывает определенное влияние на физиономию, на *фацию* расы, - это особый способ стояния, состоящий в том, что человек сидит на корточках, ступня стоит на земле, а бедра согнуты до бедер, при этом *седалищная кость* не касается земли. Этот эффект Кук назвал “обезьяньим выражением лица”.¹⁴⁹

Мы нигде не находим, чтобы греки — обитатели древнего континента в целом, — арабы или даже сами древние египтяне - когда-либо привыкали к этому положению, которое обязательно предполагает некоторую анатомическую модификацию, будь то разделение таза, направление шейки бедренной кости или скручивание костей и т.д.¹⁵⁰ Напротив, такое положение, по-видимому, всегда было особенностью меланезийских рас; это обычный способ *стоять* среди жителей верхнего течения реки. Нил, а также негры Африки и Океанических островов. Они располагаются таким образом, чтобы посмотреть на что-нибудь, поболтать вместе или поразмыслить. Великолепные рисунки, иллюстрирующие отчет о путешествиях английского посольства к императору Абиссинии,¹⁵¹ изображают этого монарха смотрящим за целой армией пехоты, выстроенной в боевом порядке, и сидящей таким образом на корточках.

Древние египтяне обычно стояли на коленях или сидели на земле, сведя ноги вместе и соприкасая колени перед грудью, как показывают нам тысячи статуй, фигур и картин. Но их художники только что открыли нам, что народ Центральной Африки всегда был таким, каким он является по сей день. На большой картине "Бейт-Оуали", в Нубии,¹⁵² изображен Рамзес Великий, атакующий отряд негров из Судана; с одной стороны, чуть дальше, мы видим негра возле кастрюли, который, несомненно, готовит какую-то еду; он сидит на корточках в той манере, о которой мы только что говорили. В этом месте, как это часто бывает, египетский художник умело ухватил профиль по его наиболее значимой характеристике.¹⁵³

Одно время Жерико хотел зарисовать эпизод из "Кораблекрушения "Медузы"", когда Кореар делал знаки африканскому вождю, сидевшему на песке; он поместил в свою композицию сидящего на корточках негра, но нарисовал его так, что одна нога полностью стояла на земле, а другая опиралась только на кончик плюсны. В то время у Жерико в качестве модели был только белый человек; негр поставил бы себя иначе, поставив обе ноги на землю.

Мы могли бы продолжать историю этих физиологических разновидностей *до бесконечности*— это обширное поле для исследования; и, если упомянуть только один факт, сравнительная история развития различных рас человечества еще не завершена, особенно история внутриутробного развития негра и даже частично история первых месяцев его воздушной жизни.

III. Если организм, нормально функционирующий у разных рас, представляет такие разновидности, почему мы не можем предположить, что, следовательно, он должен демонстрировать соответствующие различия в своих патологических изменениях? не должна ли существовать также этническая патология? Это содержит большой вопрос, и все же несколько лет назад о нем едва ли задумывались. По-видимому, впервые это было предложено и изучено Ф. Шнуррером в его трактате *о географической патологии*,¹⁵⁴ в 1813 году, в котором автор, по-видимому, несовершенно воспринял во всей его необъятности вопрос, который сейчас занимает наше внимание. Книга разделена на три части; первая полностью географическая, вторая полностью антропологическая, а третья посвящена описанию болезней, начинающемуся с двух вводных глав; первая описывает болезни каждой зоны, а вторая, содержащая одиннадцать страниц, представляет собой "Обзор общих характеристик болезней у каждой расы". "Фактически, - говорит д-р Боден,¹⁵⁵ указывая на новизну этих исследований, - есть расы, которые проявляют полное неприятие определенных

патологических форм, к которым другие, напротив, проявляют замечательную предрасположенность”.

С этой точки зрения были отмечены две особые болезни: *отравление болотами* во всех его формах и *желтая лихорадка*. Очевидно, что африканцы, по крайней мере частично, свободны от этих двух болезней, которые поражают их с очень незначительной силой. Было сказано, что вопрос о болотном отравлении все еще вызывает большие сомнения; допускалось, что негры были менее подвержены его атакам, чем другие люди, но было желательно включить вопрос об акклиматизации¹⁵⁶ при подсчете фактов. Все известные нам страны, населенные неграми, почти все подвержены пагубному влиянию болот, и считалось, что даже чужеземные негры приобрели с младенчества в своей собственной стране иммунитет, которым они пользовались в дальнейшей жизни, и даже имели возможность передать его своим потомкам.¹⁵⁷ Именно так некоторые объясняли, например, печальные результаты английской экспедиции в Нигер в 1841 году. Из 145 белых, входивших в экипажи, три судна после сорока девяти дней плавания по реке потеряли 40 человек (130 подверглись нападению). Из двадцати пяти цветных мужчин, прибывших в Англию и родившихся в основном в Америке, одиннадцать заболели, но ни один из них не умер.¹⁵⁸ Эта индивидуальная акклиматизация может быть либо фикцией, либо доказательством в поддержку идей, которые мы защищаем. При наличии болезненного влияния, которое проявляется и продолжается, могут произойти только две вещи: либо разрушение, либо постоянные (то есть *специфические*) модификации экономики в соответствии с обычным способом, которым эта популяция животных продолжает существовать.

Желтая лихорадка, совершающая свои опустошительные действия на берегах, одинаково удаленных как от белых, так и от негров, привела в этом вопросе весьма решительные аргументы. На самом деле мы знаем, что белые страдают в Америке от черной блевотины во всей ее жестокости; в то время как на негров она не нападает, а если и нападает, то последствия ее незначительны.¹⁵⁹ Свирепый принцип, достойный завоевателей, объясняет — начиная с шестнадцатого века — эту прерогативу, которой испанцы имели столько оснований завидовать: “Если бы мы не повесили негра, он бы никогда не умер”.¹⁶⁰ Если некоторые авторы робко выдвинули теорию прежней акклиматизации¹⁶¹ что касается болотного отравления, то большинство наблюдателей, Феннер, Нотт и Брайант, должны признать, что даже в телосложении чернокожего человека существовало препятствие - в остальном абсолютно неизвестное в его природе — для проявления желтой лихорадки;¹⁶² и что черная кровь, по—видимому, передавала эту силу сопротивления смешанной породе, даже если они родились далеко.¹⁶³

Чрезвычайно интересный эксперимент, касающийся иммунитета негров к желтой лихорадке, был опробован в основном во время неудачной мексиканской экспедиции, и условия этого опыта должны придать ему первостепенную ценность. Сначала наши солдаты платили ужасную дань этому бедствию, а затем французское правительство подхватило прекрасную идею извлечь выгоду из сопротивления негритянской расы черной блевотине. Оно запросило у вице-короля Египта батальон чернокожих, состоящий из мужчин, набранных в пределах Судана, от Бербера до Хартума. За ходом этого физиологического эксперимента следили не без тревоги, поскольку он не происходил, как в наших лабораториях, в *anima vili*. Некоторые были уверены в функциональном единообразии негритянской расы, поскольку оно не зависело от каких-либо

действий на местном уровне; другие, ошибочно полагая, как мы уже говорили, в прежнюю акклиматизацию единственных обитателей западного побережья Африки, ожидали обнаружить, что все эти негры с другой стороны континента погибнут. Однако, несмотря на то, что они сначала сказали, они очень скоро смогли убедиться в почти полной неприкосновенности негритянского батальона в Вера-Крус.¹⁶⁴ Если мы не ошибаемся, антропология впервые была непосредственно применена в Старом Свете к социальной науке. Некоторое время назад правительство Северных штатов Америки консультировалось с антропологами по некоторым вопросам рабства, в то время как ужасные разногласия зарождались где-то в отдалении.

ГЛАВА V.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ.

С незапамятных времен здравый смысл просвещал человечество относительно интеллектуальных различий, которые отличают одну нацию от другой и одну расу от другой. Почти все нации, признавая, что они выше своих соседей, признают тем самым характерное различие между ними самими и теми, кого они таким образом ставят ниже своего собственного уровня. Чрезмерное чувство тщеславия, возможно, может стать причиной обмана в данном случае; но эта вера, по крайней мере, основана на достоверном факте — интеллектуальном неравенстве. Действительно, существуют ощутимые и очевидные различия, которые никто не станет отрицать, особенно те, кто ищет в литературных памятниках какой-либо расы историю ее идей и тенденций, и те, кто смешался с другими нациями и кто изучил их манеры, обычаи и религию. “Достаточно было увидеть черных, - говорит их самый восторженный защитник,¹⁶⁵ - пожить с ними некоторое время, чтобы почувствовать, что в них есть человечность, совершенно отличная от человечности белого человека”.¹⁶⁶ Некоторые люди хотели обмануть самих себя; они хотели поднять негритянскую расу до нашего собственного уровня во имя какого-то сентиментального чувства, что, более того, всегда оказывалось ошибкой. Над ними работали многие люди. Не имея возможности придать им пластическое равенство, они прибегли к разуму, — они хотели обмануть самих себя, как Дездемона, когда она говорила: "

“Я видел образ Отелло в его воображении”.¹⁶⁷

Моральный закон объявлял негров равными нам, только с определенными оттенками различия, зависящими от каких-то особых и преходящих обстоятельств, которые вскоре исчезали. Было объявлено, что, *в свою очередь*, они будут продвигать идеи и будут работать над тем, что называется *прогрессом*, то есть “приумножением добра на земле”.¹⁶⁸ “По мере того, как работа заставляет жизненную энергию преобладать в голове, — сказал мсье Марсель де Серр в 1844 году, - эти темнокожие люди,¹⁶⁹ с жесткими, лохматыми или короткими волосами, будут явно тяготеть к белой расе, - пойдут с ними по пути прогресса”.¹⁷⁰ И далее: “Этот эксперимент едва начался, но он уже показывает ощутимые результаты”. К сожалению, двадцать лет, прошедшие с тех пор, как были написаны эти слова, не доказали, что они правдивы; и вызов, брошенный американцем, так и не был принят: “Пусть кто-нибудь процитирует мне одну-

единственную строчку, написанную негром, которая достойна того, чтобы ее запомнили”.¹⁷¹ Сейчас они не продвинулись дальше, чем в то время, когда Мухаммед отказал им в даре пророчества.¹⁷² И, как замечает доктор Хант, определенно нет никаких средств цивилизовать тех, кто был нецивилизованным в течение трех тысяч лет, в течение которых они были связаны с египтянами, карфагенянами, арабами, португальцами, голландцами и англичанами.¹⁷³ Если кто-то возразит, что они всегда были рабами, мы можем сказать, что наши галльские и германские предки тоже были рабами; но мы спросим, *почему они продолжают быть рабами?*

Заслуга первой попытки отличить человеческие расы по признакам, взятым извне физического мира, по качеству проявлений их интеллекта, возможно, принадлежит Линнею. С этим духом лаконизма, который побудил его сгруппировать в одной простой и понятной формуле характерные факты, которые он хотел запечатлеть в сознании читателя как важные, он попытался в нескольких словах определить различные тенденции разных рас, и следует признать, что временами он был счастлив в такого рода синоптической классификации.¹⁷⁴

По мере того, как современные знания заставляют нас глубже проникать в умы рас, — поскольку мы больше не довольствуемся поверхностным изучением их обычных проявлений жизни, которые мы можем назвать “обычным явлением” и которые принадлежат почти всем странам, — мы видим, что непреодолимые границы отделяют одну группу людей от другой в отношении интеллектуального сходства, так что здесь, как и в случае с физическими характеристиками, каждую расу почти невозможно отличить от ее соседей. “Глубокие и неизменные различия, — сказал г-н Поль де Ремюза,¹⁷⁵ в 1854 году, — которые, возможно, были бы достаточны сами по себе для создания определенных и совершенно ограниченных классификаций”.

Именно для того, чтобы указать на новую отрасль антропологии, новую и плодотворную отрасль, появилась работа, которой было суждено пролить яркий свет на этот предмет. Необходимо было объяснить эти различия, а не просто сформулировать их. Заслуга в этом принадлежит господину Ренану, который в своем трактате о языках великой семитской семьи нарисовал с самых благоприятных характеристик это человечество, которое в моральном отношении так отличается от нашего, каким бы похожим оно ни было по внешней форме. Интеллектуальное неравенство рас отныне является неоспоримым фактом.

Поскольку религиозная или моральная система народа является высшим проявлением его интеллектуальных тенденций, мы видим, что изучение религий вполне естественно входит в антропологию; это часть этого сопоставимого исследования человеческого разума, которым, к сожалению, слишком часто пренебрегают, но которое начинает занимать достойное своей важности место в мире науки.¹⁷⁶ Мы не хотим обсуждать теологические или религиозные вопросы, антрополог должен предоставить их другим. Его долг состоит в том, чтобы попытаться выйти за пределы узкого круга, в который поместила его природа; забыть, насколько это возможно, о своих склонностях и личных чувствах; оглядеться вокруг; взглянуть на мир с одной точки зрения и постараться быть его единственным зрителем. Тогда его взору бросится любопытное явление — горные цепи и реки, разделяющие различные расы человечества, также разделяют различные религии. Подобно морю, которое разбивается о берег, каждая вера видела, как ее последователи, вооруженные мечом или мирным оружием убеждения, останавливаются на определенных границах, переступать которые им не разрешается. Конечно, мы говорим здесь только об истинном прозелитизме, о реальном прогрессе в религии

по ее форме и духу. Гумбольдт и Бонплан однажды увидели в Кордильерах дикую толпу, танцующую и размахивающую боевым топором вокруг алтаря, где францисканец возносил Воинскую Повинность. Таких неофитов называют христианами только в *Анналах распространения религии*, — по мнению антрополога, они не являются обращенными.

Чистый монотеизм, по-видимому, всегда был религией семитской расы. Большинство европейских народов, напротив, с древности исповедовали политеизм или пантеизм, более или менее замаскированный, более или менее признанный. Фактически, рядом с теми народами Азии и Европы, где цивилизация и религиозные идеи, по-видимому, развивались одновременно, хотя и в разных направлениях, мы находим других людей, у которых нет ни религиозных идей, ни богов, ни какого-либо культа. ¹⁷⁷

Три обширных региона земли, населенных людьми, все еще находящимися в диком состоянии, по—видимому, до наших дней оставались свободными от религиозных верований; это Центральная Африка, Австралия и страна вокруг Северного полюса, то есть три части света, которые труднее всего исследовать, — единственные части, которые даже еще не были тщательно исследованы. И это одно из следствий недостатка исследований; оно предполагает своего рода изолированность от остального мира, который даже не поддавался цивилизации благодаря этому контакту и имитации, о которых мы уже говорили. Допустим, что эти люди установили отношения со своими соседями; они вскоре переняли бы у иностранцев концепции, которые даже тогда никогда бы не обрели форму из-за небольшой доли интеллекта, данной им природой.

Говоря о жителях Австралии, Лэтем признает, что общее мнение на самом деле таково, что они еще не начали формировать самые элементарные элементы *религии*, ¹⁷⁸ “мнение, ” говорит он, - которое наводит на мысль, что их интеллект слишком вял даже для поддержания суеверия”. Безусловно, верно, что в американской экспедиции под командованием капитана Грея считалось, что среди них можно было уловить некоторые религиозные идеи; но из того же рассказа явствует, что песня, составлявшая всю эту кажущуюся религию, была принесена издалека чужаками и принята местными жителями — несомненно, другими австралийцами, которые уже находились под влиянием христианских идей белых людей или буддийских принципов малайцев.

Рассказывать историю распространения идеи среди народа - значит, в действительности, заявлять и доказывать, что этой идеи там раньше не существовало, и этого для нас достаточно, если мы можем быть уверены в этом факте. Свидетельство миссионеров ¹⁷⁹, кроме того, согласуется с тем, что мы только что сказали; и мы можем отметить важность утверждений, исходящих от людей, все исследование которых направлено на то, чтобы обнаружить в людях, которых они желают обратить, идеи, аналогичные тем, которые они пытаются распространять. “У них нет никакого представления о Божественном Существо, - говорит один из этих людей. - Они, по-видимому, не имеют представления о том, что они запоминают, — я имею в виду, особенно в том, что касается религиозных предметов”. “Что мы можем сделать, - говорит другой, - с нацией, в языке которой нет терминов, соответствующих *справедливости* или *греху*, и для ума которой идеи, выражаемые этими словами, совершенно странны и необъяснимы?”

Что касается Центральной Африки, мы ограничимся приведением нескольких фактов, относящихся к этому отсутствию религиозной веры, собранных из разных точек периферии

обширного треугольника, почти неисследованного и непознанного, который описывается линиями, соединяющими Сенегал, Занзибар и Капский полуостров.

Американский миссионер, [180](#) проживший четыре года среди мпонгве, одного из самых важных народов Центральной Африки, мандинго и гребо, и в совершенстве знавший их язык, заявляет, что у них не было ни религии, ни священников, ни идолопоклонства, ни каких-либо религиозных собраний вообще. Д-р Ливингстон говорит то же самое о бечуанах. [181](#) Австрийские миссионеры, обосновавшиеся на отдаленных берегах Белого Нила, столкнулись с тем же недостатком религии, с той же пустотой [182](#) в их жизни. разум. На самом деле, у кафров имя, которое они дают Божественному Существо, как и у готтентотов, является неоспоримым доказательством того, что раньше они понятия не имели ни о чем подобном. Это название *Tixo*, и его история слишком любопытна, чтобы ее не рассказать; оно состоит из двух слов, которые вместе означают “раненое колено”. Говорят, это было имя врача или колдуна, хорошо известного среди готтентотов и намакуа из-за какой-то раны, полученной им на колене. Будучи высоко оценен за его необычайную силу при жизни, Раненое колено продолжали призывать даже после его смерти, как способного утешить и защитить; и, следовательно, его имя стало термином, который лучше всего отражал в умах его соотечественников их запутанное представление о Боге миссионеров!

Что касается эскимосов, то с 1612 года Уайтборн писал, что они ничего не знают о Боге и живут без какой-либо формы гражданского правления. И мы можем добавить к этому отдаленному свидетельству следующие строки из дневника сэра Джона Росса, который долгое время жил среди них. “Поняли ли они что-нибудь из всего, что я пытался объяснить, объясняя простейшие вещи самым простым способом, который я только мог придумать? Я не мог предположить. Получил ли бы я больше, если бы лучше понимал их язык? У меня *много причин* сомневаться. В том, что у них в какой-то степени есть моральный закон, “записанный в сердце”, я не мог сомневаться, как показывают многочисленные черты их поведения, но помимо этого я ни в чем не мог себя удовлетворить; и эти усилия, как и многие другие, не позволили мне предположить ничего стоящего записи. Уважая их мнение о существенных моментах, исходя из которых я мог бы сделать предположение о религии, я был вынужден в настоящее время отказаться от этой попытки и был склонен к отчаянию”. [183](#)

Этот отрывок тем более важен для нашего тезиса, что мы чувствуем в каждом слове огорчение человека, который не нашел в сердцах других братского отклика своим самым дорогим чувствам. По правде говоря, это трудность, характерная для изучения вопросов подобного рода. Поэтому мы должны быть очень осторожны при обсуждении ценности любого свидетельства, которое может быть выдвинуто, и не доверять тем умам, которые начинают с того, что *априори* заявляют об универсальности верований, надежд и страхов среди человечества как естественном следствии изначального единства человеческого вида. Мы всегда должны самым тщательным образом изучать рассказы путешественников, на которые мы вынуждены ссылаться. Так, например, очевидно, что чем старше свидетельства, тем они лучше; но в то же время, чем дальше они уходят в прошлое, тем меньше шансов, что они исходят от независимого и беспристрастного ума, свободного от всех предрассудков.

К счастью, преувеличения этих идей часто бывает достаточно, чтобы заставить нас остерегаться их, подобно искреннему иезуиту, чья ревностная, но туманная вера полагала, что

обнаружила следы проповеди святого Фомы в Бразилии.¹⁸⁴ В хорошем отзыве об эскимосах,¹⁸⁵ доктор Кинг говорит, “что эти люди сохранили, как и многие другие нецивилизованные расы, смутные воспоминания о сотворении мира и всемирном потопе и что они верят в будущие награды и наказания”. В своем религиозном рвении доктор Кинг забывает, что если эскимосы смогли донести из долины Евфрата запутанную традицию даже о всемирном потопе и сотворении мира, то невозможно, чтобы то же самое было с верой в будущие награды и наказания, учитывая, что сами евреи никогда не обладали этой верой до своего контакта с ассирийской цивилизацией. Мы можем прочитать в превосходной работе доктора Брехера¹⁸⁶ всю историю развития этой веры в бессмертие души. Если немецкий врач благочестиво желает доказать, что евреи с моральной точки зрения всегда должны были верить в это бессмертие, то, во всяком случае, его усердие позволило изобрести реальные доказательства, которых на самом деле не хватает. Знаменитый *шеол*, который так часто упоминается в старых еврейских книгах, кажется всего лишь царством *мертвых*, а не царством *душ*, как ад, Тартар, Елисейские поля и Рай; *шеол* - всего лишь идеальное изображение могилы. Даже в то время, когда евреи в целом переняли идеи своих соседей, в талмудический период, вера в бессмертие души, если оно существовало, не была ни полностью ясной, ни хорошо аргументированной, поскольку они отказывали во всяком участии в будущей жизни тем, кто отрицал воскресение и страшный суд, “что было равносильно полному уничтожению”.¹⁸⁷ Верить в это, конечно, не значит верить в бессмертие души, поскольку они рассматривали вечную жизнь не как необходимое следствие, а как вознаграждение за *благие принципы*, и верить в них. Такая непоследовательность является самым ясным из возможных доказательств того, что даже в тот период эти идеи не претерпели тех изменений, которые привели их к действительной ясности. Они также еще не полностью освободились от древней веры, от которой саддукеи, к тому же, не отказались; они были верными хранителями древней веры и чистого предания сынов Израиля. “У них есть теория, что душа умирает вместе с телом, - писал Иосиф Флавий,¹⁸⁸ - и они считают, что не должны соблюдать ничего, кроме закона”.

Мы должны быть прощены за то, что так настаиваем на этом пункте; но с точки зрения нашего тезиса важно показать, что вера в бессмертие души и в божество не является универсальной на земном шаре, что из нее нельзя сформировать одну общую характеристику человечества и что нам еще меньше следует полагаться на существование таких идей для установления человеческого царства. Мы говорили только о людях, которые либо совершенно дикие, либо о еврейских взглядах, которые давно канули в прошлое. Даже в наше время на земле насчитывается двести миллионов буддистов, достигших удивительного уровня цивилизации, которые самым абсолютным образом игнорируют понятие другой жизни и божественности. Эжен Бюрнуф, способностей которого никто не станет отрицать, уже сказал это; месье Бартелеми Сент-Илер после долгих колебаний, которые останутся печатью твердо установленного убеждения, решил таким же образом в последнем издании “*Будды и религии*”.¹⁸⁹ Мы цитируем его собственные слова: “Во всем буддизме нет ни малейшего следа веры в Бога; и предполагать, что он допускает поглощение человеческой души божественной или бесконечной душой, является необоснованным предположением, которое не может даже войти в идеи буддиста. Чтобы поверить, что человек может потерять себя в Боге, с которым он воссоединился, в этого Бога нужно сначала *поверить* как в необходимое начало. Но мы едва ли можем сказать, что буддист не верит в Него. Он игнорирует Бога настолько полным образом, что его даже не волнует отрицание Его существования; его не волнуют попытки упразднить Его; он не упоминает о таком существе ни для того, чтобы объяснить происхождение или

предшествующее существование человека, его нынешнюю жизнь, ни с целью высказать предположение о его будущем состоянии и его возможной свободе. Буддист вообще не знаком с Богом, и, полностью отдавшись своим собственным героическим горестям и сочувствию, он никогда не устремлял свой взор так далеко или так высоко”. И автор добавляет следующие строки, которые имеют прямое отношение к антропологии и которые являются как бы суммой всего, что мы только что привели: “Человеческий разум наблюдался лишь у рас, к которым мы сами принадлежим. Эти расы, безусловно, заслуживают высокого места в наших исследованиях; но если они самые важные, то они не стоят особняком. Разве не следует обратить внимание на другие, хотя о них говорят, что они настолько неполноценны? Если они не вписываются в наспех набросанный контур, должны ли они быть изуродованы путем подчинения их чрезмерно строгим теориям? Не лучше ли признать, что старые системы несовершенны и что они недостаточно всеобъемлющи во всем что они берутся объяснить?”¹⁹⁰

Вопрос об интеллектуальных различиях, как, впрочем, и все другие аспекты антропологических исследований, в значительной степени использовал изобретательный гений моногенистов, поскольку следует признать, что все усилия воображения исходят из них. Допустить развитие одного или двадцати человеческих видов на нашей планете не труднее, чем развитие одного мха или морской водоросли; это явления того же порядка, и они в равной степени находятся за действительными пределами нашего знания; но этот первый сделанный шаг, антропология открывается полигенисту как простая и непринужденная; он без всякого труда прослеживает все явления, от причины до следствия, — все укладывается в один общий порядок, — все удивительно просто, несмотря на кажущуюся сложность. Иначе обстоит дело с моногенистом; постоянно руководствуясь своей теорией, он идет вперед почти мучительно, и на каждом шагу возникает какое-нибудь новое препятствие, препятствующее его продвижению. Если он думает, что преодолел физические различия, возникают психологические разновидности; затем возникнут семьи с разными языками, столь же радикально отличающиеся друг от друга и столь же труднообъяснимые; и все же напрасно препятствие кажется таким большим и непреодолимым, его *нужно must*, его нужно пройти во имя общепризнанного принципа, чего бы это ни стоило. Таким образом, моногенисты иногда приходят к самым любопытным, но в то же время и к самым печальным результатам.

И если бы мы хотели черпать сентиментальность из науки, мы должны были бы спросить, что является наиболее разумным, наиболее достойным и наиболее утешительным, — верить ли нам, что мы одни совершенны и что девять десятых наших собратьев, населяющих земной шар, лишены наследства; или рассматривать все эти разнообразные существования, которые мы видим вокруг нас, как составляющие равные, если не похожие виды, преследующие, каждое по-своему, судьбу, действительно отличную, но не деградировавшую, — не выродившуюся, — в определенных моментах даже лучше устроенную, чем наша собственная. “Бог, - сказал Нибур, - указал каждой расе людей их предназначение с той характеристикой, которая им лучше всего подходит”, и философ уже усвоил из истории, что, когда цивилизация внезапно привносится извне в дикую нацию,¹⁹¹ следствием этого является немедленное физическое вырождение, то есть уничтожение народа, который отклонился от своего обычного образа жизни. Таким образом, историк провозгласил физиологический закон, о котором большинство сторонников моногенизма рады забыть, — что всякое вырождение обязательно заканчивается смертью; оно убивает само себя, и всегда в десятом поколении, если не в первом. Ни одна группа людей после двух или трех поколений несмешанного существования не может рассматриваться как деградировавшая, не более, чем мы должны признать, что молодая девушка, страдающая

кретинизмом в высшей степени, обладала характеристиками эскимосов или монгольской расы.¹⁹²

Мы можем видеть, даже с гуманитарной точки зрения — точки зрения, к которой мы отказываемся причислять себя, — что полигенисты имеют преимущество. Разум не оскорбляется и не может быть оскорблен тем, что некоторые существа обладают какой-то определенной способностью в ущерб другим. Разве гармония не приобретает абсолютную ценность из необходимого неравенства частей, в то время как она сама придает каждой части равную ценность, заставляя их всех сотрудничать ради одной цели, одного и того же *действия*, в котором распределены большие и малые роли - одни блестящие, другие скромные, третьи скрытые?¹⁹³

Эта прекрасная североамериканская раса, которой так восхищаются все, кто жил среди них, больше не будет, по словам доктора Мартиуса,¹⁹⁴ достойным потомком первого убийцы, сборищем маньяков и безумцев, доведенных до такого состояния страданиями и осуждением Бога. Мы видим в них только людей, наделенных такими же способностями, как и мы, но более гармоничных с природой, которая их одушевляет, имеющих, конечно, такие же несовершенства, как и мы, но дающих нам также пример замечательных качеств, твердости, мужества, терпения и сильной любви к свободе. Белые и черные могут быть рабами, но американец никогда не служил хозяину.¹⁹⁵ У самого негра есть свои преимущества; и мы, возможно, не могли бы бороться с ним из-за аффективных или ненавистнических качеств. Нам кажется, что г-н де Гобино странным образом ошибся в портрете, который он попытался нарисовать о черном человеке; он сделал свою расу отвратительной; она только ниже *по отношению к нам*; она равна некоторым и превосходит других, на самом деле, не разделяя всех преимуществ иранцев или Семитские расы, но способные проявлять другие качества, присущие только им самим.

Вместо этого представшего нашему взору зрелища деградировавших существ, населяющих половину земли, мы, со своей стороны, просто видим, как в каждой расе развивается разум, следующий определенным направлениям и тенденциям за счет других. Эти особые склонности иногда проявляются весьма примечательно. Общаясь с эскимосами, сэр Джон Росс, чей наблюдательный ум мы неоднократно имели возможность наблюдать, обнаружил, что почти все они были хорошими географами. Он дал им в руки карандаш и бумагу (об использовании которых они, конечно, ничего не знали), и они с большой точностью нарисовали заливы, реки, острова и озера своей страны, а также точные места, где они останавливались лагерем во время какой-нибудь бывшей эмиграции. Это любопытный контраст с большинством африканских и арабских народов, которые, по-видимому, имеют лишь очень смутное представление о расстоянии или времени; более того, трудность определения маршрутов среди жителей Судана, которую мы испытали на себе, стала почти притчей во языцех.¹⁹⁶ Не заходя так далеко, скажем, что наши соседи, семиты, в необычайной степени отличаются от нас образом и качеством своего ума; с одной стороны, это ариец, аналитик, пантеист, склонный к пластическому или перспективному воспроизведению всего, что его окружает; с другой стороны, это ариец, аналитик, пантеист, склонный к пластическому или перспективному воспроизведению всего, что его окружает. другой - семит, сенсуалист, монотеист, иконоборец. Если для семита совершенно невозможно следовать за нами в глубинах метафизики, поскольку его язык даже противостоит всяким философским доказательствам, то, в свою очередь, возможно, мы менее религиозны, то есть менее серьезно поражены вселенной. Мысль о том,

чтобы продемонстрировать Бога и доказать эту мысль, никогда не придет семиту в голову, как это пришло к Боссюэ, Фенелону и Ньютону. [197](#) Семит чувствует Бога, если можно так выразиться; и, словно поглощенный и пораженный этой персонифицированной творческой силой, тень которой давит на него, он не понимает искусства воспроизведения, хотя среди всех людей преуспевает в этом.

Фактически, сама история научит нас, что эти тенденции так часто обвиняются и так распространены, что они встречаются повсюду; в одном месте они поднимаются даже над завоеваниями, в другом модифицируются под импортные религии. Когда религия, в соответствии с гением людей, к которым она была обращена с колыбели, переходит от одной расы к другой, она неизбежно видоизменяется. Чистый монотеизм, зародившийся на востоке, покорила запад и иранскую расу только тем, что трансформировался к их удовольствию. Персы приняли ислам; но они не смогли отказаться от этой необходимости пластического воспроизведения, которая является одной из характерных черт иранской семьи: образовался раскол, который санкционировал все искусства и оставил на полной свободе ту естественную тенденцию, которую невозможно было подавить. Гораздо больше, чем чудовища из сна Исая, львы Альгамбры были ужасным пророчеством. Те, кто увидит их, могут прочесть в их огромных фигурах жизненную силу покоренной нации, чья любовь к живой форме проникла даже во дворец завоевателей и которая вскоре должна была заставить их летать. Раса, процветавшая в Афинах и Риме, приняла христианство, которое также пришло с востока, только лишив его первоначального характера; и эта религия в наши дни была бы неспособна привлечь прозелитов на том востоке, где она впервые возникла. Проповедь Мухаммеда была, как заметил М. Ренан, всего лишь реакцией чистого монотеизма на выродившееся христианство, плохо скрывавшей его политеистические тенденции.

По правде говоря, психологическое изучение человеческой расы - это новая наука, которая была изучена по некоторым пунктам, но не во всех. Захотеть нарисовать его - значило бы оказаться перед выбором: либо делать то, что другие сделали идеально, либо впасть в ошибку из-за отсутствия необходимых материалов. Мы можем только процитировать, как хорошо изученные, во-первых, иранскую расу, всеми нашими моралистами и философами; во-вторых, семитскую расу, М. Ренаном; и в-третьих, американскую расу, Гумбольдтом и Бонпланом, [198](#) д'Орбиньи, [199](#) Мортонем, [200](#) и Кумби. [201](#)

II. Изучение языков связано, с одной стороны, с физиологией человеческой расы, но еще более непосредственно с изучением разновидностей человеческого разума, органом которого они в какой-то мере являются. Таким образом, они могут также помочь в разделении человечества на естественные группы. Но где изучение языков особенно затрагивает антрополога, [202](#) — это когда оно затрагивает происхождение разновидностей языка и первобытного состояния (интеллектуального или социального) говорящего человека: когда оно пытается проникнуть в прошлое с каждым днем все дальше назад, с каждым днем приближаясь к истокам. Связанные таким образом, две науки должны иметь одинаковую судьбу; у филологии были свои моногенисты и полигенисты. Первые были вынуждены уступить, подавленные численностью и превосходством своих противников. С ними покончено; и поле остается свободным для последних, которые своими исследованиями подтверждают множественное происхождение человеческого языка, оставляя выводы на усмотрение следствий или вывода их сами. [203](#)

Нам будет достаточно одного-единственного заявления об истории семитских идиом. “Если планеты, физическая природа которых, по-видимому, аналогична природе Земли, - говорит г-н Ренан,²⁰⁴ - населены существами, организованными подобно нам, мы можем предположить, что история и язык этих планет отличаются от наших не больше, чем история и язык китайцев”. Невозможно более ясным и поразительным образом установить индивидуальность различных языковых семей, ни одна из которых не обязана своим происхождением своим соседям и которые, вероятно, никогда не находились в присутствии друг друга, за исключением тех случаев, когда они уже сформировались, принеся с собой свои собственные характеристики, свой фундаментальный и глубокий тип, столь же неизменяемый при контакте, как и физический тип людей, говоривших на них. Они, в присутствии других, возможно, и могли изменить свои традиции, свои воспоминания, свои слова, но это никогда не было чем-то большим, чем *заимствования*; мы можем быть уверены, что эти люди были чужими друг другу в тот день, когда они произнесли свои первые слова в колыбели.

Мы должны ограничиться лишь констатацией результата, который заключается в том, что каждая система языка абсолютно несводима к другим как по своей основе, так и по форме; все они рождены человеческой мыслью, это правда, но эта мысль следует в каждой точке определенным путем, так что каждая из этих систем, как сказал М. Ренан, соприкасается с другими только благодаря общности цели, которую она призвана достичь.

Определенные семейства языков различаются не только своим строением, они проявляют особые фонетические или физиологические качества;²⁰⁵ иными словами, мы можем наблюдать в двух разных языках разновидности одного и того же порядка, который объясняется у животных словами "лай", "рев", "воркование" и т.д. Это особенно верно в отношении странного языка, на котором говорит ярко выраженная раса Южной Африки, вероятно, гораздо более широко распространенного в прежние времена, чем в настоящее. Он не похож ни на один другой известный язык и состоит в *кудахтанье*, которое, по их словам, не имеет аналогов ни у одного другого народа на земле. Англичане охарактеризовали его как *вздыхающий* или *кудахчущий*, а также, особенно, как *язык щелчков*.²⁰⁶ Вот новое отличие — радикальное отличие по отношению ко многим другим, которое решительно формирует из этих босьесманов народ, которого невозможно объединить, неважно каким образом и в каком аспекте, с любым другим подразделением великой человеческой семьи.

ГЛАВА VI.

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА.

Моногенисты, исходящие из единства происхождения как факта, если не доказанного, то, по крайней мере, принятого и неоспоримого, неизбежно пришли к открытию физиологического объяснения глубоких различий, которые мы находим в наши дни среди человечества и которые, по мнению моногенистов, привели бы их от одного крайнего состояния к другому или от среднего состояния к двум крайностям.

Теперь необходимо помнить, что каждый вопрос, касающийся влияния, подразумевает предыдущее историческое понятие. Мы не можем установить, что в теле (в данном случае в человечестве) не производится модификация, иначе как сравнивая его с самим собой в два различных момента продолжительности, более или менее удаленных друг от друга. Когда моногенист допускает в качестве источника одну однородную человеческую расу, он относит термин сравнения к прошлому, он дает историческую дату, более или менее определенную для этого однородного человеческого вида. И именно потому, что только религиозные космогонии осмеливаются в наши дни присваивать себе власть возвращать историю к истокам человечества, мы всегда будем сильно обеспокоены тем, что не видим теологического влияния в основе идей моногенизма; однако теперь они говорят, что обнаружили следы этого человеческого единообразия, на которое они опираются, чтобы доказать этот великий исторический факт.

По нашему собственному мнению, история очень далека от того, чтобы начаться с человечества; она восходит всего за два или три века до изобретения образного языка — более важного и трудного для человека языка, чем членораздельный, который был открыт задолго до этого и во многих разных точках. Именно *письменность* делает азиатов и затерянных людей Центральной Америки лучше дикарей; и если бы нас попросили провести конкретное различие в отношении интеллекта между человеком и животными, мы смогли бы найти его только там. Позже будет видно, что мы далеки от отрицания влияния среднего пути; но мы утверждаем, что в настоящее время не хватает ни одного термина для сравнения, чтобы показать, что человек, начиная с самых отдаленных исторических периодов, когда-либо демонстрировал меньше различий, чем сейчас. Большинство моногенистов, расходясь во мнениях по поводу всей системы модифицирующих причин, в целом сходятся в признании того, что климат и гибридность оказывают решающее созидательное влияние на человеческие расы. Только эти два вида влияния заслуживают нашего рассмотрения. Мы начнем с климата, отложив пока в сторону изучение мнимого вопроса гибридности, часть которого так плохо понимается теми, кто верит, что она создает разновидности, тогда как она может только ослаблять различия.

Гиппократ отводил важную роль внешним воздействиям в способах перехода от одной расы к другой. Кажется, он был первым, кто указал на это в своем *Трактате “О воздухе, воде и местах”*.²⁰⁷ “Форма, цвет кожи и манеры народов, - говорит Полибий, - зависят исключительно от разнообразия климатов”.²⁰⁸ В целом древние верили в непосредственное и внезапное влияние климата, настолько сильное, что незнакомец по прошествии нескольких лет полностью менялся и подстраивался под тип жителей того же места.

В наши дни только Кабанис осмелился зайти так далеко.²⁰⁹

Некоторые моногенисты просто расширили греческие теории и объяснили все длительным действием одних и тех же влияний. Другие предполагали, что причиной были локальные изменения атмосферных условий мира, предшествовавшие настоящей эпохе. Это своего рода прогресс по сравнению с предыдущей гипотезой в том смысле, что, по крайней мере, мы должны признать недостаточность реально существующих причин, чтобы объяснить большие различия, наблюдаемые в настоящее время между людьми. Исидор Жоффруа Сент-Илер согласился со своим отцом в важном вопросе о влиянии окружающего медиума; но смерть настигла его прежде, чем он смог применить эти теории к человечеству. Однако высокое положение, которое его *Естественная история человечества* заняла в науке, заставляет нас

ненадолго остановиться на его взглядах, которые, к тому же, легко восторжествовали над руинами школы Кювье. И если мы не согласны со всеми доктринами, выдвинутыми вторым Жоффруа, мы тем более удовлетворены, поскольку, отличаясь от сына, мы больше склоняемся к теориям отца.

Исидор Жоффруа верил в решающее влияние медиума, но только при определенных условиях. Он считал, что эти влияния ограничены, как он сам это называет, всякий раз, когда это относится к чему-либо, выходящему за рамки действия человека, то есть к диким или свободным животным. В этом случае действию медиума, по его словам, было бы ограничено исключительно созданием разновидностей по форме и цвету кожи,²¹⁰ — форма, которую мы никогда не видим разнообразной у одного и того же класса людей; цвет кожи, который, очевидно, одинаков у мужчин, среди которых светлый тип сам по себе является исключительным и распространен на очень небольшой части древнего северо—западного континента.

В любом случае, Исидор Жоффруа признавал, что эти различия иногда очень незначительны;²¹¹ и хотя они никоим образом не приближались к тем, которые разделяют человеческие расы, нам можно позволить поверить, что различия, наблюдаемые среди диких видов, были, по его мнению, гораздо менее важными. Напротив, он пытался сравнить незначительные различия между свободными животными с разновидностями, гораздо более заметными и гораздо более ясными, чем те, которые демонстрируют домашние животные, и поэтому, несомненно, он хотел сделать шаг к фундаментальному вопросу антропологии, который, очевидно, был в центре его мыслей и который он долгое время решал в моногенистическом смысле.

Но домашние животные находятся в совершенно особых условиях, которые не позволяют ассимилировать эти разновидности с теми, которые были просто созданы силами природы. Кювье²¹² уже указывал на это различие и отвергал всякую ассимиляцию между ними и свободными животными. Не придавая слишком большого значения причинам, которые подтолкнули его к таким взглядам, мы считаем, что, по крайней мере, в этом пункте он был полностью прав; что касается остального, то сам Исидор Жоффруа снабжает нас оружием против своих собственных теорий. “Поскольку природа, предоставленная самой себе, — говорит он, — не дает нам свидетелей великих изменений в условиях существования, ясно, что остается только одно средство увидеть такие изменения и вывести из них последствия для организации — это *заставить природу делать то, чего она не стала бы делать добровольно*”.²¹³ Все осуждение этой системы Исидора Жоффруа содержится, по нашему мнению, в этих последних словах. Что касается нас самих, то мы самым абсолютным и формальным образом отвергаем связь, которую некоторые хотели установить между человеком и домашними животными. Человек — животное общительное, как и многие другие; но домашним животным он становится исключительно тогда, когда попадает в рабство. Домашнее животное — это существо, вырванное из нормального состояния и связанное человеком. Природа вынуждает его подчиняться влиянию только своего хозяина, — влиянию бесконечно изменчивому. Он больше не похож на самого себя; привычка к повиновению даже не оставляет ему воли; он перестает быть личностью и становится простой машиной, производящей на благо другого человека.

Домашняя жизнь имеет определенные черты вырождения; животное теряет свою активность, оно становится менее нетерпеливым и больше ассимилируется; оно становится почти неспособным существовать в одиночку; оно прозябает; вместе со своей личностью оно утратило устойчивость к окружающей среде, которая является необходимой характеристикой вида, условием *nisus formativus*; оно видоизменяется по воле каждого. Его организм можно рассматривать как находящийся в состоянии неустойчивого равновесия, так что малейшее влияние заставляет этот организм изменяться и с минимально возможной задержкой в значительной степени.²¹⁴ Но когда человек на мгновение перестает быть внимательным в управлении этими изменениями, когда он на мгновение забывает о себе, природа — всегда бдительная и готовая воспользоваться своими правами — разрушает все это человеческое здание и возвращает животное к типу, который можно назвать нормальным, но который не является типом породы, поскольку природа, воздействуя на организм, наделенный, как мы только что сказали, с удивительной податливостью и пластичностью, приобретенными при домашнем хозяйстве, немедленно и естественно изменяет животное, которое возвращается к свободе, силой новой среды, в которую оно помещено.

Ничего подобного не происходит с человечеством. Это, однако, не означает, что его также нельзя низвести до состояния домашней жизни.²¹⁵ Рабы, действительно, не что иное; и все, чего не хватает для того, чтобы сравнить их с домашними животными, — это истории расы илотов, которая всегда была свободна от какого-либо смещения и оставалась такой в течение времени, равного тому, которое отделяет нас от первого завоевания собакой, овцой и быком высокогорных равнин Азии.

Давайте тогда оставим всякое сравнение²¹⁶ между человеком, свободным приходить и уходить и самостоятельно выбирать себе пищу, и домашними животными. Давайте вернемся к тем, кто живет свободно, и скажем раз навсегда, что если мы останавливаем наш прогресс на столь многих деталях, касающихся этих сравнений, то это из своего рода уважения к характеру некоторых ученых людей, которые таким образом относились к антропологической науке. Мы очень мало верим в биологию или в доказательства *сходства*. Каждое животное, каждый орган, каждый анатомический элемент имеет свою собственную жизнь, свои собственные законы рождения, развития, питания и размножения. На заре науки все ясно и просто, как, например, клеточная теория в "элементах анатомии"; но с каждым днем законы жизни (мы могли бы сказать, законы природы) множатся и усложняются; каждое утро ищущий истину должен ожидать открытия какого-нибудь явления, которое нарушит научную веру предыдущей ночи. "Каждый вечер, — сказал один из магистров наук, — наша лучшая молитва — заново сформировать синтез наук".²¹⁷ Что ж, если современная анатомия научила нас, что начальная фаза развития яйцеклетки отличается у разных животных,²¹⁸ даже если развитие определенных костей лица не менее похоже на развитие их соседей, как мы осмелимся сравнивать какое-либо животное с человеком?²¹⁹ Сказав это, давайте вернемся к влиянию климата на диких или свободных животных.

Исидор Жоффруа с самодовольством приводит пример корсиканского и африканского оленей, завезенных из Европы в эти две страны едва ли двадцать веков назад, которые в настоящее время образуют две четко различающиеся разновидности. Исходя из этого, автор "*Естественной истории человечества*" утверждает о быстрых и ощутимых модификациях, вызванных действием медиума. Но, прежде всего, свидетельства этого факта просто отрицательны; старые авторы, отрицавшие существование оленя на Корсике и в Африке,

возможно, просто не знали об этом. Тогда это введение, если оно действительно имело место, возможно, было осуществлено с помощью животных, которые содержались в домашних условиях или в неволе в течение многих поколений и, следовательно, были легко способны изменить свой образ жизни, как только они вновь обрели свободу, как мы уже говорили. Как бы то ни было, необходимо исследовать просто самого человека, не сравнивая его с каким-либо животным и не вводя себя в заблуждение относительно связи климатов, которые обычно сравниваются слишком поспешно и с учетом простого равенства температур.

Достаточно пробежаться в "Космосе" Гумбольдта по пространному перечислению обстоятельств, составляющих климат, чтобы понять, что все сравнения, которые наш разум может проводить между любыми двумя регионами мира, по меньшей мере, опрометчивы. Аналогия двух климатов - это скорее своего рода экспериментальное понятие, которое может быть разумно выведено только на основании сходства биологических, а также метеорологических явлений любого рода в двух сравниваемых регионах. И когда климаты смогут превратить белого человека в чернокожего (факт, который мы энергично отрицаем), должны ли мы также обвинять в метеорологическом влиянии явные моральные качества и глубокие различия различных видов человечества? Должны ли мы признать, что еще немного холода или жары изменит интеллект? и почему не язык?

Но *мы* не первые, кто сомневается во всех этих чудесах. Бэкон²²⁰ и Альбин²²¹ справедливо сомневались в влиянии солнца на цвет кожи. Кемпер, признавший, что все разновидности происходят от внешних влияний, признал, и вполне добросовестно, что тех влияний, которые мы можем оценить, недостаточно, чтобы полностью объяснить ни выступающую челюстную кость у негра, ни скулы у калмука, ни раскосые глаза у китайца и малайца и т.д. То же самое мы можем сказать и обо всех других особенностях того же порядка — уплощении носа, курчавости волос, красящих веществах, которые мы находим даже в своде неба у негров, и т.д.

Мы обязаны Кемперу очень хорошим наблюдением: "Черный цвет, который наблюдается в естественных частях тела обоих полов и даже у белых особей, ясно доказывает, что наша ретикулярная мембрана приобретает свой цвет только от крови".²²² Один этот факт уже давно должен был дать более рациональный импульс исследованиям по этому предмету. Если — отбросив все эти гипотезы в сторону, ибо все, что мы можем выдвинуть, не имеет никакой другой ценности, — если мы хотим *позитивным* образом изучить влияние неба на человека, у нас в действительности есть только один ресурс, — это замкнуться в границах истории, изучить влияние миграций, о которых она нам говорит, и посмотреть, *ли* видоизменяется ли человек, перенесенный далеко, и как происходит это изменение. Тогда мы найдем два ответа на эти вопросы, которые в совокупности образуют своего рода антропологический закон.

Закон.—В исторические времена либо человек (мы имеем в виду общество людей), оторванный от своей среды, не меняет своего типа, либо он полностью исчезает.

Какая нация претерпела изменения? Мы не можем ответить, даже имея в руках историю; мы не знаем ни одного. И все же короткого периода времени, охватываемого летописями человечества, было бы вполне достаточно, если бы это было правдой, как считал Исидор Жоффруа, что мы могли бы сделать вывод от животных к людям, и что двух тысяч лет было бы достаточно, чтобы коренным образом изменить *род* оленей.²²³ Хорошо известно, что жители острова Бурбон, которые были колонистами, обосновавшимися в высокогорных землях на протяжении двух столетий, сохранили в неприкосновенности чистоту своей крови.²²⁴

Испанские и португальские семьи, обосновавшиеся в Бразилии и тщательно избегавшие браков с иностранцами, как говорят, ничего не утратили из своих первоначальных характеристик.²²⁵ Исландцы не стали лапландцами на своем собственном острове, и теперь они обосновались там восемьсот лет назад; они такие же светловолосые и *немецко выглядящие*, как и вначале.²²⁶ Голландцы процветали на мысе под именем буров. Говорят, что в Кочине и Малабаре существует еврейское племя, которое обосновалось там с давних пор и ведет свое происхождение от плена; оно осталось чистым,²²⁷ и так же похоже на жителей еврейского квартала в Каире, как на евреев на "Тайной вечере" Леонардо да Винчи и на картинах фламандской школы.

В самом деле, разве у нас, в Европе, ирландцы не сохранили под своим туманным и холодным небом ту южную натуру, которая проявляется в их вкусе к определенным искусствам, их маленьком росте, черных волосах, жизнерадостности женщин и лености мужчин? Теперь рассмотрим факты другого порядка: эмиграция не меняет человека. Возможно, эти факты не очень убедительны для всех людей либо из-за трудности наблюдения, либо из-за короткого периода, который они охватывают. Их следует принимать такими, какими их предлагает нам наука, и мы должны уделять наше внимание исключительно расчету выводов на основе ценности посылок.

Теперь мы подходим ко второму пункту закона, который мы изложили, — что человек, переправленный в другую страну, в конечном итоге исчезает. Теория, которую мы таким образом формируем, имеет большое значение. Она даже получила особое название, ее называли *Теорией некосмополитизма человека*. В настоящее время ее защищает во Франции доктор Буден, проявляющий не только талант, но и энергию. В этом вопросе фактов достаточно много, и они сразу приобретают значительное значение; и это определяется цифрами, так что мы должны признать, что в большинстве случаев каждая раса по своей природе привязана к почве, которая ее поддерживает, и что она не безнаказанно переходит свои границы.

Именно потому, что чужой климат оказывает в целом действительно разрушительное влияние, вызывая вырождение среди эмигрантов, то есть параллельное болезненное изменение как интеллекта, так и тела, мы всегда видим, как одни и те же расы перемещаются по одним и тем же районам и исчезают, когда они проезжают мимо них.²²⁸ Если семит, покинувший Йемен, приехал пасти своих верблюдов недалеко от берегов океана, напротив Счастливых островов, то это потому, что он и его животные находят в Риффе те же условия жизни, что и у берегов Нила и других рек. Суэцкий перешеек. Что бы ни говорилось о евреях и некоторых других расах, ни одна из них не кажется по-настоящему космополитичной. Признать, что еврейское племя, выброшенное в среду чернокожего населения, стало черным исключительно под действием климата, значит признать, что не было ни обращений, ни усыновлений, ни сексуальных союзов, противоречащих закону Моисея; и таким образом философствующие редакторы Кодекса Наполеона, а также повседневная медицинская практика учат нас, что думать. Со своей стороны, мы видим в этих преобразованиях еврейских семей, обосновавшихся далеко, результат поглощения типа небольшой группы эмигрантов населением, превосходящим их численностью. Еврей исчез; язык был передан так же, как вера, а также имя.

Акклиматизация человека, так же как и дикого животного, происходит только тогда, когда он обнаруживает, что условия существования разумно идентичны тем, в которых он был создан. Кроме того, природа наказывает его за то, что он переступил границы, которые она ему

назначила и в пределах которых он должен продолжать двигать свой организм по отношению к этой определенной среде. Домашнее животное, напротив, в силу той податливости, о которой мы говорили ранее, приспосабливается вообще очень удобно. И разнообразие, которое она демонстрирует, вернув себе свободу, само по себе является доказательством того, что она жила под небом, отличным от неба ее первоначальной страны.

Таков, по нашему мнению, единственный способ объяснить в настоящее время, с серьезной и общей точки зрения, все климатические влияния. Мы должны отдать справедливость некоторым моногенистам в том, что они прекрасно понимали реальную роль этих влияний. Блюменбах называет их *causæ degenerationis*; и здесь немецкий анатом, защищая, подобно Причарду, специфическое единство человеческой расы, возвышает себя над английским антропологом, не достигая, однако, того, что мы считаем истиной. Причард, склоняясь к вере, что человечество полностью произошло от негров,²²⁹ признал, следовательно, своего рода *causæ perfectionis*, то есть восходящий ход явлений, в то время как его предшественник видел только обратный ход. Итак, это восходящее шествие явлений трудно согласовать с представлением о специфическом единстве человека. Фактически, каждый биологический вид обязательно конституируется в силу определенного пространства, в котором он должен перемещаться. Неразумно предполагать, что в другом месте тот же организм и тот же вид могут встретиться с более благоприятными условиями существования.

По мнению Блюменбаха, все расы представляют собой нездоровые отклонения от примитивного типа, представителями которого мы являемся;²³⁰ так что девять десятых человеческого рода, по его мнению, состоят из дегенеративных особей. Блюменбах не знал, что одним из существенных признаков вырождения является ограниченное развитие его продуктов, то есть исчезновение расы в более или менее отдаленный период.²³¹ Мы спрашиваем себя только, как моногенисты, которые все в большей или меньшей степени разделяют взгляды Блюменбаха и которые почти все гордятся своими моральными и гуманитарными чувствами, могут согласиться на то, чтобы таким образом уменьшать число людей, достойных этого названия? Разве не лучшую роль, если таковая может быть в науке, сыграли полигенисты, которые считают, что другие расы являются особыми существами, преследующими цель, которая является их собственной, а не нашей, и делящими с нами планету, недоступную иранцу во всей ее протяженности; точно так же, как определенные виды животных покрывают земной шар различными видами? Мы говорили, что климат оказывает решающее влияние на человека, переезжающего в другую страну; его следует понимать только в смысле этого влияния, и мы видели, что оно, как правило, пагубно.²³² Оно дает о себе знать в физической и моральной природе человека, как глубоко, так и поверхностно.

Среди наиболее простых и наиболее глубоких климатических воздействий мы можем указать *насолнечный ожог*, изучение которого так интересно в антропологических исследованиях. В настоящее время мы знаем, что солнце далеко не всегда является причиной этого; что бивуак *ночью* оказывает такое же мощное воздействие таким же образом, и что исследователи северного полюса обнаружили, что их руки и лица загорели под северным небом.²³³

Разве эти факты не уменьшают решающую роль, которая так долго отводилась солнечному теплу в производстве красящих веществ у негров?²³⁴ Цвет солнечного ожога, по-видимому, даже не сохраняется в слоях эпидермиса, в которых обнаруживается нормальный цвет. Действительно, мы должны помнить, что всегда легко отличить обожженную солнцем нацию,

поскольку люди, которые по той или иной причине лишь изредка подвергаются внешним воздействиям, как женщины, бесконечно белее; дети при рождении совершенно белые, но как только они много выходят на воздух, они становятся коричневыми.

К сожалению, воздействие климата на человека, вывезенного из его собственной страны, - это не просто случай солнечного ожога. И медицинская статистика показала при лечении различных рас человечества опасность изменения своего положения на поверхности земного шара, даже если это происходит в смысле изотермических линий. Из результатов тщательных исследований, проведенных в английских колониях на Антильских островах в течение примерно сорока лет, мы узнаем, что чернокожее население постоянно сокращается, число смертей сопоставимо с числом рождений :: 28 : 24. В тропиках организации северян сильно обеспокоены, жизнь меняет свой облик, и ее течение становится гораздо более быстрым. Управляет железистая система; ²³⁵ человек становится “более чувствительным к удовольствиям и менее склонным к активности”, ²³⁶ его ум теряет свою живость. Эти благородные способности, которые сделали белого человека монархом мироздания, ослабевают, и это особенно в некоторых колониях, где правительство вынуждено все доверить европейцам. ²³⁷ Доктор Барнард Дэвис недавно объявил Парижскому антропологическому обществу, ²³⁸ что один из его друзей, доктор Дж. А. Уайз, прожив тридцать лет в Индии, после многочисленных запросов так и не смог найти потомков европейца в третьем поколении.

Наши регионы с умеренным климатом для негра - то же, что тропическая зона для европейца. Даже на Гибралтаре ²³⁹ негритянский контингент, служивший в английской армии, отдал тяжелую дань смерти. ²⁴⁰ Напротив, официальные документы за 1861 год сообщают нам, что в Сьерра—Леоне ²⁴¹ смертность английских и негритянских солдат была следующей:-

	Смертей на 1000 человек.	
	Англичане.	Негры.
Болотная лихорадка	410·2	2·4
Дизентерия	41·3	5·3
Заболевание печени	6·0	1·1

Неоспоримым фактом является то, что в целом смертность эмигрировавшего населения обратно пропорциональна расстоянию, которое они преодолели. ²⁴² В течение многих лет остров Цейлон был оккупирован индусскими войсками (из Мадраса и Бенгалии), малайцами, неграми и англичанами. Смертность этих рас составила соответственно 12, 24, 50 и 69.

Это настолько очевидный биологический закон, что мы снова сталкиваемся с его применением даже в некоторых частных случаях. Например, в отношении желтой лихорадки Таунсенд таким образом установил правило: “Можно сказать, что смертность для вновь прибывшего из более прохладных широт находится в точном соотношении с расстоянием от экватора до места его рождения”. ²⁴³ Дэниел Блэр ²⁴⁴ привел следующую статистику, согласно своим наблюдениям за той же болезнью, сделанным в Британской Гвиане с 1827 по 1835 год:

Коренные жители (жители островов Вест-Индии)	6·9
французов и итальянцев	17·1
Англичан, шотландцев и ирландцев	19·3

немцев и голландцев
скандинавов и русских

20·2
27·7

Эпидемия 1853 года в Новом Орлеане позволила Бартону составить шкалу смертности по тому же принципу и абсолютно сопоставимую, которая сняла бы все сомнения на этот счет, если бы таковые существовали.²⁴⁵

ГЛАВА VII.

ВЛИЯНИЕ ГИБРИДНОСТИ.

Мы должны рассматривать гибридность с двойной точки зрения, как способную или неспособную указать на реальную ценность различных человеческих рас по сравнению с признанными естественными группами в большем количестве зоологических классификаций; и с другой стороны, мы должны изучать гибридность, относящуюся, как утверждалось, к созданию новых рас.

Было сказано, мы повторяем, что, поскольку все люди способны размножаться друг с другом, род *homo* составляет только одно семейство. Чтобы этот аргумент был справедлив, необходимо было доказать, что среди животных (ибо именно оттуда он был заимствован) два хорошо признанных вида, более различных, чем даже две человеческие расы, никогда не должны были плодиться друг с другом. Так вот, это далеко не так. Исидор Жоффруа Сент-Илер, который виртуозно рассмотрел этот вопрос в своей *Естественной истории человечества*, признает, что животные, принадлежащие к двум разным родам, в результате объединения могут образовать смешанную породу, которую, следовательно, он называет *гибридами большого поколения*.

Поэтому мы не станем утруждать себя оспариванием, как это делали некоторые полигенисты, универсальности размножения между всеми расами человечества; мы не будем спрашивать, наблюдались ли все степени сочетания, например, союз эскимоса с негром, американца с австралийцем, татарина с босяком. Допустим, что, возможно, едва ли является истиной, что все расы производят одна другую, — мы допустим все это; и все же это ничего не докажет в пользу моногенистов, которые выдвинули этот факт, поскольку мы отныне знаем, что в этой универсальности размножения нет оснований для серьезного аргумента, — поскольку мы знаем, что два различных вида, два рода, фактически, могут производить гибриды. Этой способности к размножению придавалось слишком большое значение — это всего лишь функция, то есть физиологический признак, совершенно неподходящий для классификации; существование *гибридов с большим размножением* достаточно доказывает это. Это плохая характеристика, потому что она не постоянна; потому что ни человек, ни животное не несут ее в себе, и что для того, чтобы раскрыть эту характеристику наблюдателю, необходимо определенное единообразие обстоятельств. То же самое и с животными формами, которые никоим образом не одобряют такого наблюдения; достаточно вспомнить чередующиеся поколения беспозвоночных. Куда нам поместить всех этих однополых животных? как нам

классифицировать этих *просколексов* и *сколексов*, у которых нет пола и у которых его никогда не будет? Вместо идеи плодовитости, которой недостаточно для характеристики вида, мы должны заменить ее другой, идеей развития продукта. Если все показывает нам, что зоосеменные растения, происходящие от очень разных животных, могут одинаково оплодотворять любую данную яйцеклетку, — если мы даже признаем, что у нас нет веских оснований отвергать теорию, согласно которой каждая яйцеклетка может быть оплодотворена разными видами зоосеменных растений, — то, напротив, очень легко объяснить тот факт, что у потомства не будет шансов на жизнь, за исключением тех случаев, когда два родителя демонстрируют достаточную идентичность, но которую мы не можем рассматривать как подходящую для характеристики вида.

Как продукт двух организмов, потомка всегда следует рассматривать как результат двух соединенных половинок, подогнанных друг к другу и скомбинированных одна с другой. Если две половинки идентичны, то животное во всем похоже на своих прародителей. Если два существа, которые пытались объединиться, слишком непохожи друг на друга, две силы не могут объединиться, и либо продукта нет, либо он задерживается в своем развитии с первого момента своей зародышевой жизни. Если две силы, или сумма двух сил, имеют определенное общее направление, они могут произвести новое существо, но несовершенное, и у которого не будет всех условий существования, подобных его родителям; оно не будет обладать детородной способностью и, следовательно, не сможет стать основателем ряда подобных ему особей, сменяющих его со временем, “естественно, регулярно и бесконечно”.²⁴⁶

Оставляя в стороне способность к размножению, мы должны уделять внимание исключительно союзу различных человеческих рас в отношении жизнеспособности продукта, и давайте посмотрим, чему научат нас наблюдения по этому вопросу.

Жакино утверждает, что “едва ли можно процитировать какую-либо помесь австралийцев с европейцами”. Когда древние обитатели Земли Ван Димена, численность которых сократилась до двухсот десяти человек, были вывезены с острова Флиндер, союз женщин с беспринципными каторжниками не только не смог сформировать отдельную расу, но и были найдены только двое взрослых людей, которые были продуктом этих союзов.²⁴⁷

“Мулаты, — говорит Нотт, — живут дольше всех среди любой из ветвей рас; когда они объединяются между собой, они менее плодовиты, чем если бы принадлежали к той или иной из ветвей.”²⁴⁸ Это утверждение особенно верно в отношении помесей, рожденных от негров и жителей севера Европы. На Яве помеси малайцев и голландцев, по-видимому, не способны к размножению дальше третьего поколения.²⁴⁹ “*Метисы* Индии, — говорит Уоррен, — приходят к преждевременному концу, как правило, без размножения; и если есть потомство, оно всегда жалкое”.²⁵⁰

Мы должны сказать еще несколько слов о мнении Исихора Жоффруа Сент-Илера по важному вопросу о скрещивании людей. После того как Исидор Жоффруа упрекнул Кювье, и не без оснований, в том, что он часто в интересах определенных взглядов допускал в отношении человечества вопиющее нарушение биологических законов, которые его гений провозгласил для других животных, нам кажется, что Исидор Жоффруа, в свою очередь, впал в противоречие того же рода. Он, в частности, называет *гибридами* скрещивания, происходящие от скрещивания двух различных видов, и замечает, кроме того, что гибриды обладают в целом довольно определенными признаками, которые частично принадлежат отцу, а частично

матери; так что потомство, добавляет он, может походить одно на другое больше, чем другое, но не *исключительно* ни на одного из них: в нем всегда можно обнаружить скрещивание. Напротив, это не *всегда* так при скрещивании двух разновидностей одного и того же вида; продукт часто обладает характеристиками обоих своих родителей, но очень часто также напоминает исключительно одного из них.

Для этих существ, которые являются потомками двух разновидностей одного и того же вида *и которые очень часто полностью воспроизводят тип одного из своих родителей*, исключая другого, Исидор Жоффруа приберег название *homoïdes*. Что ж, мы спросим его вот о чем— взяв в качестве примера потомство от союза белого и черного, найдем ли мы в нем признаки гомоидного скрещивания? Не будет ли он когда-нибудь напоминать исключительно одного из двух основателей? Разве характеристики мулата не представлены идеально, не очерчены и не являются всегда средними? Разве исключения, если таковые вообще можно привести, не являются чрезвычайной редкостью?²⁵¹ Во имя этой последовательности, не следовало ли Исидору Жоффруа увидеть в мулате нечто большее, чем гомоидную помесь, и еще больше усомниться в том, что различные расы человечества представляют собой лишь разновидности одного и того же вида?

Однако давайте рассмотрим гибридность в той мере, в какой она может служить для создания новых или модификации существующих рас, как это признали Блюменбах и Флуранс.²⁵² Отметим только, что эти два автора, подобно большинству моногенистов, помещая гибридность как модифицирующую причину в один ряд с климатом или средой, совершают большую ошибку. Гибридность, даже придавая ей творческую силу, о которой некоторые мечтали, полностью переходит во второй ранг, поскольку предполагает ранее существовавшую множественность. В конце концов, это может сработать только за счет ослабления различий, за счет создания промежуточного термина для двух крайностей. Само по себе оно не может порождать разнообразие происхождения, оно является его следствием, и мы увидим, что роль, которую оно играет в этом вопросе, чрезвычайно ограничена.

Уайт²⁵³ предполагает, что колония состоит из равного количества черных и белых; затем он пытается выяснить, что произойдет с течением времени, предположив, что тридцатая часть из них умирает и рождается каждый год. По его расчетам, он приходит к следующим результатам: через шестьдесят пять лет число черных, белых и мулатов будет равным; через девяносто один год белые будут составлять лишь одну десятую от общей численности населения, а черные - одну десятую; через три столетия от них не останется и сотой части, ни черных, ни белых.

Это утверждение верно с теоретической точки зрения; практически оно неверно: оно покоится на том, что мы могли бы назвать неустойчивым равновесием. В физическом мире мы можем по неосторожности привести эллипсоид в состояние равновесия на конце его большей оси или конус на его вершине; это тоже неустойчивое равновесие, но малейшее вмешательство причины, малейшее движение - и равновесие мгновенно нарушается. Если мы допустим в теорию Уайта рождение, которого не происходит, или непродуктивный союз, выводы сразу же будут опровергнуты; часть нового поколения сохранит первобытный тип,²⁵⁴ и эта часть будет гораздо более значительной, чем предполагал Уайт. Если фактов остановки развития, приведенных выше, недостаточно для доказательства того, что беспородная порода не может существовать сама по себе, можем ли мы где-нибудь найти такую? Находим ли мы народ, сохраняющий на протяжении веков средний тип между двумя другими типами, которые его

породили? Мы нигде их не видим, так же редко, как мы видим гонку мулов. Дело в том, что такая гибридная раса, промежуточная по отношению к двум определенным типам, может иметь только субъективное и эфемерное существование.

Определение слова *тип*, как в естественной истории, так и в конкретном случае, которым мы занимаемся, - довольно сложный вопрос, который мы можем *почувствовать* гораздо лучше, чем выразить письменно. Когда мы видим определенное количество людей, принадлежащих к одной расе, наш разум без какого-либо специального изучения берет у каждого из них ряд общих характеристик и формирует из них своего рода идеальное существо, к которому он относит реальных существ, которых он может видеть впредь, и с которым он отождествляет тех, кто имеет достаточное сходство с этим существом.²⁵⁵

В предыдущей главе мы видели, что, по крайней мере, в отношении исторических времен, тип неизменно воспроизводит себя во времени и пространстве, когда он не поддается новому климату, в котором ему предстоит жить. Однако, если мы допустим, что два типа могли столкнуться с гармонией влияний, средой, в которой они оба могли жить, мы скажем, что — даже при всей осторожности, которая может быть предпринята для их смешивания, — мы всегда найдем, что бы ни говорили белые, черных людей и белых людей, если эти расы изначально были черными и белыми; и это в силу законов, которые, как мы думаем, мы можем сформировать, и демонстрация которых будет столь же позитивной, как и в области истории.

Закон I.—Тип среды не может существовать сам по себе, кроме как при условии поддержки двумя создающими типами.

Закон II.—Когда два типа объединяются, могут возникнуть два явления: 1. Либо один из них поглотит другой; или 2. Они могут существовать одновременно среди большего или меньшего числа гибридов.

Эти два закона на самом деле являются лишь формулой принципов, которые давным-давно сформулировал сам Причард²⁵⁶, и которых придерживается также редактор *Ethnological Journal*,²⁵⁷ Нокс,²⁵⁸ и Уильям Эдвардс.²⁵⁹

В силу этих законов мы обнаруживаем, что нигде средняя раса не может ни утвердиться на руинах двух создавших рас, ни заменить их и вести самостоятельное существование, полностью состоящее из гибридов, которые размножаются между собой. Фактически мы установили правило, согласно которому условия развития гибридов очень ограничены и что они могут продолжать сокращаться в своих потомках только в том случае, если они способны производить таковые. Скрещенная раса будет существовать только при условии поддержки двух созидающих типов, оставшихся в ее середине. Если ценность этого закона выводится только из отрицательного факта, то есть из отсутствия на поверхности земного шара какой—либо реальной гибридной расы, существующей сама по себе на определенной территории, то в отношении второго мы обнаружим большое количество *положительных* фактов.

Мы сказали, что когда два типа объединяются, может наблюдаться двойное явление; либо один из этих двух типов поглощает другой, либо они могут существовать одновременно, один рядом с другим. Первый случай должен быть наиболее частым; но он наименее заметен, потому что не оставляет заметных следов. Мы должны попытаться обнаружить в истории останки народа,

который существовал когда-то и который с тех пор исчез. Таким образом, колония нубийцев, переселенная рабскими на берега Фазиса, не оставила никаких следов своего пребывания среди жителей этой земли. То же самое происходит и с греческими колониями на средиземноморском побережье.²⁶⁰ Норманны оставили на берегах Лабрадора только свои выгравированные *стелы*; ²⁶¹ их расы не осталось. Примитивный турецкий и азиатский тип также исчез из Европы. Это приписывают появлению грузинских женщин в сералях, и, возможно, это причина, которую слишком легко принять. Действительно, очень естественно, что неоднократное появление грузинских и черкесских женщин в гаремах лишает потомков завоевателей их первоначальных характеристик; но если бы это было так, турки наших дней от продолжительных союзов с той же расой сами стали бы настоящими грузинами и черкесами. Однако этого не произошло, потому что гаремы набираются как в Европе, так и в Азии, и даже тогда этот факт был бы применим только к семьям с высоким положением. Похоже, правда заключается в том, что настоящая турецкая кровь почти исчезла и была вытеснена старой кровью страны, либо македонской, либо фракийской.

Мы не осведомлены о законах, которые управляют исчезновением одной расы на глазах у другой. Иногда это происходит очень быстро; иногда это незаметно. Сложные условия, которые им управляют, входят в тот великий порядок фактов, который Дарвин так остроумно классифицировал под названием *борьбы за существование*. Нам всегда казалось, что они представляют собой полную аналогию с исчезновением одних видов животных раньше других, этапы исчезновения которых история иногда позволяет нам измерить; так что, по-видимому, существует любопытное сходство между большими колебаниями численности народов и животных на континентах. Нас почти подмывает сказать, что вторжение на Запад варваров, черной крысы и полевой мыши, является тройным выражением одного и того же биологического закона. Население Америки отстывает, подобно некоторым животным; ²⁶² население австралийских берегов исчезло; и мы полагаем, что сами негры Африки в какой-то отдаленный период будут призваны, в свою очередь, уступить свое место.

Мы больше ничего не знаем об условиях, которые позволяют двум типам бесконечно существовать друг рядом с другом: должны ли мы приписывать это сопротивление стране или расам, которые всегда предшествуют им? Почему, если норманны исчезли в Америке, Италии и Азии, они все еще должны оставаться в Нормандии, правда, немногочисленные, но всегда одни и те же, и прекрасно описаны Линнеем, когда он сказал о готах на Скандинавском полуострове: "У них гладкие, светлые волосы, а радужная оболочка глаз голубоватого цвета". ²⁶³ Даже когда происходит скрещивание более чем двух рас, даже когда эти различные влияния смешиваются, с ними борются и им помогают тысячами способов, так что у готов на Скандинавском полуострове". Этот вопрос стал почти неразрешимым для антрополога, и среди разнообразного продукта, получаемого в результате всех этих комбинаций, мы с удивлением видим тут и там индивидуумов, обладающих абсолютным и завершенным характером одного из представителей первоначального племени. Пока среди людей остается значительное количество смешанной крови, мы всегда можем ожидать появления кого-то, кто будет обладать чистыми характеристиками расы, которая, как считалось, исчезла и навсегда смешалась с кровью других. ²⁶⁴

Самый замечательный пример, который можно привести по поводу этих скрещиваний, и в то же время самый простой для внимания, представлен Англией, где две расы живут бок о бок, смешавшись друг с другом, и ни одна не поглотила другую со времен Страбона, Тацита и Юлия

Цезаря. Изолированная от Европы Англия неизбежно должна стать плодородной почвой для антрополога, и именно там быстрее всего будет создана история исторических и доисторических рас. Выдающиеся люди работают над этим с энтузиазмом; и уверенность в том, что с помощью археологии и палеонтологии можно вернуться к первым расам, которые вторглись в Англию в то время, когда использование металлов на западе было неизвестно, делает это исследование одним из самых интересных на сегодняшний день.

Великобританию разделяют две различные расы, или, по крайней мере, там встречаются представители двух рас; и среди огромного количества промежуточных индивидуальностей наименее привычный глаз не преминет различить эти два основных типа, настолько разных, насколько могут быть различны два человека с белой кожей. Одна из этих рас состоит из высоких, сильных мужчин с прозрачной кожей и голубыми глазами;²⁶⁵ другая, с более смуглым цветом лица, имеет черные вьющиеся волосы.²⁶⁶ Первых раньше называли каледонцами, вторых - силурийцами, очень похожими на иберийцев испанского полуострова: первые германского, или северного, происхождения; вторые кельтского, или южного. В настоящее время никто не отрицает, что эти две расы хорошо охарактеризованы, и каждый день в Англии можно встретить их прекрасные образцы. Мы можем привести некоторые районы, где силурийская, иберийская или кельтская раса, в зависимости от традиции, доминирует;²⁶⁷ например, на северо-западе Гламорганшира, в окрестностях Мерттира и в долине Нит.²⁶⁸ Мистер Джон Филипс находит их в равной степени распространенными в округе Данелаг²⁶⁹, между Лестером, Ноттингемом и Дерби, с теми же характеристиками: "черные глаза и волосы, однородный или, скорее, смуглый цвет лица".²⁷⁰ Среди этих двух рас неизбежно имеется значительное число помесей, которые, соединяясь друг с другом или с чистыми типами, дают различные результаты и таким образом объединяют две группы множеством незначительных оттенков различий.

Так обстоит дело и во Франции. Эдвардс²⁷¹ разгадал это почти по вдохновению; а месье Перье²⁷² значительно расширил свои предположения, более внимательно изучив все древние документы, рассказывающие о жителях Галлии. М. Брока в *Памятной записке*, положившей начало деятельности Парижского антропологического общества,²⁷³ самым ясным образом доказал, что если мы проведем линию, проходящую через Шербур и Ниццу,²⁷⁴ мы разделим Францию на две отдельные зоны в отношении внешнего вида и рост жителей. На юго-западе древнее кельтское население было небольшого роста, о чем свидетельствует большое количество военных освобождений.²⁷⁵ На северо-западе, в регионе, на который всегда посягали прекрасные и могущественные расы севера, результат совершенно противоположный. Итак, перед нами две различные расы: одна, некогда владычица запада, а затем вытесненная на окраину континента; другая, покинувшая свои леса и вторгшаяся на остальную территорию, — обе, насколько это возможно, различающиеся физическим обликом и моральными способностями, но теперь пополняющие свою численность, так сказать, с помощью друг друга и работающие вместе во славу и процветание своей общей земли.

Однако мы не должны придавать общий смысл этим последним словам и, таким образом, распространять их значение на все случаи этнического скрещивания. Два объединенных термина не должны слишком отличаться друг от друга, чтобы две ветви могли воссоединиться в том, что касается прогресса. Это существенно; и если бы мы попытались доказать, что гибриды отдаленных рас не обладают всеми необходимыми условиями животной жизни и размножения, было бы легко найти многочисленные доказательства того, что в целом интеллектуальное

состояние гибридов ненамного более удовлетворительно, чем их физическое состояние, поскольку два разумных организма, которые там объединены, не обнаруживают решительного сходства.

Доктор Чуди²⁷⁶ говорит, говоря о замбосах (гибридах аборигенов и негров в Лиме): “Как люди, они значительно ниже чистых рас; а как члены общества, они являются худшим классом граждан”: только они составляют четыре пятых преступников, содержащихся в тюрьмах Лимы. Г-н Э. Г. Сквайер²⁷⁷ сделал почти то же самое наблюдение о замбосах Никарагуа. В его части страны союз испанцев с теми же американцами, кажется, породил только дегенератов, которые не проявляют никакой способности к совершенству. Фактически, именно исходя из этих же принципов, г-н де Гобино²⁷⁸ взялся подробно доказать, что смешение рас неизбежно ведет человечество к деградации и всеобщему уничтожению. У Кабаниса были те же идеи на этот счет.²⁷⁹

Предположение, выдвинутое Кабанисом и г-ном де Гобино, несомненно, никогда не будет реализовано. Признать, что все человеческие расы могут достичь полной гибридности, означало бы признать, что каждая раса космополит, а это не так. Но, по крайней мере, остается верным, что когда две *очень разные* расы объединяются, мы не должны надеяться ни на что хорошее или долговечное от их союза. То же самое явление происходит, с простой разницей в *интенсивности*, когда объединяются два разных *вида* животных. Итак, моногенисты поражены таким результатом у человека, “результатом, совершенно противоположным”, - говорит один из них,²⁸⁰ “тому, чего обычно ожидают при скрещивании рас”.²⁸¹ Изумление ученого человека, о котором мы говорим, достаточно легко объясняется представлениями, которых он придерживается о человеческих расах, где он видит только выродившиеся разновидности первоначального типа, сохраненные европейцем в их первозданной чистоте.

Очевидно, что в этой моногенной гипотезе, которой мы больше не будем касаться, союз одной из этих выродившихся рас с чистокровным потомством был бы своего рода *гибридным*²⁸² кровным родством и, следовательно, благоприятным для потомства. Здесь произошло бы нечто аналогичное практике крестьян в *округах кретин*, которые пытаются бороться с бедствием, заключая браки на равнинах, чтобы давать более чистую кровь каждому поколению. В более общем виде очевидно, что если мы предположим, что две группы людей, рожденных от одного и того же происхождения, и что одна из них, после различных состояний, подвергнувшись роковым влияниям, соединится с другой, которая осталась неизменной, то очевидно, что продукт такого союза должен иметь тенденцию воспроизводить в своей чистоте первобытный тип.²⁸³ Если это не так с союзом различных рас людей, причина просто в том, что они не происходят непосредственно одна от другой; и из этого обесценивания продукта вытекает новый тип. доказательство в пользу идей, которые мы защищаем.

Нам остается говорить о гибридности применительно к распространению уродства. Мы знаем, что когда мы экспериментально соединяем одного из этого класса с другим, двух особей, организм которых в равной степени отклонился от обычного типа, “нет ничего труднее, чем предотвратить устранение этих несчастий”.²⁸⁴ Таким образом, есть более веская причина для того же, когда деформируется только одна из этих особей, что всегда происходит в естественном состоянии. Расы, которые мы можем таким образом создать, являются своего рода экспериментом, который существует, но было бы нелогично предполагать, что он может существовать естественным образом. Поскольку мы производим в лаборатории воду,

обогащенную кислородом, или смеси водорода и хлора, должны ли мы признать, что в природе эти вещества существуют в единстве? Совсем наоборот; из их нестабильности мы выводим, что они не существуют и, следовательно, не могут существовать в естественном состоянии.

ГЛАВА VIII.

ВИДЫ.

Теперь мы подошли к пределам задачи, за которую собирались взяться, и надеемся, что после того, что было сделано ранее, мы сможем прийти к какому-нибудь научному заключению.

Попытавшись во введении указать путь, по которому мы должны были следовать в антропологических исследованиях, мы рассказали о системе чисто философских исследований, отбросив все чуждые или предвзятые идеи в сторону, и, опираясь на факты и математические рассуждения, мы попытались применить эти принципы. Сначала мы попытались доказать, что человек не был существом столь чуждым и высшим по отношению к остальной животной природе, как думали некоторые натуралисты, берущие себя, первых среди людей, за точку сравнения. Мы рассмотрели низшие расы и показали, что между ними и первыми животными расстояние не было ни абсолютным, ни четко определенным; что человек вошел в зоологический ряд и что он лишь окончательно образует отдельную семью. Изменив наше направление, мы отказались от этого приобретенного знания и перешли к изучению разновидностей среди людей; мы нашли их действительно глубокими и всевозможными.

Затем началось изучение влияний, которым может подвергаться человек. Мы увидели, что гибридность не сыграла в этом никакой серьезной роли, поскольку она могла только ослабить ранее существовавшие различия. С другой стороны, мы признали, что *в пределах времени, доступного нашим знаниям*, ничто не подтверждало гипотезу о том, что климат оказал такое обширное влияние на изменение человека, что различия, которые мы можем наблюдать между предками и потомками, были бы достаточными в любой другой зоологической группе для характеристики различных видов.

Рассматривая человека как отдельное царство, мы, благодаря этому факту, освобождены от применения тех же правил, что и в зоологии; но, доказав, что он входит в зоологический ряд, мы косвенно доказали, что он должен подчиняться тем же законам. Наука не может иметь двух различных способов развития: она должна следовать одним и тем же путям в одних и тех же предметах, чтобы прийти к сопоставимым результатам. Это единственный по-настоящему философский путь: природа *едина*, и работа современных наук как раз и состоит в том, чтобы стремиться к единству. Самые разнообразные явления в руках аналитиков сравниваются и уподобляются лучам духа синтеза; магнетизм, электричество, свет, тепло, движение - все смешано и связано друг с другом так хорошо, что мы больше не знаем, как проводить различие.

Чистое и простое принятие закона органического единства приводит нас к следующему утверждению:—

Предложение.—*Либо мы должны признать разные виды в роде Ното, либо мы должны полностью реформировать зоологическую классификацию.*

Тогда эта последняя гипотеза будет означать, что работы Линнея, Кювье, Де Бленвиля и двух Жоффруа не будут иметь никакой ценности и что мы должны заново начать великую работу по классификации на той же основе, которую мы хотим использовать в антропологии. Из двух терминов предыдущего предложения второе заслуживает особого рассмотрения.

Зоологическая классификация была создана и утверждена величайшими мыслителями, которыми может похвастаться человечество; более того, независимая по своей природе от всякого религиозного влияния, она была проведена свободно и без предубеждения, как и подобает любому научному вопросу, посредством фактов и рассуждений. Не всегда так было с работами тех, кто желает, чтобы человек был исключен из всеобщей природы и находился за пределами животного царства. Зоологическая классификация не нуждается в реформировании — это классификация рода *Ното*.

Теперь мы касаемся широко обсуждаемого и противоречивого вопроса о видах, а заодно и вопроса о происхождении человека. Мы не верим, как это делали многие выдающиеся люди, что это происхождение должно быть вечно скрыто, что человеку никогда не будет позволено сорвать покрывало со статуи Исиды. Пусть нам будет достаточно сказать, что мы вот-вот вступим на скользкую почву, где мы найдем лишь несколько мест для отдыха, таких как камни брода, наполовину разрушенные потоком. И поскольку мы лишь тут и там найдем хрупкую поддержку одной гипотезы против множества других, чтобы помочь следствиям наших рассуждений, является ли это причиной для отступления? Мы так не думаем.

Каждый период развития науки имеет свою собственную тенденцию; в определенные моменты усилия всех невольно стремятся к одной единственной цели — один вопрос поглощает всех, и все частные решения стремятся к одному и тому же общему решению. В наши дни величайшим вопросом естественной истории является вопрос о видах; исследования ведутся с энтузиазмом, и материалы собираются со всех сторон, мнения обсуждаются и выдвигаются возражения. Нам остается только привлечь внимание по этому поводу к работам Исидора Жоффруа, Мортонна, Нотта, Годрона, Брока,²⁸⁵ Дарвина, Фе и др. Вопрос о спонтанном зарождении - всего лишь этап той же дискуссии, эпизод в работе "Рождение времени".

Некоторые люди сделали из этого слова что-то вроде пугала *спонтанное зарождение*, или, скорее, *спонтанный генезис*.²⁸⁶ И все же вот одна из этих истин, к которой, как мы думаем, нас приведут наблюдение фактов и рассуждения. Большой вред от изучения этого вопроса состоит в странном заблуждении относительно его значения и склонности ограничивать его пределы. Фактически, было сказано, что каждый день обнаруживаются половые органы у существ, которые, как считалось, воспроизводились спонтанно. Это благовидный аргумент, которому Плутарх давно отдал должное. Человек, которого он упоминает в одной из своих книг, спрашивает: "Что существовало первым, яйцо или курица?" и приходит к выводу, что "очевидно, это была курица". Даже легкомысленно касаясь этой темы, превращая ее в привычный разговор, греческий врач, однако, не ошибся относительно важности вопроса. "Таким образом, - отвечает один из гостей, - этим маленьким вопросом о яйце и курице мы поднимаем, как рычагом, великий и темный вопрос о зарождении мира".²⁸⁷

То, что все известные нам животные размножаются яйцами, возможно, хотя и не доказано, но это не важный момент; мы хотим знать, не переходят ли все животные, которых мы можем

наблюдать, более или менее непосредственным образом и в более или менее отдаленный период к самопроизвольному зарождению.²⁸⁸ Трудность везде одна и та же — везде мы приходим к той огромной темноте, которая окутывает происхождение жизни на поверхности нашей планеты; но во всех случаях важно не придавать феномену самопроизвольного зарождения никакого другого значения. значение, большее, чем оно должно было бы иметь. Мы не должны верить, например, что материя образована путем скопления частей, которые еще не живут в совершенном существе, уже имеющем все свои органы распределенными и пропорциональными, объединяющимися в одно живое целое. Это означало бы поставить нас в поле зрения абсолютно невероятной гипотезы. Гистология учит нас, что каждое животное, включая его инстинкты и интеллект, в данный момент представляет собой просто массу аморфной материи, которая в более поздний период сформируется сама по себе или среди которой *спонтанно* разовьется анатомический элемент, то есть организованное тело. Таким образом, признать спонтанный генезис - значит просто признать образование органической аморфной примитивной материи отдельно от уже живого тела, за счет и в сердце которого может родиться начальный анатомический элемент одного из этих животных, очень правильно названного *простейшими*. Мы можем даже спросить, не была ли эта скрытая первичная жизнь, эта атомная жизнь, всегда господствующей на нашей планете.²⁸⁹ И поскольку, принимая во внимание все, мы почти полностью не осведомлены об условиях, необходимых для оплодотворения любого примитивного эмбриона, за исключением определенных физических условий температуры, текучести и т.д.; И поскольку, с другой стороны, ничто не дает нам права полагать, что законы, существовавшие при зарождении жизни на нашей планете, с тех пор были отменены, мы видим, что, если мы обязательно должны заключить о спонтанном примитивном происхождении Нет ничего иррационального в том, чтобы признать, пока мы не узнаем больше по этому вопросу, постоянство этого явления.

Давайте вернемся к теме видов, которую, однако, мы не совсем оставили, говоря о спонтанном зарождении. Исидор Жоффруа желает продвигаться в этом вопросе медленно и только тогда, когда факты станут очевидны всем. Но он сам не раз показывал на благородном примере, какие выгоды получает наука, выходя за пределы фактов, при условии, что поначалу мы позаботимся о том, чтобы не придавать больше, чем простую гипотетическую ценность тому, что мы, возможно, пожелаем выдвинуть. В вопросе, который занимает наше внимание, мы должны охватить одним взглядом все животное царство с момента его возникновения, чтобы установить истинность наблюдаемых фактов; только тогда эти отношения, к которым так страстно стремится наука, предстали бы в их надлежащем свете. Ввиду этой невозможности мы должны надеяться на еще какое-то просветление, главным образом от геологии и, возможно, от экспериментов. “Сколько фактов было бы необходимо, ” сказал Бюффон, “ чтобы авторитетно заявить или даже выдвинуть предположение? Сколько экспериментов нужно провести, чтобы обнаружить эти факты, признать их или даже предвосхитить их с помощью хорошо обоснованных догадок?”

Заслуживают внимания два мнения о происхождении видов — Кювье и Ламарка. Этого последнего мнения Бюффон придерживался в конце своей карьеры, и в наших глазах оно должно найти в Этьене Жоффруа защитника, даже более сильного, чем сам Исидор Жоффруа; и особенно Дарвин, которому, однако, принадлежит заслуга распространения в его популярной работе идей Ламарка.

Теория Кювье, по-видимому, все еще остается доминирующей; она окружена тем схоластическим *престижем* который объясняется словом *классический*; она пригодна только для университетов. Кювье провозгласил *неизменность видов* и пожелал, чтобы при каждом обороте земного шара (одно только слово тогда приносило ему удачу) появлялась новая *фауна*, созданная руками Бога, чтобы оживлять горящие или обледенные земли старого света. Но Кювье, провозглашая органическую неизменность, исключал человечество. Мы должны позволить себе усомниться в том, было ли это сделано добросовестно. “Кювье, обладавший хорошим вкусом в отношении политических приличий, — сказал сын республики, его бывший учитель, а ныне его противник, — Кювье, наполнявший свой разум мудрыми мысленными оговорками относительно будущего общества, заявил, что не подобает, чтобы новые открытия, только что добытые из недр земли, с враждебной злобой нападали на почитаемые и древние откровения наших священных книг”.²⁹⁰ Это замечание, в котором Этьен Жоффруа скрывает свой гнев и презрение под маской безупречной вежливости, останется для читателей. конец, мы убеждены, как суждение потомства о государственном деятеле-натуралисте и о том, что в наши дни во Франции называют *официальной наукой*. Таким образом, по мнению Кювье, вид был определенной сущностью, и если бы он был последователен, то, несомненно, стал бы сторонником идеи, подхваченной Агасисом, — что *последнего* потопа на поверхности нашей планеты существовало несколько центров творения; в каждом из этих центров должна была появиться особая фауна, а также один из видов, составляющих род *homo*.

Эти различные виды людей и эта различная фауна с тех пор продолжали бы занимать те же географические области, лишь с некоторыми изменениями. В теории Кювье, как и в теории Агассиса, видам придается абсолютная ценность; они неизменны; они могут исчезнуть, но не могут быть изменены, так что “каждый из них, — как сказал Бюффон в начале своей карьеры, когда он придерживался тех же взглядов, — всегда остается отделенным от других интервалом, который природа не может переступить”.²⁹¹

Такова была долгое время теория происхождения видов, которой мы придерживались и которую мы поддерживали в первом издании этой книги. Фактически, решение, которое мы сейчас предлагаем, значительно отличается от того, которое мы давали тогда. Но в переходе от одного к другому есть эволюция, а не противоречие. Различия, разделяющие человечество, не уменьшились и не потеряли своей ценности в наших глазах: мы просто объясняем эти различия по-другому. Нельзя назвать противоречием или даже непоследовательностью изменение своего взгляда на вещи в соответствии со временем; иное отношение к вещам, которые, как мы говорили ранее, не имеют абсолютной основы; или изменение за пять лет своего мнения относительно происхождения живых существ на поверхности земного шара.

По последнему мнению Бюффона,²⁹² вида не были той определенной сущностью, в которую верил Кювье, начинающейся в данный геологический момент, чтобы закончиться в другой. Бюффон говорит в своих последних работах, что идея вида может быть воспринята человеком только в “тот или иной момент его возраста”,²⁹³ и что это всего лишь выражение окружающей среды. Пусть это останется по-прежнему, это не изменится; но когда условия среды изменятся, *виды* изменятся. Таким образом, мы приходим к такому определению:—

Определение. — “Вид - это совокупность или группа особей, характеризующихся сходством отличительных черт; передача которых осуществляется естественным образом, регулярно и неограниченно в рамках данного порядка вещей.”²⁹⁴

В более научных терминах это определение Ламарка: “совокупность похожих особей, поколение которых сохраняется в одном и том же состоянии, так что обстоятельства их положения изменяются недостаточно, чтобы изменить их привычки, характер или форму”.²⁹⁵ Ламарк, к которому Исидор Жоффруа отнесся более справедливо, чем к кому-либо другому до или после него,²⁹⁶ признал неограниченную изменчивость видов. Он допускал, что все мы проходим, такие, какие мы есть, от анатомического элемента, развитого в определенном смысле, и что мы, возможно, были червями, насекомыми, птицами и млекопитающими, прежде чем стать людьми, проходя все фазы, через которые проходит животная организация в течение нашей утробной жизни.....²⁹⁷ Мы видим, что Ламарк откровенно и решительно подошел к проблеме происхождения человечества.

Принимая лишь поверхностно определенные преувеличения, в которые впадал Ламарк во времена, менее богатые фактами, чем наше собственное, нетрудно придать его идеям определенный гротескный оттенок и посмеяться над ними как над неестественными; но мы не должны таким образом судить о работе всей жизни человека, и мы должны ценить Ламарка по основам его доктрины больше, чем по примерам, которые он нам привел: “глубокий философ”, - сказал Этьен Жоффруа,²⁹⁸ “способный в изложении принципов, менее способный в практическом применении”. выбор его доказательств”.

Мы должны судить Ламарка так, как это сделал Исидор Жоффруа в своей *Естественной истории человечества*, где мы находим полное и беспристрастное хронологическое изложение серьезного вопроса о видах.²⁹⁹ “Обстоятельства влияют на форму и организацию” - таков фундаментальный принцип доктрины Ламарка;³⁰⁰ он говорит то же самое в другом месте:³⁰¹ “Обстоятельства положительно определяют, каким может быть каждое тело”; и он заключает: “среди живых организмов природа показывает только индивидуумов, которые сменяют друг друга. Виды между собой лишь *относительны*, и то лишь временно”.³⁰²

Если из этих общих соображений мы подробно рассмотрим теорию Ламарка, мы найдем место для возражений, которыми поглощены противники системы разнообразия, с помощью которых они создали те орудия насмешек, которые так хорошо действуют на умы, не предупрежденные заранее, и которые не осведомлены о *всей системе* идей этого мастера. Величия взглядов Ламарка, величественной простоты его теории должно быть достаточно, чтобы защитить его от подобных нападок. Он видел, как вначале органическая материя группировалась в простые формы. Эти первые очертания, измененные временем и обстоятельствами, последовательно породили излучающие существа, низших моллюсков, суставчатых животных, затем низших рыб, затем человека.

По нашему мнению, здесь допущена ошибка; если где-то и существует (пока мы не узнаем больше) огромная и непреодолимая разница в животном царстве, то это между позвоночными и беспозвоночными животными. В то время как первые демонстрируют замечательное единство органического состава, вторые, по-видимому, вообще им не обладают, так что они не допускают последовательной или линейной классификации. Каждая из групп, которые они образуют, объединена какой-то особенностью со всеми другими группами, и натуралисты даже смогли разойтись во мнениях относительно того, что следует рассматривать как высшую

ступень в иерархии животных. Организм беспозвоночных обладает гибкостью и огромным разнообразием, что является почти характерной особенностью этих существ, у которых нервная система перестает представлять глубокое единство, которое мы наблюдаем у позвоночных; в то время как вся группа имеет только отрицательную характеристику, *отсутствие позвоночных*, чего одного достаточно, чтобы показать, насколько это неестественно. Что касается остального, то позвоночное животное, даже в первый момент своей эмбриональной жизни, абсолютно несводимо ни к какому типу беспозвоночных вообще, вопреки мнению Ламарка. Позвоночное относится к беспозвоночному так же, как два первых числа относятся друг к другу; все позвоночные, напротив, относятся друг к другу как простое число, возведенное в разные степени; все они могут быть возвращены к своему происхождению, и как самые сложные, так и самые возвышенные из серии - это только самые простые числа, достигшие состояния значительного совершенства.

Еще более слабой стороной теории Ламарка, безусловно, является решительное влияние, которое он приписывает *действиям и привычкам* организованных существ, чтобы изменять их их собственными средствами. Педантичный каприз его врагов всегда поражал именно в этот момент. "Привычка тренировать орган, - говорит он, - заставляет его приобретать развитие и размеры, которые незаметно изменяют его, так что со временем он становится совсем другим. Напротив, неправильное постоянное упражнение органа постепенно обедняет его и в конце концов разрушает".³⁰³ Но не следует думать, что Ламарк внес в орган *заметные* изменения - изменения достаточно быстрые, чтобы мы могли их заметить. Если некоторые отрывки из его произведений заставляют читателя так думать, то ясно, что это всего лишь блуждания великого ума, всегда слабого в отношении идей, которые он создал и которыми дорожит. Ламарк очень хорошо знал, что *бесконечное время* является условием неограниченной изменчивости.³⁰⁴

Дарвин является прямым преемником Ламарка, и, по нашему мнению, успех его книги как в Англии, так и во Франции является показателем прогресса, которого достигли научные идеи со времен Кювье на пути к свободе и независимости. Дарвин, как и Ламарк, допускает неограниченное разнообразие; он думает, что все животные должны произойти от четырех или пяти примитивных типов, а растения - примерно от такого же числа; он почти склонен признавать только один примордиальный тип для всей органической природы.³⁰⁵

Однако нам кажется, что Дарвин впал в вопиющее преувеличение или ошибку интерпретации, ранее приписывавшуюся Ламарку, в то время как он в то же время защищает превосходное дело. Не говоря здесь о взаимоотношениях (вынужденных, по нашему мнению), которые Дарвин устанавливает между дикими и домашними животными (о которых мы говорили ранее), ученый англичанин, по-видимому, придавал слишком большое значение индивидуальным действиям в производстве специфических модификаций. Он видит мощную активность, которую он называет *естественным отбором*, где мы можем видеть только абсолютную пассивность. Мы объясним, что мы имеем в виду: посреди этого жизненного совпадения, которое он частично так хорошо описал, — посреди этой огромной борьбы, где все живое на нашей планете сражается друг с другом или со всеми, на этом вечном поле битвы, где победители становятся жертвами, Дарвин предполагает, что животное *случайно* приносит с собой в мир некоторую психологическую модификацию или некоторое анатомическое предрасположение, которое индивидуально выгодно ему в великой борьбе за жизнь; после этого у него будет шанс оказаться среди живых существ. победители, объединяющиеся с другим животным, как счастливо одаренные от рождения, также победив; они вместе оставят многочисленное

потомство, и есть все шансы, что некоторые из потомков такой пары могут унаследовать либо ту же инстинктивную предрасположенность, либо ту же конформацию; окончательно и путем повторяющегося действия этого естественного процесса может быть сформирована новая разновидность, которая может либо вытеснить родительский вид, либо сосуществовать с ним.³⁰⁶

Такова, в нескольких словах, теория естественного отбора. По нашим представлениям, здесь имеет место ложная интерпретация фактов; мы не верим в эту *случайность* врожденной предрасположенности, которая таким образом передается, чтобы со временем стать специфической характеристикой. Говоря о гибридности, мы показали, что врожденная *индивидуальная* предрасположенность всегда должна исчезать в силу самого факта ее индивидуальности; она быстро исчезает при скрещивании в десятом поколении, если не в первом, среди популяции, которая ею не обладает. Подобно Ламарку, мы вполне допускаем, что виды образуются друг от друга в результате более или менее определенных органических модификаций; но мы ничего не оставляем на волю случая в этом явлении, как это делает Дарвин, и можем видеть в нем только применение общих законов.

Не одному или двум животным, рожденным с какой-то особой психологической или анатомической предрасположенностью, суждено обобщаться по поколениям: это будут все особи одного и того же вида в определенном радиусе, которые родятся с едва заметной органической модификацией, результатом которой, насколько мы можем судить, будет действие среды, также почти незаметное для нас, но которое давным-давно даст о себе знать родителям. Новая разновидность будет размножаться вполне естественным образом, поскольку она распространена и может только увеличиваться с каждым поколением, пока продолжает действовать модифицирующая причина.

Этьен Жоффруа был достойным преемником Ламарка, обладавшим более широким и философским складом ума. Он никогда не впадал ни в свои преувеличения, ни в ограничительное применение этой системы, как Дарвин. Давайте посмотрим, как Изидор Жоффруа³⁰⁷ продолжает теорию своего отца: “Виды изменчивы под влиянием окружающей среды; различия, более или менее значительные в зависимости от силы модифицирующих причин, могут со временем проявиться, и нынешние существа могут быть потомками прежних существ”. Это учение также является нашим собственным.

Что касается идеи ограниченного разнообразия, выдвинутой Исидором Жоффруа, мы можем видеть в ней лишь досадное ограничение теории его отца — одну из тех ошибок, в которые склонны впадать даже самые здравомыслящие умы. Ограниченный! Он имеет в виду, что есть точка, где эти вариации прекращаются, и, следовательно, точка, где они начались? Имеет ли он в виду, что некоторые соседние виды животных произошли от данного прототипа, подобного им самим и не имеющего никаких предшественников в органическом мире? Возвращаясь к Кювье! Ограниченный! Имеет ли он в виду, что изменения не будут значительными при нынешнем положении вещей, поскольку это нынешнее состояние более или менее изменено? Это ни к чему не приводит, если мы не признаем разнообразие как следствие среды. Этьен Жоффруа пришел к такого рода идее, когда, ограничив свой взгляд коротким периодом исторического времени и думая, что он обнаружил, что наш нынешний климат не оказывает заметного влияния на существующие виды,³⁰⁸ он спросил: “Если бы на земле не было революций и возмущений столь масштабного характера, что их влияние, возможно, не было бы огромным; в то время как в

наши дни изменения могли быть в соответствии с силой их воздействия, то есть почти никакими”. И он объяснил все этой удобной теорией геологических наводнений.

Прежде чем идти дальше, давайте рассмотрим, что нам следует думать о возмущениях земного шара, на которые таким образом ссылался Этьен Жоффруа. Сейчас, на наш взгляд, у нас нет достоверных доказательств того, что прошлое нашей планеты действительно было отмечено такими ужасными революциями, и геология не делает эту традицию такой ясной, как хотелось бы некоторым. Мы думаем, хотя здесь не место доказывать это, что если изменения, произошедшие с поверхностью земного шара, были значительными, то они должны быть пропорционально *слабыми*, являющимися результатом не столько внезапных и мощных усилий, сколько тех небольших и непрерывных действий, ³⁰⁹ в которых природа проявляет свою самую мощную энергию, но прогресс которых не может быть измерен памятью человека. В целом, наш разум плохо усваивает понятие продолжительности за определенными пределами. Это не то же самое с понятием силы. Отсюда вера в наводнения. При наличии гигантских эффектов разум, по достоинству оценив движущие силы этого эффекта, сделал то, что мы делали каждый день в механике. “Это превратило разум в силу”. Несомненно, что слабые, но постоянные силы (однако повсюду самые могущественные) смогли сыграть более важную роль в истории нашего земного шара, чем эти беспорядки, которые мы привыкли видеть повсюду.

Мы считаем, что в системе геологических исследований должна произойти целая революция; она должна начаться в древние времена и дойти до наших дней, а не *наоборот*; мы должны, фактически, заменить синтетическую геологию аналитической. Внимательно изучив современные явления, мы, несомненно, со временем сможем прочесть просто следы слабой революции в геологическом прошлом, совершенной под руководством тех же сил, которые ежедневно готовят новые земли, новые возвышения, новые впадины и новый органический мир на поверхности земного шара для будущего. Если вероятно, что атмосфера изменилась в определенных пределах, если природа вод также изменилась, — по крайней мере, все эти геологические явления, эти пропасти, горные цепи и затопленные континенты могут быть результатом только тех сил, которые сейчас действуют у нас на глазах, — то сравнение животных, существовавших ранее, с теми, которые существуют в настоящее время, показывает, как мы увидим далее, что условия жизни на поверхности земного шара заметно не изменились со времени образования горных пород, находящихся под воздействием метаморфических пород.

Мы отрицаем, что земля на самом деле проходит через период покоя, и мы не верим, что когда-либо прежде она была более встревожена. Начиная с эпохи первых признаков органической жизни, которые мы находим в самых древних горных породах, мы думаем, что наша планета не переставала двигаться в спокойном и непрерывном ритме существования; мы думаем, фактически, что геологические явления всех видов, о которых мы слышим сейчас, являются точной историей прошлого, в течение которого также происходили некоторые вулканические явления, но совершенно спорадическим образом. “Возможно, недалек тот день, - сказал меcье Лартэ в Институте, ³¹⁰ в 1858 году, - когда будет предложено вычеркнуть слово ‘наводнение’ из словаря позитивной геологии”. Этот день приближается еще ближе. ³¹¹

Прежде чем, в свою очередь, выдвинуть теорию о царстве позвоночных животных (единственном, которое должно занимать наше внимание) на поверхности земного шара, мы просто спросим, что подразумевал Этьен Жоффруа под словами *некоторое значительное*

время? Мы признаем, что это трудность, и мы только что сказали об этом. Мы хотели бы, чтобы тридцать тысяч лет,³¹² максимальный срок, который мы отводим самому отдаленному происхождению человека, рассматривались как возраст, отделяющий нас от первого органического вещества, выброшенного в недра вод, в той же пропорции, в какой радиус земли равен расстоянию, отделяющему наше солнце от самой далекой звезды самой отдаленной туманной системы, которую может наблюдать самый лучший телескоп. Только протяженность небес может дать нам представление о масштабах прошлого.

Учитывая это, давайте посмотрим, как мы можем представить историю органического развития на земле в нескольких словах, не скрывая от самих себя огромной неизвестности, которая покрывает все истоки. Мы здесь высказываем всего лишь гипотезу. Нам будет достаточно посмотреть, удовлетворительным образом ли согласуется эта гипотеза с фактами, наблюдаемыми в настоящее время на поверхности и в недрах земного шара.

Поскольку мы рассматриваем только это, представляется рациональным допустить изначальное начало в происхождении мира позвоночных, которое ничто не мешает нам рассматривать как новую и особую комбинацию органического вещества, происходящую от мира беспозвоночных, который, как мы можем полагать, существовал ранее. В сердце этого эмбриона путем самопроизвольного зарождения появится первый организм, относящийся к типу позвоночных. Несомненно, это был простой анатомический элемент, подобный тому, который гистологи каждый день наблюдают в определенных гранулированных жидкостях.

Мы не думаем, что происхождение жизни может быть представлено иначе; ибо признать, как это сделал Исидор Жоффруа в некоторых отрывках своих работ, что воля Бога внезапно населила землю совершенными существами, пригодными для создания себе подобных, значило бы признать чудо, а наука в наши дни учит нас, что думать обо всех божественных вмешательствах, как прошлых, так и настоящих.³¹³

Мы призываем всех отказаться от этой альтернативы — либо произошло мгновенное и чудесное сотворение определенного числа совершенных животных;³¹⁴ либо имела место последовательная эволюция, которая является идеей Ламарка, модифицированной смыслом новых знаний, которыми мы располагаем в наши дни, вытекающих, с одной стороны, из геологии, а с другой - из философской анатомии.

Давайте вернемся к этому изначальному анатомическому элементу, который мы можем назвать *индивидуальным элементом*. Фактически он представляет позвоночное животное точно так же, как яйцеклетка, отделенная от яичника самки, представляет мужчину, который только ждет благоприятных обстоятельств, чтобы развиваться самостоятельно. Этот индивидуальный элемент, согласно нашей гипотезе, сначала просто воспроизводится; затем, по прошествии некоторого значительного времени, его потомки мало-помалу в своей собственной сфере деятельности дадут начало другим элементам, сопоставляющим их самим себе, таким образом совершенствуя его и все больше отождествляя с типом позвоночных, который он предлагает для нашего рассмотрения. Таким образом, через некоторое значительное время появятся позвоночные с таким простым организмом, как миксины и миноги. Затем, опять же, по прошествии еще одного значительного промежутка времени — скорее миллионов веков, чем тысяч, — эти животные с элементарными позвонками последовательно произведут путем трансформации всех позвоночных, населяющих земной шар в наши дни.

Здесь мы должны сделать важное замечание. Из всего, что предшествовало этому, мы сделали вывод, что современные позвоночные и ископаемые позвоночные происходят от одного и того же прототипа индивидуального элемента, существование которого мы признали. Одним словом, мы думаем, что все позвоночные, как настоящие, так и прошлые, имеют одну и ту же генеалогию и все являются родственниками. Это, несомненно, может быть так; но ничто не заставит нас признать, что когда-то на нашей планете существовали условия, подходящие для рождения этого прототипа индивидуального элемента, и что с тех пор эти обстоятельства никогда не были представлены; так что самые простые позвоночные нашего времени вполне могут произойти от менее древнего спонтанного происхождения, чем млекопитающие и сам человек. Ничто не мешает такому предположению. Нам ничего не стоит признать, что рано или поздно образуется простой органический элемент, наделенный собственной жизнью и, более того, скрытой жизнью, которую он может посредством времени и обстоятельств распространять вокруг себя; признать это нам стоит не больше, чем признать, что сходные элементы возникали в разные периоды времени. Это последнее предположение может даже рассматриваться как настолько более вероятное, что мы должны полностью отказаться, чтобы объяснить конкретные преобразования, от влияния геологических революций, которым Этьен Жоффруа придавал такое большое значение. Выше мы видели, что это было далеко не доказано; мы можем добавить, в подтверждение нашего утверждения, факт, который, по нашему мнению, не был достаточно отмечен. Если эти революции когда-либо существовали, у нас есть убедительное доказательство того, что они лишь очень незначительно изменили условия жизни на поверхности земного шара, по крайней мере, с древних периодов, в течение которых был нанесен первый аллювий; если мы углубимся в океан на несколько ярдов, то всплывут *terebratulae* и *encrini*, то есть животные, идентичные тем, которых мы находим в самых древних аллювиях. Разве не замечательно, что ископаемое, расположенное на самом низком месте в стратиграфической лестнице слоев земной поверхности, самое древнее ископаемое, которое мы знаем, - это именно та самая *terebratula*, которая все еще обитает в наших морях? Какой отсюда мы должны сделать вывод? Что когда-то на земном шаре существовали, по крайней мере в определенной степени, условия водной флоры и фауны, практически идентичные тем, которые существуют в настоящее время.

Происходят ли все виды позвоночных от одного первоначального спонтанного начала или от многих последующих, имеет очень мало значения, поскольку во втором случае первоначальные индивидуальные элементы, появившиеся таким образом в разное время, всегда демонстрировали бы большую аналогию друг с другом.

Теперь, после всего сказанного, вот как мы можем, по нашему мнению, изобразить графическим рисунком все царство позвоночных,³¹⁵ в настоящем и прошлом. Давайте представим себе коническую фигуру: индивидуальный элемент, о котором мы говорили, будет занимать ее вершину. От этой точки начнется ряд прямых линий, поначалу немногочисленных, которые разветвляются и всегда множатся с большей или меньшей регулярностью, но так, чтобы образовать огромный конус.³¹⁶

Каждая из этих прямых линий представляла бы *специфическую модификацию*, совершенную через определенное количество поколений под совместным влиянием окружающей среды и в течение некоторого значительного времени: другими словами, каждое разветвление представляло бы вид, когда-то существовавший или существующий сейчас на нашей планете. Длина каждой линии будет измерять время существования рассматриваемого вида. Эти линии

никогда бы не сошлись, потому что мы не верим в создание постоянных видов посредством гибридизации.

Теперь разум должен допустить здесь все возможные комбинации; некоторые виды исчезли, не произведя после себя никаких других; — другие существуют фактически, хотя у нас нет никакого представления об одном из промежуточных видов, которые были связаны с примитивными видами; — другие существовали слегка или совсем не измененными с самой отдаленной древности вплоть до наших дней, таким образом, став в течение одновременного времени преобразованными потомками ископаемых видов, современниками которых они также были ранее; даже не исключено, что определенные виды, сменяющие друг друга, могли представлять собой ретроградную эволюцию, так что мы не всегда должны заключать, что из—за того, что одно животное является всего лишь уступающий другому, он, следовательно, предшествовал ему: — не заходя так далеко, как все это, эволюция определенных видов, возможно, представляла собой длительный период остановки, в то время как все другие прогрессировали вокруг них, так что они, по-видимому, отступили назад. Это то, что заставило г-на Мишле³¹⁷ сказать: “Природа прогрессировала не непрерывным потоком, а ретроградными движениями и остановками, которые позволяют ей гармонизировать все”. Эти периоды покоя в определенной эволюции, а также гипотеза о последовательных генезисах, которая уже принята, объясняют, как слоистые слои земной поверхности, демонстрируя от низменности к возвышенности то, что мы могли бы назвать более совершенными органическими формами, в одно и то же время открывают нашему взору здесь и там определенное количество видов, более низких по организации, чем те, что содержатся в самых древних горных породах.

Что касается объяснения того, как часть древнего вида смогла видоизмениться, в то время как другая оставалась стационарной, мы должны признать, что все эти влияния *среды* всегда были исключительно локальными, так что все сосуществующие позвоночные никогда не могли сразу подчиниться ее влиянию. Под медиумом мы должны понимать *всю совокупность обстоятельств, прошлых или настоящих, которые способны влиять на организм опосредованно или непосредственно каким бы то ни было образом*. Предки животного, а также солнце, которое его согревает, и паразиты, которые его пожирают, составляют часть этой среды.

Но если разнообразие легко объяснить с помощью медиума, то это трудность, с которой борется разум. Как мы можем объяснить возрастающее и прогрессирующее разнообразие? должны ли мы верить в некую окончательность, в заранее установленный результат? Мы так не думаем. Окончательность — это своего рода божественное предвидение, и мир в отношении этой гипотезы все еще находится под опекой; мы скорее поверим в созидающий разум. Простой пример сделает понятным наш смысл. В растительном мире это сильно поражает нас: наиболее просто сформированные растения — это как раз те, которые наиболее приближаются к животным по своим физиологическим проявлениям.³¹⁸ Растения, которые они называют высшими, если рассматривать их с органографической точки зрения, в действительности являются низшими, так что эти растения просты по сравнению с двудольными, которые неизбежно пришли им на смену, и в действительности имело место ретроградное движение жизни вместо восходящего движения животного царства. Должны ли мы искать причину этого различия в наличии нервной системы? Мы так думаем. Тогда мы допустили бы, что организм будет стремиться видоизменяться бессознательным актом воли, аналогичным тем, которые управляют большинством физиологических действий; это было бы чем-то вроде возможного

увеличения головы под влиянием цивилизации, о которой мы говорили ранее.³¹⁹ И хотя все специфические разновидности растений возникли бы под влиянием физической среды, мы должны добавить к понятию этой среды, применительно к животным, нервную активность предков.

Наряду с этим созидющим влиянием мы должны признать в медиуме параллельное разрушительное влияние. Теперь мы можем ценить это каждый день. Настоящее говорит нам о прошлом; мы не можем не сомневаться в том, что виды, ранее исчезавшие именно такими, какими мы их видим, все еще исчезают у нас на глазах из—за проявления какого-то нового состояния среды; они могут быть внезапными; вулканические явления, наводнения, экстремальные колебания температуры, болезни, голод, враги - все эти гипотезы возможны и все в равной степени разумны: *дронт* исчез несколько лет назад, будучи уничтоженным рукой человека; говорят, что *аптерикс* вскоре исчезнет таким же образом, съеденный кошками. Но действия, лишь умеренно разрушительные, несомненно, были в остальном очень важны, и мы находим здесь все явления, которые были так хорошо описаны и так хорошо объяснены Дарвином³²⁰ под названием *жизненной конкуренции*. Из этого мы видим, что даже с самых древних исторических периодов некоторые дикие животные, такие как лев,³²¹ крокодил,³²² и бегемот, ³²³ отступают перед человечеством; что черная крыса исчезает в Европе, уступая место полевой мыши, и что раса дикарей исчезает, когда их страну начинает населять более цивилизованная раса, даже когда победители в этой органической, а также политической борьбе не могут упрекнуть себя ни в какой жестокости.

Теперь давайте применим к человеку теорию происхождения видов, которую мы хотим считать доминирующей, поскольку нет никаких оснований думать, что человек составляет какое-либо исключение из общего правила. Прежде всего, мы должны помнить, что человеческие расы не могут быть отнесены ни к какой классификации в естественных рядах. Точно так же для натуралиста столь же невозможно указать в настоящее время расу, от которой произошли все остальные, ни параллельно, ни последовательно, как для историка обнаружить в прошлом какие-либо следы однородного человечества. Если бы даже такое единообразие когда-либо существовало, как сохранилась бы память о нем, ибо очевидно, что эта примитивная форма, составлявшая вначале весь человеческий род, была бы той же самой *низшей* формой, такой, например, как негр или босяк, природа, восходящая в целом от неполноценности к совершенству. Долгое время это была идея Причарда, и некоторые моногенисты думают так же и в наши дни. Эта гипотеза, лежащая в основе учения об эволюции, сама по себе не имеет ничего поразительного; мы можем сказать против нее только одно, и это заключается в признании доказанным того происхождения, которое связало бы друг с другом все группы, составляющие в наше время род *homo*. Со своей стороны, мы хотим просто расширить тот же подход к этому вопросу, обобщить его и соотнести с этим огромным неизвестным, которое находится позади нас и на которое моногенисты не обращают достаточного внимания. Мы утверждаем, что во тьме времен существовал определенный вид, менее совершенный, чем самый несовершенный человек, восходящий с помощью определенного числа промежуточных видов, о природе которых мы в настоящее время не можем составить никакого представления, — к этому первобытному позвоночному животному, которое мы допускаем. Этот вид, грубый набросок того, чем является человек сейчас, спустя значительное время дал начало многим другим видам, параллельная и неравномерная эволюция которых, следуя тому, что мы сказали о животных, имеет в настоящее время в качестве одновременной (но не последней) иллюстрации различные *виды* людей, обозначаемые названием рас. Так что все человечество находилось бы

в родстве, если нам будет позволено это выражение, не в *последовательном смысле*, как это понимают моногенисты, а в *вспомогательном смысле*, и в степени, которую мы не можем определить; прогнатические расы, вероятно, меньше отклонялись от первого типа, другие более отделены от этого типа и более совершенны.

Можно видеть, и мы обязаны это заметить, что мы не более претендуем на то, чтобы считать человека потомком обезьяны, чем белого человека потомком негра; но, по нашему мнению, не исключено, что виды людей, так же как и человекообразные обезьяны, родство с которыми так сильно ранит наше тщеславие, могли бесконечно далеко в прошлом восходить к неизвестному отдельному виду, потомки которого, подвергшиеся множеству влияний, могли изменяться по-разному из-за этих различных влияний.

Таким образом, мы признаем, что вид - это момент постоянной эволюции; что он не существует сам по себе; и что это всего лишь оценка наших чувств, локализованная временем. По нашему мнению, если вид неподвижен, то он неподвижен подобно солнцу. То есть мы не можем уловить в нем никакого движения, кроме самой незначительной мелочи.

Требуется тысячи лет, чтобы обнаружить либо смещение солнца, либо конкретные изменения. Это то, что делает определение видов таким трудным; некоторые из которых могут рассматриваться как находящиеся в процессе формирования по отношению к другим. С человечеством та же трудность, что и с животными. Мы не осмелились бы противоречить, например, мнениям тех, кто видит в индусском, германском и кельтском населении три вида в процессе формирования, причем все три, вероятно, произошли от вида, предшествовавшего тому, который история пытается назвать в наши дни; той арийской расы, о которой составлен такой благородный портрет, и которую мы считаем примитивной, потому что она находится на горизонте истории, точно так же, как древние видели в океане границы мира. Возможно, через короткое время какое-нибудь открытие в бедной азиатской области отнимет у ариев характерное благородство и интеллект, которыми мы наделяем их с таким большим удовлетворением. Только палеонтология человечества может просветить нас относительно происхождения *нынешних* человеческих типов; только она может направить нас по верному пути к великой проблеме их происхождения.

Но и геологии, и зависящей от нее палеонтологии отведена особая судьба демонстрировать в одно и то же время как великие истины, так и неразрешимые сомнения. Напластование горных пород, например, дает нам очень четкое представление о последовательности этих горных пород по отношению друг к другу. Но это оставляет нас в абсолютном неведении обо всем, что произошло между отложением одного пласта и отложением того, что мы встречаем над ним; за это неизвестное время могло произойти все, на нем могли быть размещены десять рядов пород, а затем они были так хорошо перемешаны друг с другом, что мы не можем обнаружить их отдельных следов. Кто расскажет нам о континентах, поглощенных морем; разве оно уже не размолотило под своими волнами те памятники древности, которые были бы нам так полезны как средство реконструкции истории человечества? Геология - это гигантская надпись, разорванная навсегда: каждая эпоха будет расшифровывать какой-то фрагмент, но мы никогда не сможем прочесть его в идеальном виде.

Помимо своих больших преимуществ, палеонтологическое исследование имеет и свои большие неудобства. Его преимущества заключаются в изучении животных форм, которые зафиксированы навсегда, и в том, что мы не видим, как область таких исследований постоянно расширяется на наш взгляд. Пределом его исследований является происхождение наносов; все факты, которые мы, таким образом, призваны изучать, находятся в пределах этой границы. Среди современных наук только палеонтология знает масштабы своей области.

Но палеонтология, продвигающаяся шаг за шагом, путем ударов киркой по недоступному иным способом массиву, состоит из двух категорий фактов, которые следует отличать друг от друга, опирающихся либо на утвердительные свидетельства (наличие органических остатков в породе), либо на отрицательные свидетельства (отсутствие органических остатков в породе). Сама человеческая палеонтология имеет свои неудобства. Кость или череп человека - это вещи хорошо известные; в глазах толпы они не имеют того странного вида, который заставляет их принимать аммонитов за окаменелых змей, хамитов³²⁴ за пиявок, животных с лучевым излучением за звезды; когда мы выкапываем какую-нибудь необычную кость, панцирь ящерицы, рыбы или какого-нибудь неизвестного животного, мы берем его и очень бережно относимся к нему. Но если это голова человека, то ее обычно религиозно заменяют на земле, и эти останки навсегда теряются для научного мира.

Из всего этого вытекают два вида идей в палеонтологии, одни положительные, другие отрицательные: верно, однако, что последние постоянно уменьшают пользу, которую мы получаем от первых, и важно помнить, что эти отрицательные свидетельства являются единственным основанием, на котором покоится гипотеза о том, что человек настолько новичок на нашем земном шаре, как некоторые воображают. Каждое мгновение мы можем ожидать, что недра земли докажут обратное. Вместо того чтобы открытия следовали одно за другим и были связаны друг с другом, как в других науках, образуя единое целое, которое держится само по себе, палеонтология переходит из рук в руки, так сказать, по прихоти всего, что может случиться, не подозревая о чуде, которое вот-вот откроется, возможно, в нескольких шагах от пути, по которому прошли миллионы людей.

Совершенно верно, что человеческие кости, которые до сих пор находили в земле в пещерах, по-видимому, имеют форму, лишь слегка отличающуюся от нашей; но все это произошло совсем недавно, относительно того *значительного времени*, о котором мы говорили ранее. Кто может сказать, что очень скоро мы можем найти череп, который, хотим мы того или нет, придется отнести к разряду антропоморфных обезьян и человека?

Этьен Жоффруа, руководствуясь логикой своих идей, естественно, допускал эту промежуточную форму, предшествующую нашей собственной; но, видя, что млекопитающие последних геологических эпох в целом крупнее современных нам, он заключил, кроме того, что наши непосредственные предки были гигантами и что мы выродились, подобно потомкам медведей и гиен, обитающих в пещерах.³²⁵ Ничего не появилось в подтверждение этой гипотезы, и все, кажется, показывает, что с той эпохи расцвет рода *homo* не изменился. значительно изменен, в то время как размер различных родов свиней, жвачных и толстокожих положительно различался.

Перепросмотр. Поскольку мы обнаружили, что человек во всех отношениях сравним с животными, мы должны искать для него и для них общее происхождение, а трудность признания первоначального чуда привела нас к идее *эволюции*. Если в науке наблюдения разрешено ссылаться на общие идеи, то, несомненно, это так и в данном случае; философия начинается там, где заканчивается наука, и именно ей принадлежит дать нам объяснение вопроса; но мы должны ждать в будущем истинного положительного решения проблемы, возможно, от передовой геологии, возможно, от экспериментов. Гениальность человека не имеет границ, кто может сказать, до чего она может дойти? кто знает, не вдохнет ли он однажды, подобно новому Прометею,³²⁶ в свою очередь, творцу, жизнь в какой-нибудь новый вид, который внезапно появится из его лабораторий?

ГЛАВА IX.

СИСТЕМА.

Любая наука неизбежно ведет к *системе*; и система означает здесь не результаты наблюдения или путь, по которому следует анализ или синтез, чтобы прийти к познанию истины. Система здесь означает способ классификации существ или наблюдаемых фактов, способ, по существу связанный с наукой, которая занимается этими существами или этими фактами, и часто применимый только к ней самой.

Совершенная система может быть действительно установлена только *апостериори* после того, как будут получены знания обо всех явлениях, которые подлежат классификации. Это абсолютный факт. На практике систему можно наблюдать только *априори*, ссылаясь на определенное количество фактов, которые ей суждено впоследствии охватить; верно только то, что чем больше фактов мы приобретаем, тем больше шансов у системы быть точной, при этом мы никогда не имеем права объявлять ее абсолютно хорошей; она может быть удовлетворительной и оставаться таковой долгое время, но в один прекрасный день новый факт может доказать ее ложность. “Я придерживаюсь мнения, - сказал Этьен Жоффруа, - что совершенной системы существовать не может; это своего рода философский камень, который невозможно открыть”.³²⁷

Из того, что дана наука, вовсе не следует, что уже существует надлежащий метод классификации в естественном ряду явлений, которые проявляются для нас в этой отрасли человеческого знания. Если нам еще не удалось открыть истинную антропологическую систему, если Кемпер, Причард и Мортон потерпели неудачу, то это потому, что наука о человечестве все еще слишком нова.

Даже делая абстрагирование от трудностей, которые всегда возникают при определении *вида* каждого животного, трудностей, которые проистекают из того, как мы понимаем его эволюцию,³²⁸ должны ли мы удивляться, что человеческая раса еще не разделена на отдельные группы, когда животные, которых гораздо легче классифицировать из-за их меньшей интеллектуальной и социальной активности, еще не классифицированы удовлетворительным

образом,³²⁹ когда Жоффруа, Кювье и Де Бленвиль потерпели неудачу в том или ином, поскольку это вопрос, по-видимому, все еще заслуживает рассмотрения величайшими умами Европы, которыми в наши дни почитаются естественные науки? Естественная история человека относится к сегодняшнему дню, и трудности здесь велики, потому что в силу своего интеллекта человек обладает сопротивляемостью и особым сродством. Живя среди наций, он живет двойной жизнью; своей собственной и жизнью нации, которая является чем—то отдельным, в которую соседняя раса или биологический вид может полностью войти, переняв те же обычаи, ту же одежду и тот же язык. Есть трудности, с которыми мы сталкиваемся в антропологии, и с которыми мы сталкиваемся только там. Известно, например, что какой-либо вид исчез и оставил свое название какой-либо группе, совершенно отличной от него, ибо, если этническое название послужило источником названия населенной страны, географическое название отреагировало в свою очередь и навязалось всем людям, которые последовательно населяли одну и ту же территорию. Другие трудности возникнут в регионах, населенных различными видами, если эти границы не будут отмечены каким-либо физическим барьером, который практически невозможно преодолеть.

Таким образом, даже в наши дни мы далеки от согласия относительно основ хорошей антропологической классификации. Было испробовано множество методов, но ни один из них пока не увенчался успехом. Некоторые приняли географическое деление. Другие - по цвету кожи. Третьи - по состоянию волос. Третьи (наиболее многочисленный класс) остановились на форме головы. Череп в основном проявил проницательность анатомов и антропологов, и мы можем справедливо сказать, что нет такой комбинации, которой бы он не подвергался, чтобы прийти к распределению человечества на естественные группы. Мы должны отметить, что все эти краниоскопические классификации невольно опираются на *данное*, что разные типы людей неодинаково наделены интеллектом. Исходя, таким образом, из принципа, что объем мозга находится *в соотношении* с интеллектом, или что интеллект находится *в соотношении* с объемом мозга, люди попытались найти простой, а не изматывающий метод учета такого нерегулярного твердого тела: и Кемпер открыл путь своим знаменитым углом зрения.

За этой системой вскоре последовали другие, менее известные, пришедшие после него. Мы можем процитировать, среди прочего, внутренний угол Вальтера, описываемый двумя линиями, одна из которых идет от затылочного бугра к отростку *креста галли*, другая - от лобного выступа к корню носа. Существует также внешний угол Малдерса, описываемый лицевой линией Кемпера, и еще одна линия, идущая от основания отростка к корню носа. И, наконец, система Добентона, описываемая линией, идущей от нижнего края глазницы к задней области затылочного отверстия, и другой, следующей в направлении той же плоскости.³³⁰ Все эти системы стоят столько же, сколько системы Кемпера. Все они, включая кемперовские, фальшивы и ничего не стоят из-за того простого факта, что они претендуют на измерение твердого тела по наклону двух его граничных плоскостей одна к другой. После этих методов измерения, превосходящих все из них, следует *вертикальная норма* Блюменбаха; затем измерения Кювье, Оуэна и др. Здесь мы делаем шаг вперед; мы пытаемся измерить твердое тело по его контуру или по площади систематического раздела или сечения. Кемпер, более одаренный, чем можно судить по его ракурсу, попытался сравнить различные диаметры профиля черепа, как видно спереди.³³¹ Что касается деления Кювье, то это очень удачная модификация ранее предложенного измерения - резцово-затылочной линии Дорника. Это достигается путем опускания вертикальной линии до плоскости наружного слухового отверстия и проведения другой линии от резцов к крайнему выступу затылочной области. Соотношение

двух определенных делений на этой прямой путем ее пересечения с первым даст статистику сравнения.³³²

Прогресс был огромным, и все же наши системы остаются крайне неудовлетворительными; череп, кажется, не поддается никаким методам измерения. Некоторое время назад в Геттингене состоялось собрание краниологов, и все же ученое собрание было вынуждено разойтись, так ничего и не решив.³³³ Похоже, что старое высказывание Бернара Палисси об измерении какого-то необычного черепа останется верным, несмотря на все наши усилия: “Я никогда не знал, как получить правильное измерение”.³³⁴ Другой метод - метод Мортон, за которым он закрепил свое имя благодаря множеству фактов, которые он извлек из него, справедливости взглядов, которые он выразил, после того как использовал его тысячи раз; мы говорим о прямом измерении внутренней вместимости черепа. Всегда можно сожалеть о том, что Мортон завершил свою кропотливую карьеру, так и не сумев опубликовать окончательные результаты своих долгих исследований; но этот метод (который активно применял М. Брока), однако, не совсем совершенен. Если бы между разными расами существовало просто различие в количестве интеллекта, проявляемого в их работах, этого измерения было бы достаточно для установления разделения; но это не только это; все расы обладают различными способностями, и здесь обнаруживается ошибка системы Мортон, которая принимает только целое, которая не делает различия между очень разными черепами, если они имеют одинаковый объем, как, например, у эскимосов и американцев. Объект измерения, как и интеллект, отличается не только размерами, и то, чего хочет краниология, - это определение всех этих особых тенденций интеллекта с помощью как можно большего числа осязаемых разновидностей.³³⁵

Краниология - это не антропология; она оказывает ей материальную помощь, но частичные результаты, которые она получает, не обязательно имеют такую же ценность с более общей точки зрения антропологии. Любая классификация, основанная на форме черепа, неизбежно будет искусственной классификацией, потому что она будет основываться только на одном-единственном порядке явлений. Кроме того, это исследование представляет большие трудности из-за индивидуальных различий, которые обнаруживают различные головы, в которых качества, принадлежащие индивиду, были до такой степени способны скрывать общие черты расы, что они часто остаются неузнаваемыми. Разделения также увеличились пропорционально тому, как краниологические коллекции стали богаче образцами. Мортон насчитал всего одиннадцать человеческих рас, но он верил в истину. Мы вполне можем составить слабое представление о ценности этой классификации, изучая материалы, которыми пользовался философ из Филадельфии. Помимо представителей американской расы, в распоряжении Мортон было всего несколько черепов. Филадельфийская коллекция, которая значительно увеличилась после его смерти, всего несколько лет назад содержала 1035 черепов, 38 из которых патологические; таким образом, их осталось всего 997. Из этого числа американская раса насчитывает 502 человека, или более половины. Следовательно, осталось 495 черепов, 154 из которых были найдены в долине Нила; так что всего 350 черепов представляют всю Европу, Азию, страны Океании и Африку (за исключением Египта). Это не так уж много для классификации населения, численность которого, вероятно, возрастет до пятисот миллионов человек.³³⁶

Нам остается изучить и определить внутреннюю ценность каждой из этих голов. Установить подлинность черепа не всегда легко, когда он поступает с другого конца света и добывается путешественниками, которые не занимались специальным изучением антропологии; еще труднее, когда череп выкапывают в могильнике, где может наблюдаться определенная неразборчивость, очень способная помешать нашим исследованиям. Ошибки такого рода слишком часто проникают в науку, и мы, в частности, долгое время возражали против названия *галльской мумии*, которое было присвоено телу из коллекции в Париже, история которого вовсе не оправдывает это название, поскольку мы просто считаем, что *когда оно было впервые выкопано*, его относили только к *тринадцатому веку*!³³⁷

Краниология была самой антропологией, в то время как этой наукой занимались лишь ученые люди в своих исследованиях. Если череп не всегда несет на себе отпечаток расы, к которой он принадлежит, мы, тем не менее, должны признать, что он является лучшим представителем умершего индивидуума. Краниология черпает весь свой вес и силу из изучения древних рас и вымерших народов. Там она должна вмешиваться с непревзойденной важностью, за неимением лучших точек отсчета. С помощью своих средств антропология может вести поиск в прошлом, проясняя те вопросы, которые история не в состоянии объяснить. Таким образом, Мортон смог лучше, чем какой-либо исторический документ, доказать, что Древний Египет был населен очень смешанными расами и состоял из самых разных элементов, точно так же, как и в наши дни. Но оставалась еще более интересная проблема: выяснить, были ли различные расы, населявшие тогда берега Нила, так же сильно разделены по различным профессиям, как и в наши дни: все албанцы - солдаты, все копты - писцы и чиновники, феллахи - все чернорабочие и т.д. Несомненно, было бы возможно, хотя и нелегко, прийти к решению этой новой проблемы, собирая черепа и мумии с большей тщательностью, чем это делалось до сих пор, и, прежде всего, помогая исследованиям египтологов, которые могут прочесть на гробе, что такое-то тело принадлежит рабочему, священнику или царю. Таким образом, мы можем установить, были ли короли такой-то династии черными или желтыми; принадлежало ли преобладающее население такого-то *нома* к коптскому, берберскому или феллахскому типу. Здесь у нас есть обширное поле для изучения, которым американская школа антропологии почти полностью пренебрегла именно потому, что Мортон оказался без информации о производстве и истинном возрасте огромного количества материалов, которые были в его распоряжении.

Но мы не должны забывать: классификация черепов по их форме, волос по их цвету или кожи по ее оттенку не является классификацией рас человечества. Мы видим здесь только один порядок явлений. Классификация, основанная на таких основаниях, имеет отправную точку только в уме того, кто ее придумал, а не в природе вещей.

Мы получим естественную и рациональную классификацию, только сравнивая целых индивидуумов друг с другом.³³⁸ К этому мы должны прийти; мы должны изучать в одно и то же время рост, кожу с ее зависимостями и, прежде всего, характер выражения лица, осанку, *фацию* и *габитус* различных рас, которые Колдуэлл назвал "разнообразием, обнаруживаемым в цвете лица и чертах, фигуре и телосложении человеческой расы";³³⁹ "это нечто объясняется одним словом, которое мы называем *тип*, относительно которого мы никогда не ошибаемся и которое заставляет нас говорить: "Это человек с юга, это человек с севера; это монгол, тот индеец".³⁴⁰ Только этим способом мы можем формировать естественные группы; трудности, несомненно, будут велики вначале, но мало-помалу придет свет, и время наверняка научит нас различать

определенные отличительные черты, выражение которых будет постепенно все более и более простым. Это работа на будущее.

Антропология рассматривая человека в целом, классификаторы не должны пренебрегать его психологической ценностью. Хотя краниология дает лишь косвенное представление о том же самом, мало кто когда-либо думал, за исключением Линнея, об использовании чисто интеллектуальных характеристик рас для того, чтобы помочь им в классификации, когда американская школа внезапно придала этим характеристикам огромное значение и поставила психологические различия выше всех материальных различий, которые можно наблюдать в конфигурации костной оболочки черепа. Американская школа зашла слишком далеко, поскольку именно осязаемые формы должны обеспечивать специфические характеристики в животном мире.

Как бы то ни было, мы охотно можем придать второстепенное значение интеллектуальной классификации человеческой расы, хотя *данных* все еще не хватает для того, чтобы установить ту, которую можно считать полной. Мы даже добавим, что характеристики этого порядка тем более аутентичны и ценны, что они не являются выражением данного момента или определенного числа индивидуумов. Они принадлежат к целой расе.

Мы должны искать их в литературных памятниках народа. Они несомненно учат нас, даже по прошествии многих веков, уму, вере и размышлениям их читателей. Памятники пластического искусства остаются, даже если они были полным противоречием своему времени, своей эпохе, людям, которые их заказали, и толпе, которая теперь рассматривает их, не понимая.³⁴¹ Книга, напротив, не имеет успеха, если только она не проникает в сознание людей, — если только идеи, которые она выражает, являются идеями всего мира. Таким образом, каждая опубликованная книга (подобно книгам Моисея у евреев, Корану у мусульман) является истинным выражением разума расы во все периоды ее существования, даже если она написана на языке, на котором больше не говорят. Лучшие греческие и римские произведения, написанные для людей той же крови, что и мы, остались классическими. Мы должны понимать их даже в наши дни, и мы действительно понимаем их, потому что мысли, вдохновлявшие их авторов, по-прежнему принадлежат нам. Если, напротив, мы хотим проникнуть в какую-либо иностранную литературу, это становится трудом и утомлением, мы достигаем этого, только абстрагируясь от наших мыслей и наших идей, пытаясь полностью, насильственным усилием проникнуть в жизнь и чувства другого народа.

Языки также считались способными служить основой для классификации человеческой расы. Их важность широко обсуждалась и насчитывает множество горячих сторонников.³⁴² Во главе их мы, возможно, можем упомянуть Лэтема, который желает, чтобы древняя история человечества изучалась по языкам,³⁴³ и соглашаясь с идеями Причарда о возникновении промежуточных гибридных рас, он видит только этот метод чтения истории прошлого, и он вполне естественно обращается к языку, который, как ему кажется, предлагает лучшие условия сопротивления³⁴⁴, чем физические характеристики.

Верно, что филология, применяемая к антропологическим исследованиям, оказывает им огромную помощь; она может дать нам мощные сведения об истории прошлого и о происхождении нынешнего человеческого вида. Но даже эти решения очень хорошо

согласуются с теорией постепенной эволюции и с выводом из этой теории, а именно с тем, что человек не всегда обладал способностью говорить.³⁴⁵ Филологи говорят нам, например,, что два родственных племени, возможно, были способны в какое-то время в прошлом создать по обе стороны горы две разные идиомы, которые, в свою очередь, могут породить две языковые семьи, абсолютно несводимые одна к другой. Это то, что должно было произойти, согласно г-ну Ренану, когда сыновья одних и тех же родителей, разделившись по сторонам имаев, стали двойной ветвью, от которой произошли семиты с одной стороны, и арии с другой. Это могло бы послужить объяснением столь смущающего антропологов факта, что физические характеристики семитов и европейцев практически идентичны, в то время как эти расы настолько различны, насколько это возможно в плане языка. Теперь мы можем даже пойти дальше и сделать вывод из этих фактов, что общий вид, от которого произошли семиты, с одной стороны, и арии, с другой, еще не умел говорить.

В противоположность Лэтему, некоторые антропологи, по нашему мнению, придавали языку слишком мало значения: в особенности мы говорим об Эдвардсе и М. Омалиусе д'Халлуа.³⁴⁶ Истина, несомненно, лежит между этими двумя крайностями. Следует признать, что язык очень часто может служить прекрасным доказательством, но не следует забывать, что в то же время он демонстрирует более быструю подверженность изменениям, чем моральные характеристики и телесная форма. Нибур, как нам кажется, прав, когда настаивает на мерах предосторожности, которые необходимо предпринять, чтобы полезным образом применить филологию к определению рас, и он приходит к выводу, что мы должны уделять наибольшее внимание физической конфигурации.³⁴⁷ Этому же мнения придерживаются Гумбольдт³⁴⁸ и М. Вивьен.³⁴⁹ Язык, как и любой обычай, и каждый акт индивидуальных отношений, может передаваться от одной расы к другой, которая сильно отличается. Единства языковой семьи не всегда достаточно для установления того, что народы, говорящие на этих идиомах, одного и того же происхождения; из этого мы можем только заключить, что они находились в родстве друг с другом, и даже разумно допустить, что эта причина могла оказать решающее влияние в эпоху, когда человек впервые начал шепелявить.³⁵⁰ Эти два племени, впервые встретившиеся, физически незнакомые друг с другом, несомненно, были способны заимствовать взаимно определенные привычки и решительным образом смешать свои две манеры объяснения своих мыслей, из которых вытекает в результате получился один-единственный язык, в котором мы не можем отличить, кроме как путем анализа, две различные ветви, внесшие свой вклад в его формирование. Эта гипотеза была даже возведена в ранг общего тезиса некоторыми филологами, и м. д'Эскайрак де Лотюр, среди прочих, считает, что центр Африки, эта земля неизвестного и таинственного, предназначена для нас как зрелище этого явления.³⁵¹ Не возвращаясь к истокам, очевидно, что два соседних народа, находящихся в постоянной связи друг с другом, должны были бы в конечном итоге взаимно заимствовать формы языка, буквы и артикуляцию, особенно когда ни у одного из них нет литературы, способной удержать язык в его пределах и сохранить это от всякой разлуки.

Отсюда следует, что антропология должна черпать свои самые ценные авторитеты из изучения языков, например, языка островов и идиом, на которых говорят на оконечностях континентов: таким образом, окруженные морем, в меньшем соотношении с другими, эти идиомы будут сохранены в еще большей нетронутости. Мы найдем здесь реальное выражение самого древнего положения вещей, которое мы можем непосредственно распознать с помощью филологии. Язык, столь характерный для одной расы,³⁵² существует только в самой южной части Африки. На юге Азии и на Цейлоне до сих пор говорят на древнем пали³⁵³. Самый

древний язык Европы, насколько нам известно, а именно кельтский, все еще сохранился в Британии и Уэльсе.

Исходя из всего сказанного ранее, мы можем заключить, что для установления рациональной классификации человеческих видов первыми характеристиками, которые следует учитывать, будут *внешний аспект* и, возможно, *моральные характеристики*; остальные будут стоять на втором месте: сначала язык, затем глубокие анатомические разновидности, которые не бросаются в глаза с первого взгляда, затем физиологические и патологические разновидности и т.д. Такова, мы думаем, единственная определенная основа, на которой может покоиться антропология, — истинные различия между человеческими видами. Мы даже еще не знаем точно их количества, и натуралисты совсем не согласны по этому вопросу; работу нужно начинать заново, следуя новым маршрутом.

Не утруждая себя исследованием всей системы рода *homo*, мы должны сначала изучить эти хорошо охарактеризованные центры заселения, которые полностью различаются по внешнему виду и физиономии. Мы должны тщательно отмечать эти центры, обращая внимание на все физические, моральные и филологические различия, которые мы способны заметить. М. Флуранс дал несколько превосходных принципов для изучения видов животных; он просто хочет применить их к изучению видов человека; и из этой связи, которой никто не может противоречить как средству исследования, возникает дополнительное доказательство того места, которое мы должны занять человеку в органическом ряду. “Мы должны наблюдать за живым животным, — сказал г-н Флуранс. — мы должны наблюдать за ним в течение длительного времени, а также за обоими полами и всех возрастов. Мы должны изучить его природу, его инстинкты и интеллект. У каждого животного есть свои особенности, и именно по совокупности этих характеристик определяется вид”. Невозможно лучше проследить задачу антропологов.

Когда мы хорошо изучим однородный центр населения во всех его аспектах, когда мы дадим отчет о его физиологических, психологических и филологических характеристиках, мы можем остановиться; и, не предрешая ничего относительно ареала этой расы, можем затем перейти к другому центру, который мы заметим таким же образом, не утруждая себя промежуточными разновидностями, которые всегда будут в большем или меньшем количестве везде, где нам не посчастливится встретить физический барьер, подобный морю или горной цепи, который может разделять два наблюдаемых центра. Тогда мы, несомненно, столкнемся с бесчисленными оттенками и переходами; но это всего лишь явления гибридности, совершенно вторичные и которые никоим образом не должны влиять на наши очерки антропологической классификации. Позже, когда мы узнаем больше, мы сможем рассмотреть все эти промежуточные разновидности, когда лучше поймем условия их существования. Таким образом, мы должны с самого начала позаботиться об изучении определенных стран, мест путешествий и встреч, которым все соседние расы отдали некоторую часть своей крови. Таково большинство европейских стран, и такой всегда была Долина Нила и Голубой Нил. Улицы Каира представляют собой не только живописное зрелище; оттуда Этьен Жоффруа позаимствовал свои грандиозные взгляды на положение рода *homo* в природе; человек науки извлекает здесь столько же пользы в своих поисках истины, сколько художник в своих поисках прекрасного.

Кто может забыть, даже если он видел это всего один раз, эту фантасмагорию обычаев и физиономий, которая развивается перед нашими глазами ежеминутно; вот черкес-гигант, там копт поменьше ростом, с горбатым носом; нубиец с его “фиолетово-эбеновым” цветом кожи, но

с приятной фигурой, прямым и маленьким носом, тонкими губами, хорошо поставленными зубами; турок с белой и прозрачной кожей, как у человека севера; негр с курчавыми волосами, плоским носом, выступающими скулами, толстыми губы, крупные и выступающие зубы; феллах с оливковым цветом лица; бедуин, почти такой же черный, как нубиец, но высокий, с орлиным носом, тонкими губами и царственной осанкой.

Мы не должны искать чистую популяцию на улицах Парижа, Лондона, Марселя, Триеста или Константинополя: мы находим в этих столицах лишь отдельные факты, возможно, хорошие образцы различных видов, но затерянные во множестве гибридов. Мы можем изучать в этих местах только *индивидуумов*, а не *виды*. Только в тех краях, которые мы должны сделать центрами наблюдения, мы можем увидеть, как один и тот же человек бесконечно множится среди действительно примитивных народов, все еще свободных от смешения или с наименьшей возможной примесью того же самого. Тогда мы должны поспешить ухватить его общие характеристики и составить как физический, так и моральный портрет.

Физический портрет, в частности, состоит из двух серий *данных*, черт лица и цвета. Что касается особенностей, фотография является непревзойденным ресурсом, но она принадлежит антропологическому исследованию, чтобы четко определить ее применение: мы всегда должны выбирать какого-то человека, представляющего обычный тип населения, среди которого он находится, а не среди вождей или знати страны. Мы должны выбрать этот тип в расцвете сил, когда животный мир достиг своего совершенного развития и еще не начал приходить в упадок, и все еще сияет во всем великолепии своей репродуктивной силы; для человека это было бы в возрасте от двадцати двух до двадцати семи лет. Чтобы фотографические портреты были действительно полезны антропологам, они должны изображать человека полностью анфас или в профиль; только так они могут быть полезны при измерениях. Ибо важно не смешивать антропологию с этнологией, как это делается каждый день. Это две совершенно разные вещи. *Портреты в костюмах* - область последних, *естественная* история человека требует, чтобы *всегда* абсолютно, и лучшими будут те, которые показывают нам человека с нетронутой бородой и волосами.,,

Что касается цвета, мы должны, насколько это возможно, ссылаться на живопись маслом. В самом деле, цвет человеческой кожи, как мы уже говорили ранее, [354](#), в действительности представляет собой сложное зрительное впечатление; все цветные лучи (мы используем здесь этот термин в общепринятом смысле, данном ему в физике), которые исходят от кожи и которые попадают в глаза наблюдателя, образованы не одной и той же плоской поверхностью; они исходят из более или менее глубоких участков, видимых благодаря прозрачности, через более или менее прозрачную среду, более или менее благоприятную для испускания этих лучей. Отсюда возникает, по отношению к глазу, особое ощущение, а по отношению к уму - особое понятие, которое мы объясняем в искусстве словом *прозрачность* или *просвечиваемость*.

Но художник не сможет воспроизвести такого рода ощущения, пока он не использует определенные процессы, напоминающие уму процессы самой природы. Это не относится к акварельной живописи. Красящее вещество, измельченное до чрезвычайно мелких частиц, наносится, правда, в прозрачном носителе — воде; но она, предназначенная для почти немедленного испарения, оставляет краску на поверхности бумаги, растянутой в чрезвычайно тонкий слой без заметной толщины. Из этого мы видим радикальное несовершенство акварели для портретной живописи и невозможность передать такими средствами, по крайней мере

правдиво, эффект цвета кожи. Живопись маслом предлагает гораздо лучшие ресурсы, и в этом секрет ее несравнимого превосходства. Красящее вещество, разбавленное маслом, остается взвешенным, как и прежде, в своей прозрачной среде, когда картина высыхает; так что светящиеся лучи, чтобы попасть в глаз, исходят как от поверхности краски, так и от ее внутреннего вещества. Мы обнаруживаем точно такой же процесс в природе; неосязаемый порошок, подобный пигментным грануляциям или каплям крови в капиллярах кожи, распределяется по прозрачному веществу.

Теперь мы можем понять преимущество такого процесса в антропологической иконографии. Мы должны, действительно, почти отказаться от всех других методов. В этом легко убедиться, изучив цветные портреты, иллюстрирующие работы Причарда,³⁵⁵ Нотта, и Глиддона,³⁵⁶ которые, однако, чрезвычайно требовательны к правильности типов, которые они представляют нашему вниманию. Но все эти цветные портреты неудовлетворительны, и когда мы видим, как какой-нибудь антрополог ссылается на авторитет этих плохих гравюр, мы действительно спрашиваем себя, чему нам следует больше восхищаться: слепой уверенности *ученого*, неосторожности автора или опрометчивости художника. Представьте себе, однако, нападки с такими банальностями на портреты темнокожих мужчин, которые оставили нам мастера живописи, от Веронезе до Жерико! Только они смогли с помощью своего процесса передать реальность цвета лица своих моделей.³⁵⁷

Но самый надежный метод получения убедительных доказательств в антропологии - это обязательно *путешествия*. Несомненно, одно только изучение материалов, собранных издалека, приносит максимально возможную пользу. Но мы повторяем относительно изучения человечества то, что мы сказали об изучении животных; антрополог должен оставить свою библиотеку и отправиться на большие континенты, чтобы изучать с помощью своего собственного зрения. "Мы можем прийти к различию видов, - говорит М. Флуранс, - только путем *прямого и полного личного наблюдения*". Мы пытались показать, что она должна быть полной; но единственное условие для того, чтобы она была полной, - это ее непосредственность. Будь мы даже гением Бюффона,³⁵⁸ мы бы плохо видели с помощью других; факты доходят до нас искаженными и видоизмененными, потому что их не всегда наблюдали компетентные люди; они несопоставимы, являясь результатом разнообразных индивидуальных впечатлений. Особенно необходимо будет тщательно контролировать рассказы путешественников в том, что касается изучения интеллектуальных тенденций, поскольку они слишком часто находятся под влиянием своих собственных идей по этому вопросу.

Прежде чем закончить, скажем следующее: среди *априорных* доказательств, которые полигенисты могут привести со своей стороны, есть одно, имеющее определенную важность; оно заключается в том, что, хотя противоположные идеи поддерживались и защищались людьми, которые никогда не выходили за рамки своих собственных исследований, первые обычно выдвигались путешественниками и моряками, действительно теми, кто лучше всего смог применить на практике это *прямое наблюдение*, которое, как правило, является окончательным и решающим. Именно их мы находим наиболее готовыми разделить человечество на отдельные группы и распознать в низших видах явную тенденцию приближаться к природе антропоморфных обезьян. Ценным источником информации, которым антропологи не должны пренебрегать, являются рассказы тех, кто впервые высадился на определенных островах и континентах.

Если у них даже возникли какие-либо ошибочные идеи, обычно следует признать, что они, скорее всего, смогут дать нам достаточно точный портрет народов, с которыми они встречались, что с определенных точек зрения даже важнее, чем данные о них впоследствии, поскольку в то время эти люди не были подвержены различным влияниям, которые неизбежно возникают в результате контакта с европейцами.

Мы можем изучать филологию и краниологию в библиотеке и в одиночестве, опираясь на соответствующие документы и достаточные материалы, *но не антропологию*; потому что антропология - наука, все еще находящаяся в своей колыбели, и наблюдения должны обеспечить ее надлежащий и необходимый контингент, прежде чем мы сможем попытаться применить какую-либо общую идею или точку зрения. Но антропология должна, в особенности, освободиться от всех пут прежних идей, а также от всех мнимых гуманитарных тенденций. Было бы нелепостью полагать, что продвижение истины не будет способствовать социальному прогрессу. Тот, кто ищет ее, может со спокойным умом освободиться от такого рода проблем. Халлер сказал по этому поводу: “Для хорошего человека достаточно культивирования одной только истины”.³⁵⁹ То, что является истиной, ³⁶⁰ не может быть злом, потому что таков вечный порядок природы.

Таким образом, свободная от оков и повинующаяся чистому разуму, опирающаяся на все науки, которые могут ей помочь, анатомию, физиологию, психологию и филологию, наука о человечестве будет продвигаться, как и любая другая наука, к завоеванию той истины, которая так желанна; и рано или поздно, с помощью археологии и палеонтологии, возвращаясь по своим следам в прошлое, за пределы самой истории и за пределы самых отдаленных геологических эпох, о которых у нас есть какие-либо записи, наука в конце концов откроет великую проблему происхождения человечества, если сами элементы не будут изучены. навсегда поглощенный глубинами океана.

КОНЕЦ.

ОШИБКИ.

Страница 122, строка 11 снизу, *вместо “Атлантис” читать “Атлантида”*. [Примечание переписчика: Сноска 312 исправлена.]

” 135, нижняя строка, *вместо “Британская ассоциация содействия развитию науки, 1857”, читайте “Журнал Линнеевского общества, 1857”*. [Примечание переписчика: Сноска 329 исправлена.]

Т. РИЧАРДС, ГРЕЙТ-КУИН-СТРИТ, 37.

СНОСКИ:

1 Здесь мы должны уведомить читателя раз и навсегда, что мы будем использовать, пока не скажем ничего противоположного, слово “*раса*” для обозначения различных естественных групп человеческого рода (*genus Homo*). Мы намерены определенно доказать, что эти группы составляют настоящие *виды*. Г-н де Катрефаж по этому поводу упрекнул нас в путанице, которая частично объясняется некорректностью его цитаты. Он заставляет нас сказать:

“*Множественность первоначальных рас, иначе множественность видов рода “человек”*” (*Единство человеческой жизни*, 1861, стр. 309). В нашем собственном тексте это звучит следующим образом: “Первоначальное множество рас, иначе говоря, множество *видов* составляющих род “человек”” и т.д. Очевидно, что путаница, которая присутствует в этих словах, является полностью добровольной.

2 Однажды я разговаривал с одним из главных офицеров “Мехмет-Саида” в Короско, в Нубии, о землетрясении, которое ощущалось в Нижнем Египте 12 октября 1856 года. Он спросил меня о причине этого явления. Я попытался дать объяснение, подходящее для понимания человека, который не имел ни малейшего представления об этой части научной информации. Он ответил, рассказав мне историю коровы, которая перебрасывает землю с одного рога на другой, сказав, что это было написано, и, следовательно, такой веры ему должно быть достаточно.

[С этим мнением можно сравнить доктрину муйсков или чибчей из Новой Гранады, которые считают, что земля поддерживается Чибчакумом, их божеством, на столбах из *дерева гвиакуми* что землетрясения вызываются тем, что он перекладывает ношу с одного плеча на другое. - Ред.).

3 Для того, чтобы убедиться в этом факте, достаточно лишь взглянуть на *Бюллетени Общества антропологии*, созданием которых мы обязаны прежде всего неутомимому рвению приверженца доктрин, которые мы защищаем, — М. П. Брока.

4 Антропология - не единственная отрасль современной науки, которая открывает новые пути к человеческому разуму: см. Michelet, *L’Insecte*, стр. 106; см. также Bourdet, *Traité d’éducation positive*, 1863.

5 Это название было определенно принято во Франции в противовес названию “унитариев” (*Unitaires*), использованному М. де Гобино.

6 “Все моногенисты”, - сказали мы в первом издании этой книги. М. де Катрефаж громко протестовал против этих слов (*Единство человеческой жизни*, 1861, стр. 299) и в том же отрывке показал себя открытым врагом всякого смешения религии с наукой. Мы слишком рады этому заявлению, чтобы не напомнить о нем в этом месте. Мы должны сожалеть, что не можем всегда соглашаться на этих страницах с мастерами науки — с теми, кто действительно был нашим собственным. Мы были вынуждены затронуть несколько вопросов, которые уже рассматривались ими, следуя другим путем — рассматривая факты с другой точки зрения; следовательно, существуют некоторые расхождения во мнениях. Наше оправдание заключается во всеобщем праве на свободное расследование; в остальном мы всегда будем называть лиц, с которыми, по нашему мнению, мы не согласны. “Не делать этого,” как сказал Бейль, - это в какой-то мере излишество церемоний, наносящее ущерб свободе, которой мы должны пользоваться в литературной республике; это значит вводить в нее произведения

сверхзадачи. Всегда должно быть допустимо называть имена тех, кого мы опровергаем; этого достаточно, чтобы предотвратить озлобление, вредительство или нечестность”. — *Философский словарь*, искусство. Перейра, примечание D.

7 Э. Жоффруа Сент-Илер, однако, не смог полностью освободиться от пагубных влияний, которым мы пытаемся противостоять. See *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, vol. iv, стр. 78.

8 “Слишком очевидно, ” говорит современный философ, “ что в глазах науки, которая, рассуждая об открытиях, берет за правило не признавать в качестве теории ничего, что не может быть доказано опытом, согласие веры с разумом является химерой: точнее говоря, такой проблемы не существует. Условиями науки являются наблюдения за фактами — не за фактами, произведенными в исключительных случаях, увиденными случайно, отмеченными привилегированными свидетелями и не могущими быть воспроизведенными по желанию; но за постоянными фактами, находящимися под рукой для наблюдения и всегда могущими быть проверенными. Мы должны учитывать, что религия никоим образом не может подчиняться таким требованиям и что вера, которую она провозглашает, должна быть, в этом свете, радикально непоследовательной”. —П. Ж. Прудон, *О справедливости*, т. ii, стр. 309. См. также по этому вопросу Л. Флери, *Le Progrès*, 1858, № 4, стр. 92. Де Жувансель, *Бюллетени Общества антропологии*, 2 мая 1861 г.

9 See Bertillon, *Bulletins de la Société d'Anthropologie*, June 18, 1863.

10 *Естественная история человеческого рода*, 1848, стр. 40.

11 Kaempfer, *Histoire Naturelle, etc., du Japon*, Lahaye, 1729, vol. i, p. 75.

12 Marcel de Serres, *De l'Unité de l'Espèce Humaine: Bib. Univ. de Genève*, new series, vol. лив, 1844, с. 145.

13 “Доктрина, приписываемая Копернику, — говорилось в заявлении, сделанном Папой и опубликованном Святой Канцелярией, - что земля движется вокруг солнца и что солнце остается неподвижным в центре мира, не двигаясь ни на восток, ни на запад, противоречит Священному Писанию и, следовательно, не может ни исповедоваться, ни защищаться”. - Био, *La vérité sur le Procès de Galilée*, в *Журнале ученых*, июль 1858 г., стр. 401.

14 *Essai Politique sur la Nouvelle Espagne*, vol. ii, стр. 79.

15 *Essai sur les Mœurs*: Introd., § 2.

16 Есть идея добавить к Линнеевскому обществу новый раздел антропологии.—См. “Письмо Э. В. Брейли”, *Medical Times and Gazette*, стр. 491, 10 мая 1862 г.

17 Альфонс Карр был первым, кто предложил заменить название “искатель” (*chercheur*) на “ученый человек” (*savant*).—*Nouvelles Guêpes*, February 1859.

18 See, for example, Pucheran, *Considérations Anatomiques sur les Formes de la tête osseuse*.—Париж, 1841 (Диссертация).

19 Месье де Серр на своих лекциях по антропологии в *Ботаническом саду*.

20 П. Ж. Прудон сказал в другой последовательности фактов, зависящей от социальной науки: “Революция не атеистична; она не отрицает абсолюта, она полностью устраняет его” (*De la Justice*, vol. ii, стр. 301). Смотрите, для более полного развития наших идей по этому вопросу, статью *Progrès* от 20 мая 1859 года о науке и религии.

21 *Discours sur le Méthode*.

22 *Lettres à M. Villemain sur la Méthode*, Paris, 1856, p. 3.

23 Смотрите “Категорическое объяснение этих идей”, том ii, стр. 281.

24 Г-н де Катрефаж допускает *звездное царство*; и такой тезис кажется нам очень трудным для подтверждения после экспериментов Бунзена и Кирхгофа по химическому составу звезд. Г-н де Катрефаж допускает также *человеческое царство*; но, признавая, что животные *мыслят*, он придает характерные черты этого царства *морали* и *религии*. *Unité de l’Espèce Humaine*, 1861, p. 30. У нас еще будет возможность вернуться к этим двум моментам. See Bert., *Bulletins de la Société d’Anthropologie*, August 7, 1862.

25 См. Ис. Geoffroy Saint-Hilaire, *Histoire Naturelle Générale des règnes organiques*, vol. ii, стр. 252.

26 Некоторые эфирные масла, такие как кофейные, чайные или конопляные.

27 Алкогольных напитков.

28 Наркотики.

29 “Если я не ошибаюсь, ” говорит г-н де Катрефаж, “ в этом результате, независимо от научных следствий, которые могут из него вытекать, есть нечто такое, что отвечает нашим самым благородным устремлениям. Человек присваивает себе власть *по собственной воле*; он любит провозглашать себя законным властелином всего на поверхности этого земного шара; и, фактически, ни одно существо не осмелится оспаривать у него империю, которая день ото дня расширяется и приумножается. Что ж! разве не удовлетворительно видеть, как *антропологические характеристики* санкционируют и облагораживают эту империю, ставя рядом с *правом*, которое проистекает из интеллектуального превосходства, понятие *долга*, которое проистекает из морали и религии?” (*Unité de l’Espèce Humaine*, p. 33.)

30 Курте де л'Иль уже делал это замечание. (*Tableau Ethnographique du Genre Humain*, 1849, p. 8.)

31 См. *Путешествие Изабель*; также Демулен, *Естественная история человеческих рас*, 1826, стр. 276.

32 Усоногие, черепахи, орнитодельфы и, вообще говоря, крайние представители подразделений каждой естественной классификации.

33 *Mémoire sur les Tasmaniens, sur les Alfourous, et sur les Australiens*, in the *Annales des Sciences Naturelles*, 1827, vol. x, p. 155.

34 Хейл, уроженцы Австралии и др. См. *American Journal of Science*, вторая серия, том i, стр. 302, май 1846 г.; выдержка из отчета об экспедиции К. Уилкса: *Повествование об исследовательской экспедиции США в 1838-1842 годах*, том II. vi, “Этнография и филология”.

35 *Voyage de l’Astrolabe: Zoologie*, vol. i, p. 43.

36 Даже после утверждений М. де Катрефажа в "Объединении человеческих рас", стр. 162, и последующих, мы не сочли себя вправе менять наши мнения по поводу австралийцев, которые недавно были подтверждены в Антропологическом обществе; некий мистер О'Рурк, очевидец, ответил М. де Катрефажу (*Бюллетени Общества антропологии*, 21 июня 1860 г.).

37 Дж. Росс, *Рассказ о втором путешествии* др., 1835, стр. 448.

38 Дж. Росс, *Рассказ о втором путешествии*, стр. 490.

39 См. Этьен Жоффруа Сент-Илер, *Comptes Rendus*, том v, стр. 42. [Нам бы очень хотелось знать, в какой период, по мнению нашего автора, это имело место, и считает ли он, что эти обезьяны были "людьми того времени". — Редактор.]

40 "Меморандум о неизвестной лесной расе" и др., *Журнал Азиатского общества Бенгалии*, 1855, том. xxiv, с. 207.

41 М. Эренберг, рассказывая однажды о неизвестном центре Африки, сказал нам, "что, возможно, не так уж невозможно найти там людей, настолько отличающихся от нас, что мы должны вольно или невольно выделить их в особую группу". Я привожу эти слова никоим образом не для того, чтобы предположить существование такого порядка существ; но для того, чтобы показать, что отец натуралистов Европы, друг Гумбольдта, верит во что-то иное, чем единство человеческого вида, потому что он допускает возможность общего множества.

42 Р. Оуэн, *О признаках класса Mammalia*, 1857, стр. 20, примечание. Прославленный ученый сам рассматривал этот предмет, *ex professo*, в каталоге коллекции Колледжа хирургов.

43 "Орангутанг способен своеобразно смеяться, когда приятно возбужден", Дж. Грант, "Отчет о строении орангутанга" (*Edinburgh Journal of Science*, vol. ix, 1828).

44 Искусственная любовь сама по себе, со всей сложностью идей, которые, как предполагается, должны отсюда возникать, не является, как можно подумать, развратом цивилизации; она присуща животным, родственным человеку, так же как и самому человеку. See Ch. Robin and Béraud, *Précis de la Physiologie de l'Homme*, vol. ii, стр. 384. То же самое и с нечистой связью, или сцеплением, радикально необъяснимым *инстинктом*. See Isidore Geoffroy Saint-Hilaire, *Histoire Naturelle Générale des Règnes Organiques*, vol. iii, стр. 142.

45 Доктор Иван командовал "Архимедом"; он написал отчет о своем путешествии: "*Путешествия и последствия*", Брюссель, 1853, 2 тома. через 12 минут.

46 "Австралийцы носят шерстяную одежду только для защиты груди; ... никакое понятие о стыде никогда не заставляло их скрывать естественные части тела". Lesson et Garnot, *Annales des Sciences Naturelles*, 1827, vol. x.

47 Орангутанг, наблюдаемый Дж. Грантом, также демонстрировал эти признаки отчаяния; "он сердито вылил это (блюде) на пол, своеобразно заскулил и яростно бросился на спину на землю, ударяя себя ладонями по груди и животу и издавая что-то вроде повторяющегося *карканья*". - "Отчет о строении орангутанга", *Edinburgh Journal of Science*, vol. ix, стр. 11. [Такую же демонстрацию чувств продемонстрировали оранги в Зоологическом саду, май 1864 г. — ред.)

48 [Тагал, главный город Явы. — ред.]

49 *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*, vol. ii, стр. 582.

50 *Essai Philosophique sur l'âme des bêtes*, 1728, p. 132.

51 [Генон, Обезьяна насалис Буффона.— Ред.]

52 Платон, *Законы*, х, 1. См. Мори, *Религии*, том. iii, стр. 4, *примечание 2*.

53 Сказав, что представление о добре и зле (*морали*) существует у всех людей, г-н де Катрефаж добавляет, что “представление о Божественности и о другой жизни также обычно размыто” (*Единство человеческой жизни*, стр. 23). Мы продемонстрируем это далее (глава ii). v) что это утверждение неверно и насколько хрупки основы, на которых г-н де Катрефаж опирается на *нафундаментальные* характеристики, которые, по его словам, отличают человеческое царство.

54 М. Шеврель уже определил “Прекрасное” как “выражение причин, влияние которых имеет наибольшую силу в том, что они движут человечеством, взывая к его чувствам” (*Письма М. Вильмена о методе*, 1856, стр. 169).

55 [“Истина лежит на дне колодца” - старая поговорка, но наш автор, похоже, с ней не согласен. Нам было бы очень жаль думать, что истину можно было найти только в науке. Это, несомненно, мнение очень многих ученых людей в наши дни; но мы должны откровенно признать, что мы не согласны с ним и, конечно же, не можем одобрить мнение г-на Пуше. Мы сами еще не дошли до сути, и в этом мы, несомненно, старомодны — все относить к “разуму”, в противоположность вере.— Ред.]

56 *Эдинбургский научный журнал*, 1828, т. ix, стр. 10.

57 *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*, vol. iii, стр. 29.

58 Мы можем сравнить этот отрывок из “философа-натуралиста” с другими цитатами, которые мы приводили ранее. “Самки чрезвычайно любопытны по поводу этого зрелища (нежности “матери”-обезьяны к своему детенышу), и, несомненно, их внимание вызвано тем, что они обнаружили в нем истинное проявление чувств, которые они сами испытывали как матери; они, прежде всего, поражены, узнав в этом пылком внимании радость и гордость материнства, к которым, как они считали, восприимчивы только они одни”. (Э. Жоффруа Сент-Илер, *Курс естественной истории Маммифер*, Париж, 1829, т. i; Урок, vi, стр. 16).

59 Прудон уже провозгласил в качестве принципа установление психологии у животных (*О справедливости*, т. ii, стр. 279). Фредерик Кювье сделал то же самое.

60 Лет. iv in *Acta Apostolorum*. See Rechtenbach, *De Sermone Brutorum*, Erfurt, 1706, p. 1.

61 Иногда эта сдержанность открыто признается; и мы видим, как месье Мэр, который также занимается теми же вопросами, признает, что без этого влияния он принял бы те же идеи, которые мы пытаемся выдвинуть. “Давайте откровенно признаемся, — говорит он, - что если бы у нас постоянно не было перед глазами доктрин религии, которую мы уважаем, - если бы у нас не было искренней веры, этой интуитивной веры, которая говорит нам, что мы *должны* совершить ошибку, — мы бы осмелились написать так. Чем больше совершенствуется организация животного, тем больше совершенствуется духовный элемент, производимый

действием различных функций.... Тогда была бы только иерархическая градация одного и того же принципа. Психический флюид всегда был бы одним и тем же у всех индивидуумов. Различие в его проявлениях относилось бы к различию в организациях, которые их производят” (*Гаврское общество различных исследований*, стр. 169, 1855-1856).

62 [Мы не можем точно понять, почему это обязательно должно было быть оскорбительным для христианства. В теории интеллектуальной градации нет ничего вредного для религии.— Ред.]

63 Jam vero nobis ostendendum est eam (bestia) habere rationem internam et intus conceptam. Videtur sane a nostra differre, non essentia sed gradu. Uti nonnulli existimant Deorum a nostra discrepare rationem, non differentia essentiali, sed quod illorum magis, nostra minus sit accurata. Et quidem quod ad sensum attinet et reliquam, tum instrumentorum sensus, tum carnis universæ, conformationem attinet, eam eodem nobiscum modo se habere in animalibus, ab omnibus fere conceditur.—Porphyrius, transl. Хольштейниус, *Об воздержании*, 1655, стр. 108. Разве здесь не предполагается единство композиции как для интеллекта, так и для тела?

64 *Disquisitio de Animâ Brutorum*, Bremæ, 1676.

65 *Logicæ Brutorum*, Hamburg, 1697. Этот небольшой трактат, несмотря на крайние идеи его автора, не менее ценен. Й. Шталь был одним из тех кладезей знаний, которые Германия так часто создавала. Возможно, у старых авторов, писавших по этому вопросу, нет ни одного отрывка, на который он не ссылался бы в своей работе.

66 См., среди прочего, S. Gros, *De Animâ Brutorum*, Виттемберг, 1680; Klemnius, *De Animâ Brutorum*, Виттемберг, 1704.

67 По этому вопросу г-н де Катрефаж согласен с М. Флуранс; но различие, которое он пытается установить, основываясь на *морали и религии*, кажется нам гораздо более ограниченным и гораздо менее ясным. Не имея возможности ответить на все вопросы, мы были вынуждены прислушаться лишь к мнению того приверженца человеческого царства, который отдает животным наибольшую его часть.

68 Прудон говорит еще более кратким и утвердительным языком: “В человеке разум познает самого себя; в то время как в других местах нам кажется, что он этого не делает” (*Система экономических противоречий*, т. i, 1850, стр. 20).

69 *Annales du Muséum d’Histoire Naturelle*, vol. xvi, p. 58.

70 Maire, *Société Havraise d’Etudes Diverses*, 1855-1856.

71 *Unité de l’Espèce Humaine*, 1861, p. 24.

72 Maire, *Société Havraise d’Etudes Diverses*, 1855-1856. Мы можем провести такое же сравнение с почти аналогичным отрывком из Мопертюи, “*Философские очерки о любви*”, 1728, стр. 134.

73 *Essai Philosophique sur l’âme des Bêtes*, 1728, p. 95.

74 См. Geoffroy Saint-Hilaire, *Comptes Rendus des Séances de l’Académie des Sciences*, vol. iv, стр. 261.

75 See Flourens, *Histoire des Travaux de Buffon*, 1844, p. 135. Декарт использовал отсутствие речи у животных в качестве сильного аргумента против них.

76 См. Грациоле, *Бюллетени Общества антропологии в Париже*, 18 апреля 1861 г.

77 См. J. Grimm, "Об происхождении языка", перев., 1859, стр. 53.

78 *Traité de l'Origine du Langage*, Engl. пер., 1827, с. 6.

79 *De l'Origine du Langage*, transl., 1859.

80 *De l'Origine du Langage*, 2nd edit., 1858.

81 Именно путем сопоставления, согласно обычаю, следствий и их причин буддийская философия приходит к принципам совместной ответственности, которые, согласно ей, объединяют разум и язык, заставляя их взаимно вытекать друг из друга. "Имя и форма имеют в качестве причины *интеллект*, а интеллект имеет в качестве причины *имя и форму*". —См. Burnouf, *Le Lotus de la bonne loi*, стр. 550. Меркурий Трисмегист в "Пимандре" ("Пимандр", "О разуме и потенции") говорит почти то же самое: "Речь - сестра интеллекта; интеллект - сестра языка". See Rechtenbach, *De Sermone Brutorum*, 1706, p. 2.

82 See *De l'Origine du Langage*, transl., 1859.

83 *De l'Origine du Langage*, 1858, p. 31.

84 См. Якоб Гримм, "Об происхождении языка", перев., 1859, стр. 29.

85 Отец Парди (S. J.) в работе, в остальном не представляющей большой ценности, "Беседы о познании справедливости", 1672, стр. 39.

86 *Recherches sur les mœurs de fourmis indigènes*, Genève, 1810.

87 По всем этим вопросам мы отсылаем наших читателей к замечательным работам М. Туссенеля.

88 *Essai Philosophique sur l'âme des Bêtes*, 1728, p. 217.

89 Анализируя эти два простых факта, можно увидеть, что они приводят нас к признанию существования понятия *долга* у животных, хотя, возможно, и неясного: они знают, что они *должны* поступать так, как они поступают, из страха порки, и это работа ума, которую, как мы думаем, никто не станет отрицать как сложную по своей природе и чисто интеллектуальную.

90 Isid. Geoffroy Saint-Hilaire, *Histoire Naturelle Générale*, vol. iii, 1860, с. 114. Г—н Рулен заметил, что в этом есть нечто аналогичное в отношении кошки, которая в диком состоянии утрачивает то беспокойное мяуканье, которое мы так часто слышим по ночам у представителей европейской расы. -*Воспоминания Музея естественной истории*, vol. xvii.

91 Именно потому, что в животном, да и во всей его расе в целом, при определенных обстоятельствах заложена своего рода способность к образованию; именно потому, что, с другой стороны, мы отказываем некоторым человеческим расам в "прогрессирующей инициативе" (см. Брока, *Бюллетени Общества антропологии*, 24 мая и 21 июня 1860 г.), мы не можем принять "человека класса" меье Шевреля, предшествующего "млекопитающим

класса” и имеющего в качестве характеристики , способность к совершенству в индивидууме и в объединении индивидуумов.—See *Exposé d'un moyen de Définir et de Nommer les Couleurs*, § 185. (*Mémoires de l'Académie des Sciences*, vol. xxxiii, 1861.)

92 См. доктора Гибсона, Амер. Доц. (сравните с *Ami des Sciences*, 29 августа 1858 г.)

93 Было бы любопытным исследованием, например, выяснить, не производят ли определенные шумы, не имеющие значения для наших ушей, у некоторых животных четко определенных впечатлений, имеющих свое первоначальное происхождение в самих этих животных или в их взаимных отношениях, и воспитание, которое мы им даем, не проходит даром при такого рода доказательствах.

94 [Преподобный Ф. В. Робертсон (умерший несколько лет назад) высказывает некоторые мнения в своих опубликованных проповедях, которые показывают, что он почти опередил свое время в своих представлениях о животных. Сравнивая их с человечеством, он говорит: “У них та же внешняя форма, тот же материал в кровеносных сосудах, в нервах и в мышечной системе. Более того, наши аппетиты и инстинкты похожи, наши низшие удовольствия похожи на их низшие удовольствия, наша низшая боль похожа на их низшую боль; наша жизнь поддерживается одними и теми же средствами, и наши животные функции почти неотличимы друг от друга”. *Проповеди*, 3-я серия, 1857 (проповедано в 1850), стр. 49. “Закон бытия таков, что по мере того, как вы поднимаетесь от низшей жизни к высшей, части развиваются более отчетливо, в то время как единство становится более целостным. Вы обнаруживаете, например, что у низших форм животной жизни один орган выполняет несколько функций; один орган является одновременно сердцем, мозгом и кровеносным сосудом. Но когда вы подходите к человеку, вы обнаруживаете, что все эти различные функции существуют в разных органах, и каждый орган развит более отчетливо; и все же единство человека - это более высокое единство, чем единство пиявки”. (*Проповеди*, стр. 57.) — Ред.]

95 *Трактат о записях Творения*, Дж. Берд Самнер, лорд-архиепископ Кентерберийский, 6-е изд., 8vo, Лондон, 1850.

96 *Nullum characterem hactenus eruere potui, unde homo a simia internoscatur.* Линней, *Местная фауна*: руководство.

97 Оуэн, *О признаках класса млекопитающих*, стр. 20, примечание (*Журнал трудов Линнеевского общества*, 1857 г.)

98 *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*, vol. ii, стр. 581.

99 Посмотрите великолепную работу “*Зарисовки Центральной Африки*” и портрет вождя Канемы в “*Путешествиях Барта*”, том iii.

100 Исидор Жоффруа Сент-Илер, *историк. Naturelle Générale*, vol. ii, стр. 200-515.

101 [См. книгу Хаксли “*Место человека в природе*”, 8vo, Лондон, 1863; и статью об этом в “*Эдинбург Ревью*”, апрель 1863 г. — Редактор.]

102 Кроуферда, *О негритянской расе* т.д. (*Британская ассоциация содействия развитию науки*, 1852, стр. 86.)

103 Смотрите перевод этой подлинной *Илиады* М. Х. Фоша. *Râtâyana*, 1857.

104 [Нам рассказывают в "*Путешествиях Франсуа Пирара*", т. ii, стр. 331, Париж, 1615, "что в провинции Сьерра-Леоне есть вид (орангутанг) с такими сильными конечностями и такой трудолюбивый, что при надлежащем обучении и кормлении они работают как слуги; что они обычно ходят на двух задних лапах; что они толкут какие-либо вещества в ступке; что они ходят и приносят воду из реки в маленьких кувшинах, которые они несут полными на голове. Но когда они подходят к двери, если кувшины вскоре не снимают, они позволяют им упасть; и когда они видят, что кувшины опрокинуты и разбиты, они плачут и причитают". В "*Путешествиях по Гуату*". Обращаясь к восточным индейцам, мы находим почти такой же рассказ об орангах: "их ловят силками, учат ходить на задних лапах и использовать передние лапы как руки при выполнении различных операций, таких как ополаскивание стаканов, разноска напитков по компании, вращение вертела" и т.д. - Прим. ред.]

105 *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*, vol. ii. Смотрите также, чтобы узнать об отделении большого пальца ноги, фотографии из "*Путешествия по Восточному побережью Африки*", сделанные капитаном Гийеном.

106 *Одонтография*, Лондон, 1840, стр. 452. *Каталог коллекции Хантера*, "Остеология", том ii, стр. 800.

107 [Характер, который, как указали Кювье и Оуэн, человек разделяет с ископаемым *Anoplotherium* и его союзниками из парижского гипса. — Ред.)

108 Тидеман из Гейдельберга писал Ноксу по поводу нервной системы, что у него есть веские основания полагать, что аборигены Австралии в этом вопросе отличаются от европейцев в необычайной степени.—Нокс, *Расы людей*, Лондон, 1850, стр. 2.

109 "Физические характеристики, отличающие человеческие расы одну от другой, являются, пожалуй, единственным фактом естественной истории, который всегда больше всего поражал воображение человечества.... Историки рассказывают, что, когда Колумб впервые вернулся, европейцы не могли оторвать глаз от растений и неизвестных животных, которых он привез с собой; и прежде всего, от индейцев, столь непохожих на все расы людей, которые они когда-либо видели". -Флуранс, *Размышления о происхождении естественной истории человека*. (*Annales des Sciences Naturelles*, vol. x, p. 357.) Это чудо возобновляется каждый день; и однажды я знал интеллигентного негра, у которого остались очень неприятные воспоминания о французских провинциях, где он был объектом самого всеобщего и нескромного любопытства.

110 Следующими одна за другой работами на эту тему являются работы Рейнхольда Вагнера (1699), Б. С. Альбена (1737), Барьера (1742), Митчелла (1744), Бека (1748), Меккеля (1753-1757), Ле Кота (1756-1765) и др. См. G. Pouchet, *Des Colorations de l'Epiderme*, 4to, Paris, 1864.

111 Анализ анатомических различий в скелете был, пожалуй, лучше всего проведен Бераром во Франции и Лоуренсом в Англии; за подробностями я могу обратиться к этим двум авторам. Bérard, *Cours de Physiologie*, 1848, vol. i; Лоуренс, *Лекции по сравнительной анатомии*, 9-е издание, 1848.

112 Is. Geoffroy de Saint-Hilaire, "Sur la Classification Anthropologique," *Mém. de la Société d'Anthropologie*, 1861, vol. i, p. 125.

113 [Compare Joulin, *Anatomie et Physiologie comparé du bassin des Mammifères*, 8vo, Paris, 1864; and *Mémoire sur le bassin considéré dans les Races Humaines*, 8vo, Paris, 1864.—Editor.]

114 Пропорция, указанная Camper, такова: большой диаметр относится к малому,

- На европейском :: 41 : 27.
- По-негритянски:: 39 : 27·5.

115 *Описание регулярной градации человека*, 4то, Лондон, 1799, стр. 118.

116 *Cours de Physiologie*, Paris, 1848, vol. i, p. 394. См. также по тому же вопросу А. Мори в "*Французском атенеуме*", 1853, № 47.

117 [Мы не можем полностью согласиться с автором относительно низкого роста испанцев. Исходя из наших собственных наблюдений, мы можем безоговорочно сказать, что, во всяком случае, жители южной и юго-западной частей Испании - прекрасная раса, нисколько не подверженная обвинению в том, что они отличаются ростом от англосаксов.— Ред.]

118 [Хотя наш автор скорее презирает идею о том, что ноги сгибаются при верховой езде, в этой стране довольно хорошо известно, что чрезмерная езда верхом, в молодости, и особенно на крупных животных, очень склонна изменять форму тонких и слабых конечностей.— Ред.]

119 "Трибус монголов", переведенный С. А. де Грансань, в *Мемуарах музея*, том. xvii.

120 См. Брока, *Бюллетени Общества антропологов*, 3 апреля 1862 г.

121 См. Лоуренс, *Лекции по сравнительной анатомии*, Лондон, 1848, стр. 410.

122 Дэви, *Отчет о внутренних районах Цейлона*, 1821, стр. 109.

123 См. Дэниела Уилсона в "*Британском обозрении*", 1851; и у Стивенса "описание храма Ушмаль".

124 See *Bulletins de la Société de Géographie*, 4th series, vol. x, p. 45. Не следует забывать, что этим оружием с маленькой рукояткой, возможно, пользовались те доблестные героини, чьи восхваления так часто воспевались в песнях севера.

125 Представлено А. К. Харрисом, эсквайром, 1840г.

126 [сравните мемуары профессора К. Г. Карус, *Ueber umuräum Typisch menschlichen geurdenen abbildungen kopfformen namentlich Ayф münzen в verschiedenen zeiten УНД volkern*, опубликованной в *Novorum Actorum Academiae Cæsareæ Leopoldini-Carolinæ Germanicæ naturæ curiosum* по 1863, в которой автор приводит характерные примеры из древних видов, как следует из экспертизы, монет и т. д. Сравните также Нотта и Глиддона, *Типы человечества*.— Ред.]

127 See especially Lepsius, *Denkmaeler von Egypten und Cæthiopen*, vol. ii, стр. 133; т. iii, стр. 116, 117, 118, 136.

- 128 Bérard, *Cours de Physiologie*, Paris, 1848, vol. i, p. 394.
- 129 См. J. H. Hanneman, *Curiosum Scrutinium Nigredinus Posterorum Cham*, in 4to, Kiloni, 1677, § 14.
- 130 См. Прюнер-Бей, *Бюллетени Общества антропологов*, 5 марта 1863 г.
- 131 См. по этому поводу G. Pouchet, "Окраски эпидермиса", 4to, Париж, 1864.
- 132 Бори де Сен-Винсент разделил человечество на левкотриков и улотриков (см. Берард, *Курс физиологии*, 1848, т. i, стр. 394). Причард относит все эти расы к трем следующим типам: -1. Меланокомный; 2. Лейкозный; 3. Ксантозный (см. *Английскую циклопедию*, арт. "Мужчина").
- 133 *Tableau Synoptique des Races Humaines* (*Mém. de la Société d'Anthropologie*, vol. i, p. 143).
- 134 See Pruner-Bey, *De la Chevelure* (*Mém. de la Soc. d'Anthrop.*, vol. ii, стр. 1).
- 135 См. Смит, *Естественная история человеческого рода*, стр. 189.
- 136 См. Эрла, цитируемого Кроуфердом, *О негритянской расе* т.д. (*Британская ассоциация*, 1852, стр. 86.)
- 137 Compare Burnouf, *Le Lotus de la bonne loi*, p. 562.
- 138 Сравните, *там же*, *там же*, стр. 569.
- 139 *Рассказ о втором путешествии* др., 1835, стр. 427.
- 140 [Название, данное Персии ее жителями.— Прим. ред.]
- 141 Сравните естественную историю Человеческого вида.
- 142 М. де Серр на своих лекциях по антропологии в Музее естественной истории.
- 143 Росс, *Рассказ о втором путешествии* др., стр. 446.
- 144 Об этом факте рассказывает Паллас, *Воспоминания о музее*, том. xvii, стр. 238. Калмык видел отряд людей в тридцати верстах от себя [почти в двадцати милях по-английски], в то время как русский генерал ничего не мог разглядеть даже в подзорную трубу.
- 145 Было бы интересно выяснить, верен ли факт, приведенный Ноксом (*Расы людей*, 1850, стр. 271), а именно, что острота зрения, которой босьесманы обладают в очень высокой степени, теряется сразу же при скрещивании породы с белыми.
- 146 Le Cat, *Traité des Sens*, 1744; Haller, *Elementa Physiologiæ*, vol. v, p. 179; Humboldt, *Relation Personnelle*, vol. iii, c. 229.
- 147 See Robin, *Annales des Sciences Naturelles*, 1845; *Zoologie*, vol. iv, c. 380.
- 148 *Histoire des Travaux de Buffon*, p. 92.
- 149 ["Лицом к лицу с нынешним положением метафизической мысли в Англии эта антропология, которая не может найти для человеческого разума более высокого применения, чем выяснение отношений человека с павианами, вообще не найдет себе места.... У нас нет

реальных опасений, что последствия, которые могут возникнуть в результате практического применения этого закона (трансмутации), нанесут ущерб религии, морали или обществу.... Но пока не настанет день, когда такой закон будет установлен полностью и удовлетворительно, мы должны решительно протестовать против распространения, даже среди "более широкого круга интеллигентной публики", эссе, цель которых — приблизить "Место человека в природе" к месту животного творения". К. Картер Блейк, *Человек и зверь (Антропологическое обозрение*, том i, стр. 154, 161). - Ред.]

150 См. Sömmering, 1785, стр. 42.

151 *Зарисовки Центральной Африки*.

152 В Британском музее есть его копия.

153 Нам известна только одна картина, на которой сами египтяне представлены в подобном положении; она находится в Британском музее и находится на гробнице. Это группа людей, сидящих на корточках за стаей гусей. Однако справедливо заметить, что художник, возможно, был несколько озадачен ее композицией, более сложной, чем обычно, и что нехудожественные профили его фигур, которые почти закрывают друг друга, значительно снижают ценность картины применительно к нашему предмету.

154 *Geographische Nosologie oder die Lehre von den Veränderungen der Krankheiten in den Verschiedenen Gegenden der Erde, in Verbindung mit Physicher Géographie und Naturgeschichte des Menschen*, 8vo, Stuttgart, 1813.

155 *Traité de Géographie Médicale*, 1857: Introduction, p. 29.

156 ["К великому вопросу акклиматизации до сих пор относились достаточно легкомысленно. 'Твердое решение не поддаваться болезни,' говорит Мальтебран, - является, по мнению большинства врачей, одним из наиболее эффективных средств профилактики заболеваний. Наше тело зависит от нашего интеллекта. В любом климате нервы, мышцы, кровеносные сосуды, расслабляясь или растягиваясь, расширяясь или сокращаясь, вскоре принимают особое состояние, соответствующее степени тепла или холода, переносимого телом.' Таким образом, согласно этому знаменитому географу, человеку остается только напрячь свою волю, чтобы приспособить свой организм ко всем трудностям новой температуры и нового климата". Х. Дж. К. Биван, "Акклиматизация человека" (*Social Science Review*, 21 февраля 1863 г.). — Ред.]

157 Hirsch, *Handbuch der Historisch-Geographischen Pathologie*, § 10. Вместе с автором этого обширного сборника мы отсылаем наших читателей (со ссылкой на относительный иммунитет негров к болотной лихорадке) к работам Джобина, Чуди, Мак-Кейба, Хантера, Арнольда, Камерона, Хейманна, Эппа, Бартлетта, Томсона, Тидимена (*Филад. Journ. медицинских наук*, том iii, № 6) и др.

158 *Эпидемиологическое общество*, 3 июня 1861 г.; "Медикал Таймс энд газетт", 29 июня 1861 г., № 574.

159 ["Несмотря на "предыдущую акклиматизацию", негритянский полк был почти полностью уничтожен грудной болезнью на Гибралтаре в 1817 году за короткий промежуток в пятнадцать месяцев". *Акклиматизация человека (Social Science Review*, 21 февраля 1863 г.). — Редактор.]

160 “Si no acontecía ahorcar al Negro, nunca moría.” Compare Herrera, *Hist. Gener. de los Hechos de los Castellanos*, dec. 2, Book III, chap. xiv.

161 Бэнкрофт (Эссе 273); Блэр, *Некоторый отчет о последней эпидемии желтой лихорадки в Британской Гвиане*, Лондон, 1850; Джексон; Хирш, *Справочник по историко-географической патологии*, § 36.

162 “Это хорошо установленный факт, что в конституции негра есть что-то такое, что обеспечивает ему защиту от наихудших последствий желтой лихорадки, но что именно, я сказать не могу”. — Феннер. Compare Hirsch, *Handbuch*, § 36.

163 “Малейшая примесь негритянской крови, даже если субъект привезен из более северного штата, кажется мощным противоядием против болезненного яда”. — Нотт, *Южный медицинский журнал*, февраль 1847 г. “Цветные люди сопротивлялись влиянию эпидемии лучше, чем белые; и, полагаю, я могу рискнуть заметить, что степень их сопротивляемости была пропорциональна примеси белой крови”. — Брайант, *Американский журнал*, апрель 1856 г., стр. 301. Compare Hirsch, *Handbuch*, § 36.

164 See *Mémoires de Médecine et de Chirurgie Militaire*, November and December 1863; *Société d'Anthropologie*, meeting of 19th March, 1864.

165 M. d'Eichthal, *Lettres sur la Race noire*, 1839, p. 15.

166 [“Арабы говорят, что Мухаммед, находясь по дороге из Медины в Мекку, однажды случайно увидел вдову, сидевшую перед своим домом, и спросил, как поживают она и ее трое сыновей; на что встревоженная женщина (ибо она спрятала одного из своих сыновей, увидев приближение Мухаммеда, чтобы он, как это обычно бывает, когда в семье трое мужчин, не схватил одного и не заставил его нести носильщика) ответила: ‘Очень хорошо; но у меня только два сына!’ Мухаммед, услышав это, с упреком сказал женщине: ‘Женщина, ты лжешь! у тебя трое сыновей; и за то, что ты пытаешься скрыть это от меня, впредь помни, что это мой указ, — что два мальчика, которых ты не скрыл, будут размножаться и процветать, у них будут красивые лица, они станут богатыми и будут править лордами по всей земле; но потомство твоего третьего сына, вследствие того, что ты скрыл его, произведет на свет *сеиди*, черных как тьма, которые будут проданы на рынке, как скот, и останутся в вечном рабстве у потомков двух других”. Это арабская теория происхождения негров, упомянутая выше. в *Что привело к открытию истока Нила*, Дж. Х. Спик, стр. 341, Лондон, 1864. — ред.]

167 *Отелло*, Акт I, Сцена 3. [Однако Отелло был *мавром*, а не негром, и обладал гораздо более тонким ментальным восприятием, чем настоящий “небеленый африканец”. Возможно, одна из самых абсурдных театральных ошибок была допущена, когда роль Отелло исполнял настоящий негр Айра Олдридж.— Ред.]

168 Эдмон Об, *Le Progrès*, 1864, стр. 15.

169 Это негры, о которых он говорит.

170 “De l’Unité de l’Espèce Humaine,” *Biblioth. Univ. de Genève*, nouv. ser., vol. лив, стр. 145, 1844.

171 Глиддон, *Типы человечества*, стр. 59. Карус заметил, что среди замечательных негров, упомянутых Блюменбахом, ни один из них не отличился ни в политике, ни в литературе, ни в

каком-либо высоком понимании искусства. Compare Gobineau, *De l'Inégalité des Races Humaines*, vol. i, p. 122, 1853.

172 См. De Maillet, *Telliamed*, 8vo, т. ii, стр. 187, Амстердам, 1748. За неимением тех отрывков из Корана, на которые он ссылается, мы приводим полностью замечание Майе по этому поводу: “Мухаммед был настолько поражен различием между белыми и черными людьми, что без колебаний сказал, что Бог создал первых из *белой земли*, а последних — из *черной*. Он и представить себе не мог, что люди, столь разные не только по цвету кожи, но и по фигуре и наклонностям, могут быть одного и того же происхождения. В другом месте он замечает, что, хотя у всех других народов были пророки, среди чернокожих никогда не было ни одного; это показывает, что у них так мало ума, что дар предвидения — эффект природной мудрости, который иногда удостоивался названия пророчества, — никогда не выпадал на долю кого-либо из них”. Этот отрывок, кроме того, примечателен, потому что этот обычай пророчества, по-видимому, является особым атрибутом семитской расы (сравните Ренана, *“История женских языков”*, 8в, с. 8, Париж, 1855), и Мухаммед, проводя это различие, провозгласил его почти специфической характеристикой. В переводе “Евангелия Франции” Г. Брюне (*Евангелические апокрифы*, 12мо, Париж, 1849) есть этот любопытный документ (Иисус только что превратил несколько детей в баранов на глазах у нескольких женщин, которые просили у них прощения): “Господь Иисус ответил, что *дети Израиля были среди других народов подобны эфиопам*”; женщины сказали: “и т.д. Это всего лишь доказательство презрения, которое охватило эту несчастную расу на востоке.

173 О месте негра в природе (доктор Хант, *Лондонское антропологическое общество*, 17 ноября 1863 г.).

174 См. Таблицу, взятую из *Системы природы*. Мы знаем, что Линней принял географическую классификацию человеческих рас.

Homo Americanus.	{	<i>Pertinæ, contentus, liber.</i> <i>Regitur consuetudine.</i>
” Europæus.	{	<i>Левис, аргутус, изобретатель.</i> <i>Regitur ritibus.</i>
” Азиат.	{	<i>Severus, fastuosus, avarus,</i> <i>Regitur opinionibus.</i>
” Afer.	{	<i>Vafer, segnis, negligens,</i> <i>Regitur arbitrio.</i>

175 *Des Races Humaines*, in the *Revue des Deux Mondes*.

176 [Это, действительно, достойно места в науке, хотя, по-видимому, не в том смысле, который имеет в виду наш автор. К. Картер Блейк говорит, и говорит искренне: “В зоологии, как и во всех других методах человеческого мышления, искренний искатель истины получит некоторую солидную выгоду за свои труды, если будет продолжать их честно. То, что наука открывает нам, — а мы не знаем ни одного источника знаний, откуда можно было бы поставить под сомнение откровение истины в том виде, в каком она проявляется в живой природе, — то, чему наука учит нас, простодушный ученик примет, то, что беспристрастные свидетельства его органов чувств и

проявления его собственного сознания говорят ему, что это правда”. (К. Картер Блейк, *Об учении о конечных причинах, иллюстрируемом зоологией*, Философское общество Гастингса, заседание 13 января 1864 г.). - Редактор.]

177 [“Аборигенам Австралии, - замечает Хасскарл, - не хватает представления о Творце или моральном Правителе мира, и все попытки наставить их заканчиваются внезапным прекращением беседы. Бечуаны, одно из самых разумных племен внутренней части Южной Африки, не имеют представления о Высшем Существо, и в их языке нельзя найти слова для обозначения понятия ”Творец”. (*Сила и материя*, д-р Луи Бюхнер, перев. и под редакцией Дж. Ф. Коллингвуда, F.R.S.L., F.G.S., F.A.S.L.). — ред.]

178 Я перевожу таким образом слово *мифология*, используемое Лэтемом; это настоящий перевод. Каждая религия обязательно основана на *басне*, для того, кто ее не исповедует, “Mutato nomine, de te fabula narratur”. [Это утверждение, которое наш автор не имеет права делать и которое, безусловно, не делает ему чести. Мы должны искренне протестовать против него. Однако минутное размышление убедит большинство людей в том, что лицензия переводчика здесь была нарушена в самой неоправданной степени. — Ред.]

179 Преподобные господа. Шмидт, Паркер и др.

180 Джон Лейтон.

181 See Bertillon, *Bulletins de la Société d'Anthropologie*, March 15, 1860. [См. Выше, стр. 66, *примечание*.— Редактор.]

182 Я узнал этот факт из уст месье де Лессепса, когда он вернулся из поездки в Хартум.

183 Дж. Росс, *Рассказ о втором путешествии*, стр. 548, 1835.

184 Эмануэль Зобрега писал Компании из Бразилии в 1552 году: “Жители признают Святого Фому, которого они называют Зоме (изменяя —й на Z, согласно их диалекту); и у них есть предание, что он когда-то путешествовал по этой стране”. Его письмо полностью приведено в Nieremberg, *Historia Naturæ*, fol., Antuerpia, 1635.

185 “Об интеллектуальном характере эскимосов” (*Edinburgh New Philosophical Journal*, vol. xxxviii, стр. 306, октябрь 1844 - апрель 1845гг.)

186 *L'Immortalité de l'âme chez les Juifs*, transl. автор: И. Коэн, 12мо, Париж, 1857.

187 See Brecher, *L'Immortalité de l'âme chez les Juifs*, p. 81.

188 Иосиф Флавий, *Древности*, xviii, ч. 2, перев. Д. Г. Женебрар, Париж, 1639.

189 Глава о “Нирване”.

190 Бартеlemi Сент-Илер, “*Будда и его религия*”, глава о "Нирване", 1862.

191 В подтверждение этого Нибур процитировал налки и гуарани в миссиях Новой Калифорнии и Капской провинции. Шлегель (Эссе, стр. 341, Париж, 1841) заявляет, что большинство диких народов всегда должны оставаться такими по воле природы.

192 See *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, meeting of July 20, 1857.

193 “Я утверждаю, - говорит Курте де л'Иль (*Этнографическая таблица человеческого жанра*, стр. 89, 8во, Париж, 1849), - что человеческие расы неравны по интеллектуальной силе, что они, следовательно, не подвержены одинаковой степени развития и что каждый из них призван выполнять в неравных условиях миссию, предначертанную Провидением”.

194 Доктор Мартиус - любопытный пример экстравагантности, к которой могут привести идеи моногенизма. Чтобы объяснить моральный облик американцев, он вынужден предположить ужасный катаклизм [великое наводнение], который произошел, он не может сказать когда, и добавляет: “Является ли это глубоким ужасом, испытываемым теми несчастными людьми, которые спаслись от этого ужасного бедствия, которое, передаваясь без уменьшения интенсивности последующим поколениям, смутило их разум, затемнило их разум и ожесточило их сердца?” Compare Morel, *Traité des Dégénérescences de l'espèce humaine*, 1857, and *Discours Inaugural à l'Académie de Rouen*, 1857.

195 Д'Орбиньи видел, как Чарруа продолжали войну против испанцев (которые уничтожили их), вместо того чтобы отказаться от своей столь ценной независимости. (*Voyage dans l'Amérique Méridionale*, vol. iv, Введение, стр. 4.) [Нашему автору не следовало бы сравнивать северных американцев с южными аборигенами, приписывая обоим из них, по-видимому, одни и те же характеристики. Северяне - белые и (предположим, что речь идет о канадцах и северо-западных поселенцах) достойны его похвалы. Мы вообще оставляем в стороне нынешние *Северные Штаты*, поскольку характер, данный нашим автором, к ним неприменим. Чарруа, упомянутые в вышеупомянутом примечании, являются индейцами, населяющими берега Уругвая в Южной Америке, и поэтому, какими бы ни были их мужество и свободолюбие как аборигенов, их нельзя должным образом причислять к белым жителям, которые являются просто поселенцами. — Ред.]

196 Compare D'Escayrac de Lauture, *Le Désert et le Soudan; Mémoire sur le Soudan*, etc. [Эти люди не так уж и необычны в этом отношении. Даже в нашей собственной стране иногда бывает довольно трудно получить информацию о маршрутах; и сельскохозяйственные рабочие особенно склонны чесать затылки и пережевывать жвачку размышлений, заканчивающихся нерешительностью, весьма приятной для усталого путешественника. — Ред.]

197 See *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*, pp. 482, 483, 4to, Amstelodami, 1723.

198 See *Essai Politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne*, Paris, 1811.

199 *Voyage dans l'Amérique Méridionale*.

200 *Череп американский*, Введение.

201 *Памятка по предыдущей работе*.

202 [Доктор Хант, однако, не считает язык таким уж надежным испытанием, как, по-видимому, воображает наш автор. Он считает, что язык должен быть полностью отброшен как первый принцип антропологической классификации, и придает гораздо более высокую ценность религии и искусству, рассматривая язык всего лишь как третий элемент. Возможно изменить язык расы, но, по-видимому, невозможно изменить ни ее религию, ни ее врожденные представления об искусстве. См. статью Ханта об *антропологической классификации* (*брит. Доц.*, 1863), *Антроп. откр.*, т. i, стр. 383. “Что касается этнологии, профессор Мюллер говорит:

‘Наука о языке и наука этнология наиболее серьезно пострадали от смешения. Классификация рас и языков должна быть совершенно независимой друг от друга. Расы могут менять свои языки; и история снабжает нас несколькими примерами, когда одна раса перенимала язык другой. Следовательно, одна раса может говорить на разных языках, или на одном и том же языке могут говорить разные расы; так что любая попытка привести в соответствие классификацию рас и языков неизбежно потерпит неудачу’.”(О науке о языке, Р. С. Чарнок; *Антропологическое издание*, том i, стр. 200.) — ред.]

203 See Chavée, *Les Langues et les Races*, 1862.

204 *Histoire des Langues Sémitiques*, p. 467, Paris, 1855.

205 См. Причард, “Восточное происхождение кельтских народов”, под редакцией Латама, 1857.

206 “Звук их голоса напоминает вздох”. “Их язык напоминает кудахтанье индейки”. Сравните Уайта, *Описание регулярной градации человека*, стр. 67, Лондон, 1799. Эпплярд, *Кафирский язык*, стр. 3, 8vo, Город Короля Уильяма, 1850. Morel, *Traité des Dégénérescences de l'espèce humaine*, p. 42, Paris, 1857. “Кафиры переняли некоторые из флексий, используемых среди их соседей, но как простое украшение своей речи, не придавая этому ‘кудахтанью’ никакого особого значения”. —Есть. Жоффруа Сент-Илер (*Переписка*).

207 Сравните Кабаниса, *Взаимоотношения тела и морали*, 13-й год, том. ii, стр. 201: Нокс, *Расы людей*, стр. 82, Лондон, 1850: Морель, *Расцветы человеческой жизни*, Париж, 1857.

208 См. Постельный режим в *английской циклопедии*: см. также Витрувий, книга vi, глава i.

209 *Отношения между телом и моралью*, 13-й год, т. ii, стр. 294.

210 *Histoire Naturelle Générale*, vol. iii, стр. 319, 1860. Мы не приводим здесь факты, относящиеся к берберийскому и корсиканскому оленю (*там же*, стр. 407), поскольку они основаны только на негативном утверждении старого автора.

211 “Partout de petits changements, nulle part de grands.” *Исм. Naturelle Générale*, vol. iii, стр. 388.

212 *Recherches sur les Ossements Fossiles*, 4to, vol. i, p. 59, 1831.

213 *Histoire Naturelle Générale*, vol. iii, стр. 389.

214 “Что подумали бы о заводчике, который вывез нормандских жеребят или фламандских телят в высокогорья Альп и Пиренеев, а затем ожидал увидеть, как они воспроизводят (после завершения обучения) все чистые характеристики первоначальных рас?”—Isidore Geoffroy Saint-Hilaire, *Histoire Naturelle Générale*, vol. iii, стр. 307.

215 See Verneuil, *Bulletins de la Société d'Anthropologie*, February 2, 1860.—Bonté, *ibidem*, August 6, 1863.

216 [“Священник, выпивший вина, должен превратиться в мотылька или муху, питающуюся навозом. Тот, кто украдет золото священника, должен тысячу раз вселиться в тела пауков. Если человек украдет мед, он родится большим жалящим комаром; если масло, то пьющим масло жуком; если соль, то цикадой; если домашнюю утварь, то мухой-ихневмоном” (*Институты*

меня, § 353). Таким образом, очевидно, что касается *сравнения*, индусы считают насекомых низшей формой животной жизни, в которую *моральные* преступники должны перейти после смерти, согласно их доктрине метемпсихоза.— Ред.]

217 [Почему некоторые ученые мужи так настойчиво разделяют религию и науку, как будто *и то, и другое* невозможно практиковать? Именно так, по-видимому, думает "магистр наук". Каждый *изучающий* науку вполне может применить следующие строки: "Ваш долг — продолжать упорно, непоколебимо, *оне Хаст, оне Раст*, сознавая, что вы интерпретируете, в меру своих ограниченных возможностей, свои концепции научных истин, в равной степени сознавая, что, какими бы ни были непосредственные результаты ваших трудов, они должны в конечном итоге соответствовать стремлению, которое стремится к *главному прославлению*". —К. Картер Блейк *О доктрине конечных причин* (Гастингс Философское общество, заседание 13 января 1864 г.). - Ред.]

218 Robin, *Mémoire sur la Production du Blastoderme* (*Journal de Physiologie*, p. 358, 1862).

219 Таким образом, мы не видим, чтобы в человеке реализовался тот общий закон, который гласит, что виды животных велики пропорционально континенту, который они населяют; средний размер млекопитающих, в частности, регулярно пропорционален протяженности Австралии, Америки, древнего континента и дна океана.

220 Сравните Митчелла, *Эссе о причинах появления различных цветов* и т.д. (*Философские труды*, 1745.)

221 "Sole colorari homines non dubium, eosque autem ut nigrescant non constat." Альбинус, *О седалищах и причинах колоризма эфиопов*, стр. 12. Он также говорит, все еще говоря о неграх, что они цветные: "К чему приводит родительский колорит в либерос пропаганде ...; этиопы фемины вместе с кобылой, этиопы навсегда, этиопемы, и как сила природы люди, гигнит; альба вместе с альбои, альбом". —Там же, стр. 10. Это в некотором роде постоянство объявленного типа.

222 *Dissertation Physique sur les Différences des Traits du Visage*, p. 17.

223 См. выше, стр. 85.

224 Yvan, *De France en Chine*, p. 175, Paris, 1853. ["М. Перье упомянул, по словам Ивана, красоту жителей острова Реюньон, которые происходят всего от нескольких пар и все же знают, как сохранить чистоту своей крови" (*Исследование кровных браков и чистых рас*, доктор Э. Далли; перев. Х. Дж. К. Биван, *антрополог. Ревью*, стр. 97, 1864). —Редактор.]

225 Уайт, *Описание регулярной градации человека*, стр. 112. Мортон, *Crania Americana*, Введение. Prince de Wied, *Voyage au Brésil*, vol. ii, стр. 310. Bory de St. Vincent, *Essai Zoologique sur le genre humain*, vol. ii, стр. 20.

226 Desmoulins, *Histoire Naturelle des races humaines*, p. 162. *Коренные расы Земли*, стр. 585.

227 Уайт, *Описание регулярной градации человека*, стр. 104.

228 W. Edwards, *Des Caractères Physiologiques des races humaines*, p. 14. Niebuhr (transl.), *Lectures on Ethnography*, vol. i, p. 374.

229 Джон Хантер также считал, что человек изначально был черным; он заметил, что домашние животные с возрастом становятся белыми. Сравните Уайта, *Описание регулярной градации человека*, стр. 100. Таким образом, Хантер смешивал людей с домашними животными. Мы уже говорили, что следует думать об этой связи.

230 Compare Morel, *Dégénérescence de l'espèce humaine*, p. 5, Paris, 1857.

231 См. выше, стр. 73.

232 Климатические влияния действуют, вероятно, на диких животных таким же образом; следует, однако, отметить, что животное в неволе и человек, увезенный в другую страну, не подвергаются в одинаковой степени действию новой среды; условия не изменяются одинаково в отношении них обоих. Иногда человек, иногда животное будут иметь больше шансов на сопротивление; первый всегда вынужден своим хозяином подчиняться интеллектуальному правительству, максимально приближаясь к своему прежнему состоянию; другой предоставлен самому себе и фатально втянут в новые привычки, которые он видит вокруг себя.

233 See, on this point, Boudin, *Géographie Médicale*, vol. ii, стр. 15, Париж, 1857. *Annuaire du Bureau des Longitudes*, p. 230, 1833. G. Pouchet, *Des Colorations de l'épiderme*, 4to, Paris, 1864.

234 [Др. Уэйтц в своем *Введении в антропологию* (переведено и отредактировано Дж. Ф. Коллингвудом) дает объяснение относительно окраски негров, которое очень любопытно, но с которым, однако, он не согласен; а именно: “в жарком климате количество поступающего кислорода недостаточно для превращения углерода в углекислоту, и что неиспользованный углерод откладывается в пигментных клетках кожи.... Однако трудно признать, что потемнение кожи летом в нашем климате вызвано теми же причинами, что и черный цвет негров, и что потребовалось бы только большей интенсивности и большей продолжительности, чтобы оно стало таким полностью”. Часть. I, раздел i, стр. 35. — Ред.]

235 Преждевременное развитие половых функций находится в прямой связи с этим общим фактом.

236 У. Эдвардс, *Физиологические особенности* др., стр. 14. “Только в тропиках сочетается детская грация с полным развитием женской зрелости”. Смит, *Естественная история* и др., стр. 190. Смотри также, Кабанис, *Взаимоотношения тела и морали*, том. ii; и Дэви, *Рассказ о Цейлоне*. Эти два автора, в частности, вполне оценили эти изменения.

237 Boudin, *Géographie Médicale*, vol. ii, стр. 150, 1857.

238 Заседание 7 ноября 1861 г.

239 [См. выше, стр. 59, *примечание*. — Ред.]

240 Это следует из документов, собранных Ноттом (*Две лекции по естественной истории кавказской и негритянской рас*, Мобил, 1844, сравните Boudin, *Géogr. Méd.*, vol. ii, стр. 144), что по мере продвижения к верхней части Северных Штатов безумие становится очень частым явлением среди негров. Это достигает пропорции одного случая безумия среди двадцати

восьми здравомыслящих людей в Массачусетсе и Мэне. Мы не решаемся признать влияние климата, потому что число случаев, по-видимому, увеличивается относительно уровня образования среди людей; не потому, что безумие зависит от образования, а потому, что оно выявляет огромное количество случаев, о которых мы иначе были бы в неведении, как это часто бывает на востоке среди менее просвещенных людей.

241 Compare Boudin, *Bulletins de la Société d'Anthropologie*, August 1, 1861.

242 Compare Boudin, *Traité de Géographie Médicale*, 1857, Introduction.

243 *New York Medical Journal*, p. 399, February 1831 (see Hirsch, *Handbuch der Historisch-geographischen Pathologie*, § 35, p. 1).

244 *Некоторый отчет о последней эпидемии желтой лихорадки в Британской Гвиане*, стр. 59, 8vo, Лондон, 1850.

245 Бартон, *Отчет Санитарной комиссии Нового Орлеана за 1853 г.*, стр. 248, Новый Орлеан, 1854 г. (см. Хирш, *Справочник* и др., § 35). Он приводит несколько доказательств по одному и тому же вопросу. С полигенистской точки зрения они кажутся нам слишком решающими, чтобы мы не приводили полный список его цитат: Ромей, *Сборник научных трудов о фибре Амарильи* и др., Гавана, 1797; Арнольд, *Трактат о желчной перекачивающей лихорадке* и др., стр. 26, Лондон, 1840; Зимпель, *Jena'sche Annalen für Med.*, i, стр. 68; Дикинсон, *Наблюдения за эндемическими случаями воспаления у незнакомцев в Вест-Индия* и др., стр. 13, Лондон, 1819; Фергюсон, *Заметки и размышления*, стр. 150, Лондон, 1846; Диксон, *Филадельфийский мед. и физ. Journal*, iii, p. 250; Lallemand, *Das Gelbfieber*, etc., p. 121. [Шомбургк, *Описание Британской Гвианы* и др., стр. 22, Лондон, 1840. — Редактор.]

246 Слов, заимствованных из определения видов Исидором Жоффруа, *Естественная история человечества*, том. ii, стр. 437. “Акт, который кажется наиболее естественным для совершенных живых существ, которые не прерываются и не возникают в результате самопроизвольного зарождения, — это создание существа, подобного им самим, животное производит животное, растение растение, чтобы в максимально возможной степени участвовать в вечной и божественной природе”. -*De l'ame*, книга ii, глава ii. iv, § 2, перевод. Бартелеми Сент-Илера.

247 Нотт и Глиддон, *Коренные расы Земли*, стр. 443.

248 Нотт и Глиддон, *Типы человечества*, стр. 373, 1854.

249 See Boudin, *Géographie Médicale*, Introduction, p. 39.

250 See Morel, *Traité des Dégénérescences*.

251 Périer, *Société d'Anthropologie*, meeting of April 21, 1864.

252 *Des Races Humaines*, 1845.

253 *Описание регулярной градации человека*, стр. 146.

254 Compare W. Edwards, *Des Caractères Physiologiques*, etc., p. 29.

255 Таким образом, индивидуальные различия могут основываться только на изменениях типа, на характеристиках, которые не соответствуют предполагаемому идеалу. Следовательно, если

мы жили с незнакомцем, у которого хорошо выражены все характеристики его расы, нам кажется, что мы видим его во время путешествия среди его соотечественников.

256 “Это один из самых ясных фактов как в животном, так и в растительном мире; все расы обычно размножаются и увековечивают себя, не смешиваясь и не смешивая одну с другой”. — Причард, *Природная история человека*, том i, стр. 17. Сравните Мореля, *Происхождение человеческой жизни*, стр. 2.

257 Третий номер. Большинство статей в этом замечательном произведении не подписаны.

258 “Ни одна раса не будет сливаться с другой; они вымирают или, кажется, медленно вымирают”. Сравните с *Ethnological Journal*, стр. 98.

259 “Мы приходим к фундаментальному выводу, что людям, принадлежащим к различным расам, но являющимся соседями, бесполезно объединяться вместе; часть нового поколения всегда сохранит первобытный тип”. — См. Courtet de l'Isle, *Этнографическая таблица*, стр. 77.

260 Лэтем, однако, полагает, что он обнаружил некоторые следы финикийской расы в Африке и Корнуолле. Сравните Нокса, *“Расы людей”*, 1850 год.

261 [Небольшие столбцы, без основы и заглавной буквы. — Ред.]

262 Так обстоит дело с бегемотом и львом.

263 таким образом, по крайней мере, Буффон переводится как “Готти полном объеме proceriore, capillis albidis rectis, oculorum indibus cinere—cærulescentibus.”—Линней, *фауна succica*, стр. 1.

264 В силу закона, который заставляет нас находить семейное сходство в человеке после того, как оно отсутствовало или, скорее, было скрыто в течение одного или нескольких поколений.

265 “Rutilæ comæ, magni artus.”—Tacitus, *Agricola*, ii, § 11.

266 “Colorati vultus et torti plerumque crines.”—Idem, *ibidem*.

267 Idem, *ibidem*.

268 См. Latham, *Celtic Language*, стр. 371. J. B. Davis и J. Thurnam, *Crania Britannica*, стр. 53. Garnet, в *Трудах Филологического общества*. R. Cull and Latham, в *Edinburgh New Physical Journal*, 1854. Périer, *Fragments Ethnologiques*, Paris, 1857.

269 Дж. Филиппс, см. *Британская ассоциация*, 1849.

270 Однако само название этого района указывает на заселение этих мест скандинавами.

271 Compare W. Edwards, *Des Caractères Physiologiques des Races Humaines*. Париж, 1829 год.

272 See Périer, *Fragments Ethnologiques*, Paris, 1857.

273 *Recherches sur l’Ethnologie de la France (Mémoires de la Société d’Anthropologie*, vol. i, p. 1). Смотрите также дискуссию, последовавшую за прочтением этого документа (*Бюллетени Общества антропологов*, заседания 21 июля и 4 августа 1859 г.).

274 Мы можем отметить, что эта линия точно перпендикулярна климатическим параллелям, разделяющим Францию.

275 [Стандарт во Франции, по нашему мнению, составляет пять футов.— Редактор.]

276 Перу, 1846 год.

277 *Никарагуа: ее народ*, т. ii, стр. 153, Нью-Йорк, 1852.

278 *Essai sur l'Inégalité des Races Humaines*, Paris, 1852.

279 *Rapports du Physique et du Moral*, vol. i, p. 484.

280 M. Morel, *Traité des Dégénérescences*.

281 [“Все расы человечества смешиваются, они плодovиты, производя помеси, мулатов, метисов и т.д., Которые, опять же, продуктивны. Следовательно, по физиологическим принципам все человеческие расы составляют лишь один вид, который здесь идентичен роду *humanum*.” Так думает профессор Рудольф Вагнер, но его аргументы не очень удовлетворительны. Он относит различные расы в значительной степени к климатическому влиянию. См. *Сотворение человека и сущность разума (Антроп. откр., том i, стр. 229)*. — Ред.]

282 Compare *Bulletins de la Société d'Anthropologie*, vol. iii, c. 175.

283 Применяя эти принципы к семейному кровному родству, мы можем сказать в общих чертах, что оно будет благоприятным или нет для потомства в зависимости от состояния родителей. Если родители совершенно здоровы и свободны от всякого начинающегося вырождения, они могут рожать только детей, по крайней мере, таких же здоровых, как они сами. Если один из двух родителей запятнан начавшимся вырождением, потомок в своем качестве отпрыска, возможно, будет нести на себе следы этого вырождения, но заметно ослабленный. Если оба родителя по отдельности заражены разными стадиями вырождения, то один из них должен продолжить это в ребенке, только в меньшей степени. Но если одна и та же дегенерация уже поразила обоих родителей, то потомство проявит ее в большей степени и будет стремиться к полному исчезновению.

284 Flourens, *Histoire des Travaux de Buffon*, p. 180.

285 [О феноменах гибридности в роде *Ното*, под редакцией К. Картера Блейка, F.G.S., F.A.S.L. — редактор.]

286 Сравнить G. Pouchet, *Précis d'Histologie Humaine*, § 5.

287 “Ac Sylla quidem sodalis noster, fatus nos parva quæstione tanquam instrumento ingentem et gravem de origine mundi quæstionem subruere.” *Quæstionem Convivialium*, book ii, quest. 3; пер., под редакцией Ф. Дидо, 1841.

288 Буффон сказал, что (*Дополнения*, т. iv, с. 335) этот метод генерации является не только наиболее частым и самым общим, но и самым древним, то есть первым и наиболее универсальным. Плутарх (*Quæst. Conviv.*, книга II, quest. 3; transl., edited by F. Didot, 1841) makes the same remark: “Proinde probable est primum ortum ex terra gignentis perfectione ac robore

absolutum fuisse, nihilque indigentem hujusmodi instrumentis, receptaculis et vasis, qualia nunc ob imbecillitatem natura parit atque machinatur parientibus.”

289 Не следует забывать, что органические вещества, как предполагается, были обнаружены даже при образовании некоторых аэролитов.

290 É. Geoffroy, *Comptes Rendus des séances de l'Académie des Sciences*, vol. v, p. 193.

291 See Isidore Geoffroy Saint-Hilaire, *Histoire Naturelle Générale*, vol. iii, стр. 210.

292 [Мы почти испытываем искушение, по доброте душевной, отсылать нашего автора к следующим замечаниям в "Реликвиях отца Праута", стр. 264. "Я приложил немало усилий, чтобы составить исчерпывающее представление о системе графа де Бюффона, и с помощью старого иезуита мне удалось свести объемистую диссертацию к нескольким строкам для использования теми, кто недоволен утверждением Моисея:

1. Вначале было солнце, от которого случайно отлетел осколок, и этим осколком был наш земной шар.

2. А ядро шара состояло из расплавленного стекла с оболочкой из горячей воды.

3. И он начал вращаться и стал несколько сплюснутым на полюсах.

4. Теперь, когда вода остыла, начали появляться насекомые и моллюски.

5. И из-за скопления раковин, особенно устриц (см. Том i, стр. 14, 4то, 2-е изд.), постепенно сформировалась земля с горными хребтами по принципу Монте-Тестачио у ворот Рима.

6. Но расплавленное стекло долго сохраняло тепло, а климат арктики в те времена был таким же жарким, как сейчас в тропиках, — свидетельство тому замороженный носорог, найденный в Сибири". Пусть закваска сработает, хотя это всего лишь шутка по сравнению с реальностью М. Пуше.— Редактор.]

293 *Histoire Naturelle*, vol. ix, стр. 127, 1761. Étienne Geoffroy (*Comptes Rendus*, vol. iii, стр. 29) говорит то же самое "относительно действительного устройства земного шара; каждая раса является видом *sui generis*, — собственной формой или сочетанием в природе".

294 Термины этого определения почти полностью заимствованы у Исидора Жоффруа. Заканчивая его словами "в существующем порядке вещей", Исидор Жоффруа только определил существующие виды и без всякой причины убрал палеонтологические виды.

295 Lamarck, *Discours de l'An XI*, p. 45.

296 See Flourens, *Examen du livre de M. Darwin sur l'Origine des Espèces*, 18mo, Paris, 1864. Мы, по крайней мере, удивлены, обнаружив, что имя Джеффруа упоминается в такой работе всего один раз (стр. 45). М. Флоуренс обвиняет Дарвина в том, что он лишь цитирует сторонников его собственного мнения (стр. 40).

297 [См. выше, стр. 84, примечание.— Ред.]

298 *Sur l'Influence du monde ambiant*, 1831 (*Mémoires de l'Académie des Sciences*), vol. xii, c. 81.

299 Т. ii, вторая часть, 1859.

300 *Philosophie Zoologique*, vol. i, p. 221.

301 *Système des Connaissances Positives*, p. 143, 1820.

302 *Discours de l'an XI*, стр. 45. Он также говорит в другом месте (*Philosophie Zoologique*, т. i, стр. 66): “То, что мы называем видами, обладает лишь относительным постоянством в этом состоянии и не может быть таким же древним, как сама природа”.

303 Lamarck, *Organisation des Corps Vivants*, p. 53.

304 Для природы “время не имеет предела и, следовательно, всегда находится в ее распоряжении”. Ламарк, *Система животных без вертелов*, стр. 13, 1801.

305 Дарвин *О происхождении видов*, стр. 518, Лондон, 1861. “Я полагаю, что животные произошли самое большее от четырех или пяти прародителей, а растения - от такого же или меньшего числа. Аналогия привела бы меня еще на один шаг вперед, а именно к убеждению, что все животные и растения произошли от какого-то одного прототипа”.

306 Сравните Дарвина *О происхождении видов*, стр. 96, 1861.

307 *Histoire Naturelle Générale*, vol. ii, стр. 421, 1859.

308 “Наблюдение видов в естественном состоянии, открывая нам множество более или менее важных модификаций, не может показать нам сколько-нибудь серьезного отклонения от типов, образовавшихся или сохранившихся под влиянием существующего положения вещей”. Isidore Geoffroy, *Vie d'Étienne Geoffroy*, p. 349.

309 См. Лейбниц, *Protogée*, перев. Бертран де Сен-Жермен, Введение, стр. 61.

310 *Comptes rendus des séances de l'Académie*, February 22, 1858.

311 Мы хотели бы поблагодарить вас за публикацию здесь следующего отрывка из письма, адресованного нам Исидором Жоффруа Сент-Илером от 3 июня 1860 года и относящегося ко всем этим вопросам. “Я сказал два или три года назад, как я узнал от мсье Лартэ (который помнил выражение, которое я сам забыл), что нынешнее развитие науки имеет тенденцию заменять в геологии идею эволюции земного шара идеей революций. Г-н Лартэ разделил эту точку зрения и придерживается ее. Для меня это имеет большое значение в отношении моих работ о видах, в которых мы должны в данном случае заменить понятие эволюции понятием революции; революции здесь являются воображаемыми творениями, резко сменяющими друг друга. Пора покончить с этими взглядами, которые, вместо того чтобы считать творение однажды завершенным, заставляют в каждое мгновение *Deus ex machina* вмешиваться”.

312 [“В окрестностях горы Этна или на склонах этой обширной горы есть слои лавы, покрытые значительным слоем земли; и, по крайней мере, еще один, который, хотя и известен из древних памятников и исторических записей как вышедший из вулкана по крайней мере две тысячи лет назад, все еще почти полностью лишен почвы и растительности; в одном месте в семи различных слоях лавы была прорезана яма; и было обнаружено, что они отделены друг от друга почти таким же количеством толстых слоев богатой земли. Теперь, исходя из того факта, что слой лавы возрастом в две тысячи лет все еще скудно покрыт землей, изобретательный каноник

Рекуперо, который тридцать лет трудился над естественной историей горы Этна, сделал вывод, что самый нижний из этих слоев, которые были обнаружены разделенными таким количеством слоев земли, должен был быть выброшен из вулканического кратера по меньшей мере *четырнадцать тысяч* лет назад, и, следовательно, возраст земли, какой бы он ни превышал этот промежуток лет, не может быть меньше”. *Тур по Сицилии и Мальте* (1770). Платон в своем *"Критии"* упоминает остров Атлантиду как погребенный в океане за девять тысяч лет до него. В *Всеобщей истории*, том i, (предисловие) нам говорится, что астрономические записи древних халдеев относят происхождение общества к отдаленному периоду в *четыреста семьдесят три тысячи* лет. Среди сравнительно известных авторитетов существует значительная разница во времени предполагаемого образования мира. Еврейская Библия относит сотворение мира к 3944 годам до христианской эры. Самаритянская библия, 4305 лет; Септуагинта, 5270 лет; Ашер, 4 004 года; Иосиф Флавий, 4658 лет; М. Пезрон, 5872 года. Во всех этих различиях, однако, нет ничего столь поразительного, как в теориях, о которых мы упоминали выше, о Рекуперо, халдеях и т.д. — Прим. ред.]

313 [Наш автор совершенно прав. Наука *действительно* учит нас, что думать о божественной силе в ее внешних проявлениях. Чем больше мы понимаем природу, тем более искренними будут люди, готовые восхвалять и воздавать славу Богу, который создал ее, который сотворил человека и животное с такой удивительной и изысканной регулярностью, и который продолжает управлять миром и всем, что в нем есть. Возможно, меcье Пуше думает, что он сам мог бы сделать что-нибудь получше. Жаль, что умный ум так искажен этой наукой, которая должна была бы сделать его более чем когда-либо уверенным в том, что Бог — творец мира; и что самопроизвольное зарождение и никогда четко не объясненное происхождение *первой* материи, о которых даже г-н Пуше не может нам рассказать, при всем его скептицизме, должны проложить “путь благих намерений”. - Ред .]

314 [Почему бы и нет?— Редактор.]

315 Некоторые могут быть удивлены тем, что мы применяем слово *царство* к позвоночным. Мы делаем это потому, что, по правде говоря, расстояние, отделяющее их от других животных, кажется нам почти таким же большим и даже более решительным, чем то, которое отделяет беспозвоночных от растений.

316 Диаграмма, которую Дарвин поместил в своей книге *О происхождении видов*, является лишь частью общей схемы, которую мы пытаемся представить читателю.

317 *Секрет*, стр. 128, 1858.

318 Преобладание непосредственных азотических принципов, дыхание, сравнимое с дыханием животных, произвольные движения, неделимость организма и т.д.

319 [См. выше, стр. 46, 47. — ред.)

320 См. *"О происхождении видов"*, глава iii.

321 Львы препятствовали армии Ксеркса в Македонии. Во времена римских императоров они в изобилии водились в провинции Африка. Однако в настоящее время Жерару приходилось бодрствовать триста ночей, чтобы убить только тридцать или сорок.

322 Крокодил, который раньше кишел в Дельте, теперь водится только в Верхнем Египте.

323 Со времен римской оккупации гиппопотам последовательно удалялся от устья Нила к четвертому порогу. Несколько лет назад на острове Арго, по эту сторону Нью-Донголы, существовал один-единственный корабль. Несколько охотников убили его, и с тех пор их находили только на берберском уровне.

324 [*Хамиты*, род вымерших головоногих моллюсков, обнаруженных в формации гринсанд в Англии. — ред.]

325 *Comptes Rendus*, vol. iv, стр. 58. Возможно, единственный логический вывод, который мы действительно можем сделать из большего размера этих животных, - это большая протяженность континентов, которые они населяли. Вера в гигантские размеры ископаемой фауны и флоры также является остатком чудес, о которых невольно сообщали первые исследователи науки. Рассматривая вопросы ближе и беспристрастнее, мы видим, что определенные зоологические группы действительно были ранее представлены более крупными видами, чем в наши дни; но пока мы не придем к какому-нибудь новому открытию, мы имеем право думать, что другие группы животных, напротив, имеют класс более крупных представителей, чем в прежние времена; например, четвероруких, китообразных, насекомых, головоногих моллюсков, безголовых моллюсков и т.д. Но это мнимое разложение особенно ложно в отношении растений; если мы находим в земле несколько больших папоротников или огромных трав, мы должны многое вычеркнуть из так называемых допотопных лесов, которые многие без колебаний приводят в подтверждение своих идей. Все известные нам ископаемые растения без исключения крайне жалки по сравнению с гигантскими хвойными и двудольными растениями в лесах старого и нового света.

326 [Если это новое творение рук человеческих, столь очаровательно устроенное нашим автором, не будет более успешным, чем Пандора, созданная Вулканом, мы опасаемся, что мир от этого мало что выиграет. В древние времена человек, выдвинувший такие любопытные идеи, вероятно, был бы наказан чем-то подобным тому, что постигло Прометея. Ли М. Пуше, в цитировании данного персонажа, полностью забыть обо всем на сказку, и на последствия своей опрометчивости? Однако нам действительно жаль видеть, как наука извращается до любимой идеи, если можно так выразиться, и искажается с помощью “плохой анатомии и еще худшей теологии”, как называет это наш друг, ради доказательства фактов, которые совершенно невозможно разгадать. Месье Пуше дает нам в спонтанном зарождении первый зародыш, с которого начинается, как он это называет, *изначальный анатомический элемент*. Он начинает с этого и утверждает — каким образом, мы оставляем решать нашим читателям, — что из этого зародыша со временем произошли все животные на поверхности земного шара. Но он не говорит нам, как возник сам этот *первый зародыш*. Это полностью отбрасывается в сторону и принимается как должное. Однако мы не можем считать это само собой разумеющимся; и пока мы не докажем удовлетворительно, что он прав в какой-либо части своей идеи, мы будем продолжать думать и верить, как делали это раньше. - Ред.]

327 См. Исидор Жоффруа Сент-Илер, *Vie d'E. Жоффруа Сент-Илер*, стр. 287.

328 См. Выше, глава. viii.

329 Сравните Оуэна, *О признаках, принципах деления и первичных группах класса Mammalia* (*Журнал Линнеевского общества*, 1857 г.)

330 Объяснение и обсуждение этих различных систем см. в Crull, *Dissertatio de Cranio*, 1810.

331 Сравните Crull, *Dissertatio de Cranio*, стр. 28, 1810.

332 Сравните Crull, *Диссертация о черепе*, стр. 52.

333 Баск и Кекетт (*Medical Times and Gazette*).

334 Всегда пытаются найти какие-то прежние указания или предчувствия, пусть даже смутные и полные неясности, за пределами происхождения позитивной науки; любопытно обнаружить в работах *врача* потерю своего рода зародыш, который, развившись, мог породить краниоскопию, — своего рода предвидение того значения, которое однажды приобретет измерение размеров черепа. Это в *Верном рецепте*: один из двух говорящих рассказывает сон, в котором он видел, как различные инструменты, используемые в геометрии, спорят о приоритете: он отвечает им, что человек выше их всех; они восклицают, что человек не может даже использовать один из них для измерения какой-либо части своего тела. [Мы считаем, что лучше всего привести оригинал здесь. — Редактор.] “Quoy voyant, il me print envie de mesurer la teste d’un homme, pour scauoir directement ses mesures, et me sembla que la sauterelle, la reigle, et le compas me seroient fort propres pour ceste affaire, mais quoy qu’il en soit, ie n’y sceu iamais trouver une mesure asseurée.” Bernard Palissy, *Œuvres*, p. 93, 12mo, Paris, 1844. Блюменбах где-то говорит: “Привычка и постоянное использование моей коллекции черепов заставляя меня каждый день понимать невозможность подчинить множество черепов правилу любого возможного угла, поскольку голова может принимать так много форм, а составляющие ее части имеют так много различных пропорций и направлений”. См. Морель, *Характеристика эволюции человека*, стр. 68. М. Эйткен Мейгс в настоящее время показывает не менее двадцати девяти различных измерений черепа, которые должны быть получены, если мы хотим иметь о нем хоть сколько-нибудь удовлетворительное представление.

335 См. Выше, главу iv.

336 См. “Коренные расы Земли”, стр. 320.

337 See Strobe, *Description d’une Momie très-ancienne (Recueil Périod. d’Observ. de Médecine*, vol. iv, стр. 290, январь 1756 г.). Читая рассказ очень способного и рассудительного рассказчика, можно увидеть, как сильно меняются древние научные наблюдения со временем, когда не заботятся о том, чтобы сослаться на оригинальные источники.

338 See Vivien, in the *Mémoires de la Société Ethnologique*, vol. ii, стр. 59.

339 Портфолио, филадельфия, 1814 год.

340 У. Эдвардс, “Физиологические особенности человеческих рас”, стр. 45, особенно отметил огромную важность внешних характеристик; он ошибся только в том, что исключил волосы и уделил внимание исключительно форме черепа, которая никогда не касается нас, когда мы пытаемся представить или вызвать в памяти черты человека.

341 См. Мишле относительно картин в Сикстинской капелле, *История Франции эпохи Возрождения*.

342 “Филология - это одновременно и самая возвышенная, и самая позитивная отрасль естественной истории человечества”. Шаве, *Моисей и языки* (Ревю). М. Флуранс, по-видимому, ставит филологические характеристики выше физических. [См. Выше, стр. 77, примечание.— Редактор.]

343 Он считает, что с их помощью мы можем вернуться к самым отдаленным геологическим периодам. См. *Апофтегмы* (*Эдинбургский новый философский журнал.*, том li.)

344 Лэтем объясняет это так: “Это потому, что в то время как А и В в смысле происхождения дадут С истинный *tertium quid* или близкое приближение к нему, а А и В в смысле языка дадут только самих себя, т.е., они не дадут ни истинного *tertium quid*, ни какого-либо очень близкого приближения к нему”. *Кельтские народы*, стр. 33. Мы попытались доказать, что этот истинный *tertium quid* — этот *реальный средний термин*- никогда не возникает в отношении видов.

345 [“Либо язык, должно быть, был изначально ниспослан с небес, либо он должен быть плодом человеческого труда. Большая часть евреев и христиан, и даже некоторые из мудрейших язычников, придерживаются первого мнения, которое, по-видимому, подтверждается авторитетом Моисея, который представляет Верховное Существо как обучающее наших прародителей *названиям* животных. Последнего мнения придерживаются Диодор Сицилийский, Лукреций, Гораций и многие другие греческие и римские писатели, которые рассматривают язык как одно из искусств, изобретенных человеком. Первые люди, говорят они, жили некоторое время в лесах и пещерах, подобно зверям, издавая только беспорядочные и невнятные звуки, пока, объединяясь для взаимной помощи, они постепенно не пришли к использованию членораздельных звуков, согласованных по обоюдному согласию, для произвольных знаков тех идей в уме говорящего, которые он хотел донести до слушателя. Это мнение возникло из атомной космогонии, которая была сформулирована финикийцем Моком, а впоследствии усовершенствована Демокритом и Эпикуром; и хотя оно является частью системы, в которой первые люди представлены выросшими из земли, подобно деревьям и другим овощам, оно было принято несколькими современными авторами высокого ранга в республике словесности и, безусловно, само по себе заслуживает изучения”.—*Энциклопедия Брит.*, вып. ix, стр. 530, 1797. — ред.]

346 Я не упоминаю здесь мнения шведа (см. Латам, *Кельтские нации*, стр. 2), который считает, что важные изменения могут быть внесены в язык определенными обычаями народа, которые меняют, например, губы на ноздри и, таким образом, заменяют носовые согласные губными. Эти факты, возможно, верны в деталях, но они не должны иметь большого значения, поскольку они не меняют специфического и индивидуального характера языка, который далек от того, чтобы заключаться в относительном количестве одного или двух видов букв.

347 Бунзен (англ. пер.), *Жизнь и письма* Нибура, том i, стр. 39.

348 “Языки, - говорит он, - дают лишь слабые вероятности в антропологии”. *Voyage aux regions Equinoxiales du Nouveau Continent*, vol. iii, стр. 352.

349 См. в *Мемуарах этнологического общества* (июль 1843 г.) письмо, в котором М. Вивьен отрицает первостепенное значение языка как отличительной характеристики и относит его к физическому типу.

350 См. выше, стр. 32.

351 “Я склонен полагать, что знакомые языки (если мне позволено это филологическое варварство) похожи друг на друга не *потому, что* они происходят от одного родителя, а потому, что они выросли вместе; Африка, как мне кажется, особенно служит доказательством этого, поскольку мы должны изучать историю языковых семей, особенно в том месте, где они начали формироваться, и я полагаю, что язык сформировался в Африке. Моя гипотеза применима не ко всем случаям, а к нескольким; так, французский, итальянский, испанский и т. Д. Произошли от латыни и родились после ее смерти; но мне кажется, что многие другие языки заимствуют свои черты один от другого из—за простого частого употребления, из-за того, что туземцы часто находятся в компании друг друга, и со временем эти взаимные заимствования образуют два или несколько языков, подобных ветвям одного и того же дерева, только, по моему представлению, дерева не существует”. -*Переписка*, 1857.

352 См. выше, стр. 78.

353 [Пали, обычный язык повседневной жизни в Индостане в то время, когда санскрит использовался только в возвышенной литературе.— Ред.]

354 *Des Colorations de l'épiderme*, 4to, Paris, 1864.

355 См. "*Естественную историю человека*", 1844.

356 См. *Ethnographic Tableau (Indigenous Races of the Earth*, Лондон, 1857 г.),.

357 В качестве типов рода мы можем привести две картины, несравнимые с антропологической точки зрения: *Портрет Негра*; *Восточный портрет* кисти Гершопа (Берлинский музей, № № 825 и 827).

358 М. Флуранс, говоря, что Бюффон собрал рассказы разных путешественников, чтобы написать свою *Историю рас*, добавляет: “Все, что они видели только глазами своего тела, он видит глазами своего разума, и только благодаря этому он видит лучше, чем они могут; каждый из них видел лишь некоторые разрозненные характеристики, — Бюффон видит все; он связывает воедино все, что они могли разделить, и отделяет то, что они смешали”. —*История идей Бюффона*, стр. 167.

359 “Bonī viri nullam oportet esse causam præter veritatem.”

360 [Да, но трудность заключается в том, чтобы определить, *верно ли это*. Мы не можем принять *что-либо* за истину только потому, что *ученый* говорит, что это так. Мы должны продолжать исследовать в надлежащем духе; но мы не должны ставить поиск истины в одну категорию со скептицизмом — “тем безрадостным состоянием души, при котором уверенность относительно всего и вся здесь, на земле, кажется недостижимой”. Это век поиска истины; но сколькими различными путями люди пытаются достичь ее! Мы должны тщательно исследовать прошлое во всех его научных и естественных фактах, и, как прекрасно сказал Лонгфелло, —

“И не думай о безвозвратном прошлом,

Как совершенно растрченный, совершенно напрасный,

Если, поднявшись на своих обломках, наконец

К чему-то более благородному, чего мы достигаем”.

Это истинная цель любого исследования. — Ред .]

Примечания переписчика

Очевидные типографские ошибки были исправлены автоматически. Варианты расстановки переносов и ударений стандартизированы, но вся остальная орфография и пунктуация остаются неизменными.

Курсив представлен таким образом *_italic_*.

“Ошибки” были исправлены в установленном порядке.